АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ШУМЫ ГОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“ в РЕВЕ

Издательство
Библиофил

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ШУМЫ ГОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“
РЕВЕЛЬ

Печатано въ типографіи Эд. Бергмана въ Юрьевѣ-Tartu.

Посвящаю

С. П. Ремизовой-Довгелло

Голодная пѣсня

Если что еще и бодритъ духъ мой, это скорбь.

И эта скорбь связываетъ меня съ міромъ. Скорбь же даетъ мнѣ право быть.

Мои гости – бѣда и несчастье. И глаза мои — къ слезамъ, какъ мои уши — къ стону. А сердце дышетъ болью.

И я знаю, торжествующій и довольный никогда не постучитъ въ мою дверь. Я знаю, ко мнѣ придетъ только съ бѣдою.

И самъ я возвращаюсь съ воли всегда потрясенный, съ затаенной болью отъ встрѣчъ.

*

Вотъ говорятъ, Петербургъ гнилой и туманный, нѣтъ, въ Петербургѣ бываютъ дни ослѣпительные.

И въ такіе дни, когда все такъ ярко и ясно, моей душѣ особенно больно.

Въ Прощеный день по обѣднѣ шелъ я по Старому Невскому.

Было такъ вотъ ярко — заморозки, рѣзкій вѣтеръ, рѣжущее солнце. Путь мнѣ былъ долгій. На другой конецъ шелъ я. Мысли — съ ними не разстаюсь я въ моей неволѣ — думы мои о дѣлахъ человѣческихъ, о бѣдной жизни нашей, о судьбѣ проклятой и человѣкѣ, не родившемся еще человѣкомъ, вольныя, свертывались онѣ въ жгутъ и рѣзче вѣтра, больнѣе рѣжущаго солнца неслись въ моей душѣ.

Глаза мои были напряжены до слезъ и отъ солнца и отъ всматриванія — не было лица, тѣнь отъ котораго не падала бы на меня, всѣхъ я видѣлъ и различалъ каждаго. И слышалъ много звуковъ, и изъ всѣхъ звуковъ въ шумѣ одинъ звукъ вонзился въ меня —

— тла-да-да-да-да —

Я шелъ по солнечной сторонѣ — кто это? откуда звенитъ? — перешелъ на другую.

— тла-да-да-да-да —

— сверлило въ ушахъ.

На углу Полтавской въ тѣни стоялъ китаецъ: судорожно подергивались его ноги, колотили въ промерзшую землю. Голова его была обнажена — черепъ, обтянутый кожей, а впалые глаза закрыты — слѣпой китаецъ. Слѣпой, съежился весь, рука вцѣпилась въ рваную шапку —

— тла-да-да-да-да —

Это китаецъ звалъ, о помощи просилъ, слѣпой и замерзшій.

И звукъ его зова — не гортанная переливная старая рѣчь Китая — одинъ звонъ голодный — голодная пѣсня изъ тѣни наперекоръ рѣзкому вѣтру звенѣла по рѣжущему солнцу —

— тла-да-да-да-да —

И когда я подалъ мылостыню, стало мнѣ передъ нимъ такъ стыдно — да лучше-бъ никогда мнѣ не видѣть и ничего не слышать! — почуялъ я въ немъ брата, которому, какъ и себѣ, ничѣмъ не могъ помочь.

Толпа плыла широкимъ потокомъ навстрѣчу, ощеривались толстыя рожи, лоснились щеки, напитанныя кониной, мѣшечнымъ жирнымъ блиномъ и сметіемъ всякимъ, сдобреннымъ приторнымъ американскимъ вазелиномъ.

И одинъ рѣзче вѣтра звонъ голодный — голодная пѣсня —

— тла-да-да-да-да —

*

— Братъ мой голодный изъ поднебесной страны, пережившей много вѣковъ, неизвѣстныхъ и самой старой Европѣ, здѣсь никому ты не нуженъ.

— Братъ мой замерзшій, ты понимаешь, что такое слово? Тебя научили съ колыбели чтить слово и книгу. Слово здѣсь, какъ ты голодный, не нужно.

— Братъ мой терпѣливый, послѣднее у насъ окно вотъ-вотъ захлопнутъ. Да и Богъ съ нимъ, пускай его захлопнутъ: развѣ оно нужно? Кому?

— тла-да-да-да-да —

Свиная толпа съ пятаками, самодовольная, широко плыла навстрѣчу —

— — —

— — —

— —

— Понимаешь ли ты, самодовольная и торжествующая, хоть что-нибудь въ моей жизни и въ моей волѣ, можешь ли ты вызвать подъ своимъ тупымъ черепомъ хоть отдаленныя мысли, хоть намекъ о моемъ трудѣ, который тебѣ такъ же нуженъ, какъ нуженъ голодный китаецъ, какъ нужно слово, книга и наше послѣднее окно? Знаешь ли ты хоть что-нибудь о той боли, какая жжетъ меня, и о той тревогѣ и мукѣ, въ которой проходитъ моя жизнь и на яву и во снѣ? Снились ли тебѣ сны мои, и играло ли сердце твое отъ радости, заливавшей душу мою, отъ той радости, отъ которой свѣтится весь міръ, дышутъ камни, оживаютъ игрушки, глядятъ, разговариваютъ звѣзды, и разрывалось ли сердце твое отъ тоски и скорби, которая обугли-

вала всякій блескъ и свѣтъ? Нѣтъ, ты дрыхнешь и тебѣ ничего не снится, нѣтъ, ты не страждешь, ты только орешь отъ голода и визжишь отъ похоти. И нѣтъ звѣздъ надъ тобой. Какъ же ты, нищая духомъ, смѣешь посягать на мою волю и распоряжаться моимъ трудомъ, который есть одна живая боль? И еще скажу тебѣ, понимаешь ли ты, что я послѣдній нищій, щелкаю голоднымъ языкомъ, и тѣло мое измождено, душа измучена, кожа съ нея содрана — ты не понимаешь? — понимаешь ли ты, что подъ видомъ благодѣянія всему народу, ты запускаешь лапу не въ карманъ мой, который пустъ, а лѣзешь къ моей шеѣ, къ кресту моему, который тяжелѣе золота и горячѣе огня —

— тла-да-да-да-да —

— Братъ мой голодный, вотъ ты въ тѣни стоишь, слѣпой, замерзшій, а я иду — еще могу итти! — и никому не нужный иду наперекоръ рѣзкому вѣтру противъ рѣжущаго солнца —

— тла-да-да-да-да —

1918 г.

Современныя легенды

Искры

Тяжко на разоренной землѣ.

Родина моя!

Душа изболѣла.

Если бы были такія могилы, куда бы клали живыхъ, — я бы легъ.

Душа не острупѣлая, душа не задохнувшаяся въ мертвыхъ тискахъ, еще живая ищетъ чудесъ.

И въ этомъ послѣднее спасеніе ея. Хочетъ воплотить не бывшее, но всѣмъ сердцемъ желаемое и всѣмъ духомъ требуемое.

Посмотрите, какъ бьется живая, какъ плясица-птица живая въ рукахъ, и смотрится въ ночь, не мелькнетъ ли?..

Но нѣтъ свѣта.

Ни откуда не свѣтитъ.

Неразумная, есть свѣтъ и этотъ свѣтъ вѣчно горитъ изнутри, изъ тебя же самой!

Ты жаждешь, хочешь приблизить срокъ, твори же изъ мысли своей.

И вотъ возсталъ и бродитъ по Руси призракъ великаго чаянія истинной вѣры, истинной свободы.

Если-бъ поджечь цѣльнымъ огнемъ, какіе-бъ запылали костры!

Не костры, искры безсильныя, какъ потухающіе угольки, сыплются по снѣгу на ледяной черепъ измученной земли и сверкаютъ.

Тамъ —

Какъ ложныя звѣзды.

Я протянулъ руки.

И пали искры и обожгли мнѣ ладони.

I

Рука Крестителева

Сосѣдка Анна Ивановна хорошая женщина, а мужъ ея — солдатъ.

Частенько заходитъ къ намъ Анна Ивановна, и особенно по утрамъ.

И всегда съ новостями: о такомъ въ газетахъ не пишутъ.

Какъ-то до Николы еще растапливаю я печку, — дымитъ она у насъ, не дай Богъ! — самъ на угольки дую, сержусь на печку, что такая нерастопка.

Тутъ Анна Ивановна входитъ:

— Слышали, что во дворцѣ-то?

— Еще что? — сержуся на печку.

— Руку разрубили.

— Какую руку?

— Предтечи, Крестителеву.

— Что вы говорите?

— Тесакомъ Крестителеву. Во дворцѣ.

Крестителеву! А и въ самомъ дѣлѣ, рука-то Предтечи въ Зимнемъ дворцѣ у насъ, въ дворцовой церкви Нерукотвореннаго Спаса: въ Зимній дворецъ привезли ее мальтійскіе рыцари въ даръ императору Павлу. А шесть вѣковъ назадъ видѣли ее земляки наши паломники въ Цареградѣ. А въ Царьградъ попала она изъ Антіохіи. А въ Антіохію принесъ ее евангелистъ Лука изъ Самаріи. Вотъ какой долгій путь до Невы-рѣки.

А какія бывали гоненія!

Но и въ самыя жесточайшія, когда велѣлъ Юліанъ тѣло сжечь Крестителево, руку, крестившую Христа, пощадилъ, не велѣлъ трогать. Такъ и сохранилась. Сколько вѣковъ! Рыцари уберегли.

— Нѣтъ, — говорю, — больше на бѣломъ свѣтѣ рыцарей. Вотъ бѣда!

— Вынули изъ раки и тесакомъ разрубили по суставамъ! — все еще ужасалась Анна Ивановна.

А какія чудеса бывали!

Обложилъ Змѣй Антіохію, и такой ужасный, — отъ страха помирали. И всякій день пожиралъ Змѣй по непорочной дѣвѣ. Сколько горя! А былъ въ Антіохіи одинъ купецъ крѣпкой вѣры, очень любилъ свою дочь и такъ не хотѣлось ему отдать ее Змѣю. Насталъ чередъ. Что дѣлать? Пошелъ купецъ въ башню, — въ башнѣ хранилась рука Крестителева, — пошелъ просить Крестителя, — всѣ отказались, нѣтъ управы на Змѣя, некому помочь! Помолился онъ Крестителю и какъ сталъ прикладываться, тайно суставъ изъ мизинца и выкусилъ. И ужъ ночью смѣло повелъ къ Змѣю дочь. Не боится Змѣя: сохранитъ Креститель! А Змѣй ужъ пасть разинулъ, вотъ поглотитъ. Тутъ купецъ косточку ему, что выкусилъ-то, да прямо въ пасть. А изъ Змѣя духъ вонъ.

— Разрубили по суставамъ, и всякому досталось по косточкѣ, — продолжала Анна Ивановна, — Фирсова солдата помните? Водопроводчикъ. Взялъ Фирсовъ косточку, да себѣ въ карманъ и сунулъ. А она карманъ-то и проѣла, насквозь прожгла и ушла!

Анна Ивановна покачала головой и въ глазахъ ея засвѣтилось кротко:

— Видно, въ недостойныхъ рукахъ была!

II

Святой ковчежецъ

Вы знаете Сверчкова? — веселый человѣкъ. Со смѣху уморитъ, какъ начнетъ турусы свои. И легко съ нимъ: никакой притворенной скотины не чуешь, — осматриваться нечего.

Въ дѣлахъ дѣловыхъ человѣкъ незамѣтный,—маленькій чиновникъ и, конечно, никто его на рукахъ не носилъ и не понесетъ, развѣ на Смоленское. Впрочемъ, былъ одинъ грѣхъ: нынче во время майскихъ въѣздовъ, возвращаясь изъ Озерковъ, вознесенъ былъ на руки и на рукахъ высоко надъ головами проплылъ по воздуху отъ вагона черезъ вокзалъ до автомобиля, — спутали съ кѣмъ-то изъ эмигрантовъ, возвращавшихся съ тѣмъ же поѣздомъ изъ-за границы. Правда, видъ у него заграничный, и бородка зайцева.

*

Идетъ Сверчковъ по Старому Невскому.

Зима нынче выдалась теплая, и драповое его пальтишко къ самой порѣ.

Идетъ онъ, насвистываетъ, — веселый человѣкъ. Не на службу, такъ идетъ.

Навстрѣчу солдатъ — столкнулись глазами.

Солдатъ пріостановился.

— Не хотите ли купить, товарищъ, хорошая вещь, — наклонился, шепчетъ: — изъ дворца!

Да изъ кармана и вынулъ.

Всматривается Сверчковъ: маленькій ящичекъ серебряный. Раскрылъ, — а тамъ что-то такое крошечное, въ родѣ пылинки и подъ слюдой.

— „Что бы это такое, думаю, — разсказывалъ потомъ Сверчковъ, — понять не могу: пылинка! И знаете, сердце у меня заболѣло: да вѣдь это, думаю, мощи!"

Сверчковъ давнымъ давно ни въ какую церковь не ходилъ, а этой весной, нацѣпивъ красный бантикъ, въ великую пятницу, какъ на масленицѣ, въ карты дулся.

И вдругъ сердце заболѣло: мощи!

А солдатъ сообразилъ, глядитъ нагло:

— Меньше ста не возьму.

„А у меня всего сто и есть, больше нѣтъ, послѣднее, все. Да, думаю, мощи! Богъ знаетъ, въ чьи руки попадутъ! Вынулъ я кошелекъ и все отдалъ, а ковчежецъ сюда спряталъ, держу крѣпко."

— А это не купите ли?

Солдатъ еще что-то вынулъ, да Сверчковъ ужъ ничего не видитъ: все равно, послѣднее, вѣдь, отдалъ.

— Сколько?

— Двѣсти!

— Не надо!

Мелькнулъ и исчезъ солдатъ, будто и не бывало.

III

Бѣлое сердце

Ждалъ я трамвая.

Никакъ не могу войти: висятъ, толкаются. Трамваевъ десять пропустилъ и все неудача.

Вижу, старуха стоитъ, какъ и я, ждетъ. Древняя бабушка. Посмотришь на такое лицо, и кажется, вѣкъ оно такимъ было, — вѣкъ была бабушка бабушкой: морщинки маленькія, беззубая и очень добрая. Я посмотрѣлъ попристальнѣе: терпѣливо стоитъ, и видятъ ли что усталые глаза? Да, увидѣли.

— Не оставь меня, — сказала бабушка, — вмѣстѣ поѣдемъ на трамваѣ. Никакъ не могу попасть.

— Хорошо, — говорю, — поѣдемте, только долго намъ стоять тутъ: толкаться не хочу, висѣть...

— Сохрани Богъ! — перебила меня бабушка.

Да, бабушка видѣла, что не одна она.

Съ нами барышня стояла, и по всему было видно, что она съ нами. Но барышня больше не могла выдержать, и когда подошелъ еще трамвай, вдругъ перемѣнилась — и куда дѣвалась вся ея кротость! — стала сама трамвайной, и вижу — повисла.

А наше дѣло было отчаянное, хоть пѣшкомъ иди.

— Пойдемте, бабушка.

— Не дойти.

А и вправду, не дойти старухѣ: стояли мы на углу 9-й линіи, а бабушкѣ путь въ Новую деревню.

Побѣдилъ я отчаяніе мое, рѣшилъ еще ждать, а бабушка, видно, давно побѣдила и ничуть не отчаивалась, терпѣливая.

И дождались: впихнулись, и не на прицѣпной, а на передній.

Трамвай полонъ, сѣсть и не думай. Все солдаты. Я-то ничего, хоть висѣть и не могу, а стоять мнѣ ничего, а вотъ старуха-то какъ: совсѣмъ-то согнулась и ноги не слушаютъ, — какъ былинку, ее при всякомъ толчкѣ такъ и кидаетъ.

— Хоть бы бабушкѣ кто мѣсто уступилъ! — говорю сѣдокамъ.

Я въ трамваяхъ не разъ такъ говаривалъ и проку не очень ждалъ. Но тутъ повезло: поднялись два матроса.

— Найдутся добрые люди, садитесь!

И усѣлась бабушка, — нашлись добрые люди!

И до чего, скажу вамъ, хорошо человѣку, когда онъ такъ вотъ, какъ эти матросы. Я посмотрѣлъ на нихъ и почувствовалъ, что и стоя имъ сію минуту хорошо, какъ бабушкѣ.

А бабушка, какъ отсидѣлась немного, такъ и заговорила.

И не такъ она громко говорила, а каждое слово ея было внятно, — въ голосѣ ея было очень много такого, отъ чего вотъ и матросамъ, уступившимъ бабушкѣ мѣсто, хорошо было: самыя жестокія слова шли у нея отъ бѣлаго сердца.

Бабушка о себѣ разсказывала, какъ и откуда она въ Петербургъ появилась, и о жизни своей тяжкой и кругомъ одинокой. И во время разсказа своего, спохватываясь, подымала она глаза ко мнѣ:

— Такъ не оставь же меня, — вмѣстѣ выйдемъ!

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ, бабушка! — повторялъ я.

И тѣ два матроса, покачиваясь отъ толчковъ, безъ словъ повторяли за мной:

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ!

Тяжко ей на бѣломъ свѣтѣ, она такъ и сказала, — тяжко. Не здѣшняя. Родина ея теперь, какъ на краю свѣта, подъ Ковно. Много разъ ее выгоняли: все говорили, что нѣмцы идутъ. Да все обходилось благополучно: соберется бабушка выселяться, сложитъ добро, а пройдетъ день, другой, и все попрежнему, и никуда не надо.

— А какъ ужъ обидѣли меня, такъ я и ушла.

— А кто же васъ, нѣмцы?

— Нѣтъ, — бабушка что-то вспомнила горькое, вижу, а сказала еще добрѣе, — свои робята.

Сѣдоки-солдаты переглянулись.

И голосъ ея еще сталъ внятнѣе.

И присмирѣли чего-то, весь вагонъ, никто не выходитъ. Или всѣмъ одинъ былъ путь?

— Домикъ у меня былъ. Думала, такъ тамъ и помру. Совсѣмъ я одна на бѣломъ свѣтѣ. Была дочка, шестнадцати лѣтъ померла. А другая дочка вышла замужъ, годокъ пожила и померла. Было три сына, тутъ на заводѣ работали въ Петербургѣ. Какъ померъ мой старикъ, четыре дня не хоронила, ждала, вотъ прiѣдутъ. И не прiѣхали. Видно, телеграму не получили. А потомъ, какъ война началась, всѣхъ сыновей на войну взяли. И сколько я писала и спрашивала, — ничего о нихъ не знаютъ. Какъ камень въ воду.

— А, можетъ, въ плѣну они?

— Нѣтъ, пропали.

И опять что-то горькое вспомнила, а заговорила еще добрѣе.

— А какъ пришли робята, да какъ запалили мой домикъ, такъ и полыхнуло. А я плачу: „Ой, не жгите, прошу, оставьте!“ „Ты съ нѣмцами жить хочешь, ты — нѣмка, мы тебя въ огонь бросимъ!“ А я думаю: пускай бросаютъ, мнѣ и такъ тяжко, а всѣхъ угодниковъ Божьихъ жгли. Стою такъ, думаю, а они разсуждаютъ, — одинъ говоритъ: „Бросимъ ее въ огонь!“ А другой: „Не нужно!“ А какъ домъ сгорѣлъ, я и пошла. Три мѣсяца пѣшкомъ шла.

Бабушка чего-то задумалась.

Вспомнила ли она домъ свой, — тамъ, на краю свѣта, однѣ головни подъ снѣгомъ лежатъ!

Или о своихъ сыновьяхъ задумалась, — тутъ гдѣ-то на заводѣ работали и теперь тамъ, — тамъ подъ снѣгомъ лежатъ!

А я подумалъ, глядя на сгорбившуюся затихнувшую старуху, — весь вагонъ глядѣлъ на нее.

„Бабушка, ты своимъ сердцемъ съ потерей и утратой горькой, бѣлымъ сердцемъ приняла всю свою судьбу горючую, — а и вправду, развѣ скажешь такъ, какъ сказала ты о разорителяхъ своихъ: свои робята! — и вотъ одна ты на бѣломъ свѣтѣ съ своимъ бѣлымъ сердцемъ, и тяжка твоя жизнь, твои послѣдніе дни, и кто утѣшитъ тебя? Кто насъ утѣшитъ? Бабушка, это я за всѣхъ говорю, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. И кому легко, кому счастливо, кто можетъ быть счастливъ на твоемъ пожарищѣ бѣломъ, на бѣлой могилѣ твоего погубленнаго мира? Какой звѣрь или какая оскаленная косматая душа или душа придушенная, какъ трухлявый червивый грибъ, или сердце, какъ оглоданная сухая кость? Нѣтъ, вотъ всѣ мы тутъ, и если умомъ кто не понялъ чего, сердцемъ-то всѣ почувствовали, каждый изъ насъ, всю твою тяжесть свинцовую, весь крестъ нашъ“.

— Ты не безпокойся, — сказала вдругъ бабушка, — одна женщина въ Москвѣ сонъ видѣла. Приснилась ей Царица Небесная и сказала: „Держава Россійская въ моей рукѣ, иди и ищи икону такую, какъ я передъ тобой стою". Та женщина и пошла по всей Москвѣ, по всѣмъ домамъ ходить, — нѣту нигдѣ. А наконецъ, въ селѣ Коломенскомъ, подъ Москвою, пошла она въ такую церковь, еще при царѣ Иванѣ Грозномъ строилась. Много тамъ иконъ, — какъ мертвыхъ хоронятъ, оставляютъ иконы въ церкви, — внизу лежали. Перебирала она ихъ, перебирала и вдругъ крикнула: „она самая!". И теперь эту икону по Москвѣ возятъ, молебны служатъ, списываютъ. И я видѣла: вверху, какъ радуга, и Саваоѳъ, а потомъ облака, а потомъ Царица Небесная въ порфирѣ и коронѣ, въ одной рукѣ — скипетръ, въ другой — земля.

Тутъ пришла пора выходить бабушкѣ.

Я довелъ ее до остановки, усадилъ въ другой трамвай. Простились. И пошелъ я въ нашу темень петербургскую, понесъ сквозь темь бѣлое — тихій свѣтъ вѣры увѣренной.

1917 г.

Звѣзды

Знаете, на Васильевскомъ есть такой домъ сѣрый, тѣсный, изъѣденный жильемъ, а во дворѣ направо и налѣво хлопающія, визгливыя двери и полутемныя скользкія лѣстницы — идешь и прилипаешь.

И всякій день по такой лѣстницѣ Вѣра въ училище ходитъ, разнося на ногахъ лѣстничную склизь и погань.

И не знаю, зачѣмъ эта липкая погань, спертое тѣсное жилье, когда такъ широко ходятъ по чистому небу чистыя звѣзды, и по нашей же землѣ суровой прозрачные текутъ ручьи —

зачѣмъ эти нечистыя, сѣрыя отъ паутины рѣдкія лѣстничныя окна, просаленныя желѣзныя перила — —

Знаю, и золоченыя перила и мраморныя ступени не отведутъ отъ обреченной души тернистаго ея пути: вся изобьется, изноетъ и у самыхъ прозрачныхъ источниковъ и даже тамъ на звѣздномъ чистѣйшемъ просторѣ,

но я никогда не могъ примириться и съ этой нашей гложущей болью липкихъ лѣстницъ и желѣзныхъ перилъ, за которыя хватается рука, когда отъ отчаянія подкашиваются ноги.

И также знаю, будь мои слова огнемъ — огнѣе огня, мои слова не прожгутъ суроваго человѣческаго сердца,

но я ничего не могу подѣлать съ моимъ сердцемъ, которое захлебывается отъ этой гложущей боли.

Мы по той же лѣстницѣ жили, гдѣ Вѣра и ея мать Ольга Ивановна.

И какъ, бывало, встрѣчу, просто пропалъ бы куда, просто сквозь землю провалился бы — помочь-то, вѣдь, я ничѣмъ не могъ!

И тамъ, на верхотурѣ нашей, куда и вода не подымалась и только вѣтеръ ходитъ, суровою ночью, когда выйдутъ звѣзды, звѣздамъ шепчу подъ проволочный гудъ черезъ рамы:

Звѣзды, прекрасныя мои звѣзды!

А должно быть и тамъ, подъ нами, въ такой же тѣснотѣ холодной, уложивъ Вѣру, Ольга Ивановна, изверившаяся во всякія обѣщанія, и въ ужасѣ, что за ночью наступитъ опять утро — новый день, требовательный и неумолимый, поправляя занавѣску у окна, отъ котораго несетъ такой холодъ, то же самое шепчетъ подъ проволочный гудъ къ звѣздамъ.

Но ей еще нестерпимѣй..

Отойдетъ, присядетъ къ столику, а похолодѣвшая рука ея тянется: тамъ, въ самомъ углу, къ стѣнѣ, за коробочками есть пузырекъ точно съ кофеемъ, нѣтъ, это не кофій, это такое лѣкарство, такое черное, какъ кофій, отъ котораго навѣкъ заснешь.

Ольга Ивановна не одна, съ ней Вѣра. Если бы была она одна, ну какъ-нибудь и изъ послѣднихъ допослѣдняго дотерпѣла бы и потомъ вотъ какъ лошади падаютъ —

ей и сѣна тычутъ, да что ужъ сѣно — Благодарю тебя, Господи, наконецъ-то! — трамвай идетъ, а она мордой какъ разъ на рельсы, галдятъ, понукаютъ, оттаскиваютъ, — какъ дохлая, только вздрагиваетъ, кто-то сапогомъ въ животъ ткнулъ, а ужъ ей все равно: сейчасъ — конецъ!

Да, если бы Ольга Ивановна одна была!

И Вѣрѣ лучше будетъ —

А то нѣтъ никому до нея дѣла: говорятъ, не сирота, не безпризорная, мать у нея есть. А что мать, если совсѣмъ изъ силъ выбилась!

Да, Вѣрѣ лучше будетъ. А такъ, и себя и ее измучаетъ. А безъ матери не оставятъ.

Или такъ надо, и иначе нельзя на бѣломъ свѣтѣ? У всякаго свое — свои заботы. И надо такъ, чтобы очень ужъ въ глаза бросилось и только тогда — и развѣ Вѣрѣ теперь хорошо? А когда матери не будетъ? Хуже не будетъ, лучше будетъ: безъ матери, вѣдь!

Срокъ небольшой — Вѣрѣ тринадцать — а кажется, всю-то жизнь прожили вмѣстѣ, и вдругъ: она — тамъ, а Вѣра — тутъ, и никогда не подойдетъ, и никогда ужъ, никогда не позвать, и не взглянетъ.

А надо рѣшиться.

И не отъ малодушія это она. Она все готова — вѣдь, раньше-то какъ! — цѣлыми ночами, не покладая рукъ, сидѣла. Но что же дѣлать, если силъ больше нѣтъ.

Надо рѣшиться и ужъ безповоротно.

И Вѣрѣ будетъ лучше, конечно.

Я давно замѣчалъ, встрѣчая на лѣстницѣ Ольгу Ивановну, что ужъ больно задумалась и идетъ другой разъ и глазъ не подыметъ, а поздороваешься, такъ и вздрогнетъ вся.

Или такъ ее мысль сбила, забитую нуждой горькой и обезсиленную вконецъ?

Одна единственная мысль сбила теперь всѣ ея мысли, а когда заполнитъ — какъ ржа всю душу проѣстъ — тогда все и рѣшится.

И непремѣнно.

Безповоротно.

У насъ тоже бѣда — всѣ мы тутъ одинаковые подъ одной звѣздой — надо мнѣ было кипятку для грѣлки. Вотъ я къ Ольгѣ Ивановнѣ и туркнулся.

„Можетъ, — думаю, — какія щепки уцѣлѣли, разожгу печурку!"

Твердо знаю, да и всѣ тутъ у насъ по лѣстницѣ это знаютъ, если что есть у нея, не откажетъ — сколько разъ приходилось, изъ послѣднихъ выручала.

Человѣкъ-то, скажу вамъ, живъ еще и душа жива, живая, и пожалуй, живѣе еще среди погани и бѣды кромѣшной.

Постучался — не откликается.

А знаю, дома; и дверь не заперта.

Заглянулъ я въ кухню.

— Ольга Ивановна! — покликалъ.

Нѣту.

Ну, я въ комнаты.

А Ольга Ивановна стоитъ у столика — разъ пожаръ у насъ случился, и помню, схватилъ я что-то очень тяжелое тащить, а тутъ зеркало висѣло, въ зеркалѣ я и увидѣлъ себя, такъ вотъ лицо свое помню озеленѣлое — вотъ такая озеленѣлая стоитъ, и вижу, пузырекъ съ чѣмъ-то чернымъ въ рукѣ, отпила и еще — —

Тутъ вотъ точно что и вспомнилось мнѣ, я ее за руку — и вырвалъ у нея пузырекъ.

Смотримъ другъ на друга — самые враги послѣдніе.

И вдругъ она и говоритъ, да какъ сквозь сонъ, едва слова выговаривая:

— Это я, — говоритъ, — для Вѣры: Вѣрѣ лучше будетъ.

А сама такъ и валится.

Бросился я къ сосѣдямъ. Няньку позвалъ старуху, еще сестру — сестры тоже по одной лѣстницѣ

съ нами. И долго мы надъ нею бились — въ сонъ ее ударило — размаивали.

Не хотѣлось намъ, чтобы Вѣра узнала, а то, пожалуй, еще испугается.

Ну, какъ будто все и ничего стало — отходили! — только ослабѣла очень.

А тутъ и Вѣра изъ училища вернулась.

Видитъ, мать лежитъ на кровати.

— Что, мама, худо тебѣ?

Поняла она что-то — или сердца-то ужъ не обманешь?

Мать открыла глаза.

— Нездоровится, — говоритъ и заплакала.

И Вѣра вдругъ заплакала.

Или все поняла она и потому такъ заплакала, или отъ бѣды, уложившей мать, бѣду всю почуяла и вотъ заплакала — чужому человѣку, глядя, не стерпѣть.

— Звѣзды, прекрасныя мои звѣзды.

1918 г.

Четвертый кругъ

„Вошли мы въ щель четвертую“ —

День кончился — сутолока и безтолковщина; день — наполненный голодными порываніями и самыми хитрыми изобрѣтеніями добыть какую-нибудь снѣдь, день — кружащійся между службой, стояніемъ въ очередяхъ, ожиданіемъ и жалкимъ обѣдомъ.

А когда-то я не думалъ о насыщеніи!

Странно подумать, что это было когда-то.

И странно думать, что я еще живъ.

Вся боль моя канула и вотъ, какъ паръ, поднялась къ ушамъ и глазамъ моимъ, и все, что я вижу, и все, что слышу, проникнуто болью.

Улица, встрѣчные — люди, звѣри, машины — больно бьютъ меня по сердцу. И я не могу отвести глазъ, они же не видятъ меня.

Ночь Петербургская. Ни огонька. Весь нашъ мѣшокъ успокоился.

А за стѣной шуршитъ, кашляетъ — это сосѣдъ мой безсонникъ.

Только вдвоемъ мы и не спимъ: онъ — потому что душа у него ночная, душа его дышетъ ночью, я — моей работы никогда не окончить и ужъ рука коченѣетъ, а я сижу, и погаснетъ тоненькая свѣчка, я буду также сидѣть, — тутъ и мои книги — мало ихъ осталось — Гоголь, Достоевскій.

„Поэты берутся не откуда же нибудь изъ-за моря, но исходятъ изъ своего народа. Это — огни, изъ него же излетѣвшіе, передовые вѣстники силъ его".

— Николай Васильевичъ! Какіе огни? Или не слышите? — одинъ пепелъ остался, — пепелъ, зола, годная только, чтобы вынести ее на совкѣ да посыпать тротуары, а потомъ растопчетъ чья-то чужая американская калоша.

Сосѣдъ умолкъ, а подъ утро, знаю, опять начнется— этотъ кашель сверлящій.

Все замолкло — мертвый мѣшокъ, великое молчаніе свободы.

Какъ часто теперь я больше не чувствую свое тѣло, я какъ бы отдѣляюсь — великое молчаніе свободы! — и нѣтъ никакихъ желаній.

У меня было много друзей и всѣ куда-то пропали.

Остался одинъ, не забываетъ, зайдетъ, присядетъ къ столу: одно ухо длинное, острое, а глазъ, какъ три глаза, говоритъ же онъ со мной половинкой своей обыкновенной съ ухомъ и глазомъ обыкновеннымъ говоритъ о пайкахъ, категоріяхъ, литерахъ, а другой половинкой ужасной такъ ужасно смотритъ.

Нѣтъ, сосѣдъ не успокоился, безсонникъ, опять закашлялъ.

— Федоръ Михайловичъ! Что я сегодня видѣлъ! Видѣлъ я издыхающую собаку: она сидѣла подъ забором какъ-то по человѣчьи и въ окровавленныхъ губахъ жевала щепку.

1918 г.

Рождество

Изъ всѣхъ домовъ въ Петербургѣ Комарова домъ это единственный — Комаровка.

Отъ Невскаго два шага, а зайдешь съ Миргородской да глянешь, такъ думается, не въ Петербургѣ ходишь, а въ Костромской Буй попалъ.

Направо дохлая лошадь валяется, наполовину съѣденная собакой, а изъ уцѣлѣвшаго забора вывороченная доска такъ и торчитъ. А налѣво вы не ходите, тамъ такія кучи грязи намерзли, что ужъ навѣрняка лобъ разобьешь.

Просто, какъ стали, поддайтесь немного правѣе, тутъ вамъ прямо домъ Комарова и будетъ: желтенькій стоитъ, какъ новорожденный цыпленокъ, облупленный, окна подвальнаго этажа сплошь залѣплены грязью — ребятишки врагамъ своимъ мазали! — а вверху надъ домомъ шпиль торчитъ, а на шпилѣ серебряное яблоко.

И у всякаго еще въ памяти, когда и окна, и ступеньки, да и самый тротуаръ блестѣли, что яблоко; тоже и парадная дверь, это теперь она открыта настежь: входи, милости просимъ, всякому шурыжнику рады.

На крошечной табуреткѣ передъ дверями сидѣлъ швейцаръ Тимофей Ивановичъ Мокѣевъ и, какъ бывало кто сунется, всякаго опроситъ и не очень-то:

— Куда — зачѣмъ — къ кому?

Если отвѣтъ точенъ и подозрительнаго ничего не внушаетъ, учтиво отворитъ двери:

— Пожалуйте.

А мальчишки такъ тѣ обходили швейцара черезъ дорогу: наозорничаешь, не обрадуешься, не спуститъ.

Всѣ побаивались Тимофея Ивановича.

И даже архиваріусъ, который теперь подъ самимъ Щеголевымъ въ Сенатѣ сидитъ, чудакъ изъ пятнадцатаго номера, въ своей безсмѣнной лисичьей шубѣ, выходя, бывало, на крылечко и забывая, зачѣмъ собственно вышелъ, не забывалъ приподнять свою халдейскую шапку — каракулевый колпакъ.

— Здравствуйте, Тимофей Ивановичъ! — здоровался архиваріусъ, точно жуя маковникъ медовый.

— Какъ здоровье, Иванъ Александровичъ? — отзывался Тимофей Ивановичъ и, обнаживъ голову, размахивалъ дверь.

А пройдетъ дьяконъ — и духовному лицу уваженіе.

А кухаркѣ:

— Ступай съ задняго крыльца.

Боялись Тимофея Ивановича — взыскъ, чинъ, порядокъ! — но и всѣ уважали — кромѣ собственной жены Агафьи Петровны, іоанитки.

*

Придетъ такой часъ, переполнится больная душа, выйдетъ Агафья Петровна на улицу и запоетъ.

И поетъ, ничего не замѣчая, не слушая, поетъ жалостныя духовныя пѣсни о тщетѣ и суетѣ мірской всея земли.

А потомъ обернется къ крылечку, гдѣ точно приросъ къ скамеечкѣ Тимофей Ивановичъ, поблескивая золотымъ своимъ картузомъ позументнымъ, станетъ противъ и начнетъ его вычитывать: много говоритъ и нехорошо, поминаетъ Лизу племянницу и огородникову жену Татьяну, младенцемъ въ глаза тычетъ, будто у огородничихи Татьяны Колька двѣ капли Тимофей Ивановичъ, только что суконныхъ штановъ не носитъ.

— Перестань, Агафья, чего срамишься? — тихонько этакъ и разсудительно уговариваетъ Тимофей Ивановичъ, — тебѣ срамъ, не мнѣ. Меня всѣ знаютъ.

И Агафья какъ-будто уступаетъ, но это только такъ — затишье.

— А кому колясочку снесъ? — вдругъ прорветъ, и она закричитъ и ужъ такъ кричитъ, будто не одно, три горла, и одно крикливѣй другого, — кому деньги носишь?

И точно, былъ грѣхъ: изъ-за полоумной Агафьи скучалъ Тимофей Ивановичъ и всякое воскресенье послѣ обѣдни заходилъ къ огородничихѣ чай пить. И огородничиха Татьяна всякое воскресенье поджидала кума. Величаво сидѣли они, какъ два идола, другъ противъ друга, пили съ блюдцевъ чай, пыхтя и отдуваясь. А за ситцевой занавѣской пищалъ Колька. Напившись чаю, возвращался Тимофей Ивановичъ къ своей постоянной обязанности недремнаго сидѣнія у Комаровской двери.

А на счетъ Лизы племянницы это совсѣмъ неправда: все, какъ со всѣми. Пробѣжитъ она мимо, мотая бѣлокурой косой, строго опроситъ:

— Куда, зачѣмъ?

На ходу Лиза отвѣтитъ, и больше ничего.

*

Весной Агафья Петровна въ наитіи своемъ безумномъ, перепѣвъ всѣ пѣсни и осрамивъ мужа, обозвавъ всѣхъ въ домѣ — всю Комаровку — самымъ непотребнымъ словомъ, уѣхала на богомолье.

А Тимофей Ивановичъ въ одиночествѣ сторожевомъ, отъ солнечнаго ли тепла или отъ брюквенной каши, вдругъ ощутилъ приливъ жизненныхъ силъ и его маленькіе крысиные глазки забѣгали безпокойно, ощупывая каждое встрѣчное.

Портниха Перова изъ восемнадцатаго номера, сверкая, какъ сама весна, ярко-красными сапожками, не сдержавшись, фыркнула:

— Какой нахальный мужчина!

Съ каждымъ солнечнымъ днемъ все игривѣй становилось на сердцѣ, а на душѣ необъятнѣй, но ни одного слова, и руками, — какъ скованъ, молча Тимофей Ивановичъ только смотрѣлъ — —

И не Перова, не ея подруга Надя, попала на угольки племянница Лиза.

Въ октябрѣ тихая вернулась Агафья.

И хотя въ Петербургѣ было еще очень тревожно послѣ недавнявго наскока, никакая тревога не завладѣла ея душою.

Не тревога, ужасъ —

Съ ужасомъ замѣтила Агафья перемѣну.

А на всѣ разспросы Лиза начала плести такія небылицы — о брюквенной кашѣ, отъ которой будто бы полнѣютъ, и супахъ совѣтскихъ, отъ которыхъ будто бы отекаютъ, такъ запутала, такъ закрутила, что несчастная и сна лишилась.

И вотъ въ безсонныя-то ночи точно озарило измученную душу и въ горестномъ ея сердцѣ вѣстнымъ словомъ прозвучало откровеніе:

„Отъ Лизы родится Спаситель!"

И съ этой ночи не узнать стало Агафьи.

Дни, недѣли — прошелъ Михайловъ день, прошло заговѣнье — всѣ заботы, всѣ думы — Лиза, — и никого больше: ни мужа, ни огородничихи Татьяны, ни ненавистныхъ комаровскихъ жильцовъ — одна Лиза.

Озабоченная, съ благоговѣніемъ глядя на племянницу, цѣлыми днями возилась съ нею Агафья, охраняя и опекая избранную среди избранныхъ.

И когда въ сочельникъ за толстымъ слоемъ ватошныхъ оттепельныхъ облаковъ зажглась звѣзда и въ

боковой комнатенкѣ раздался пискъ новорожденнаго, Агафья склонилась передъ младенцемъ, какъ волхвы, какъ пастухи, какъ волъ и конь, и изъ ея вспугнутыхъ глазъ полились слезы, что опять — на землѣ опять родился Спаситель мира.

— Слава тебѣ, даровалъ намъ великую милость!

И, качая младенца, запѣла.

И эта пѣсня? и эти напѣвы? откуда брались такіе чистые звуки? Обрадованное ли сердце выговаривало, душа ли измученная славословила, что опять на землѣ родился Спаситель міра.

Бывшій дьяконъ, спецъ-мощевикъ, спускавшійся съ лѣсницы, прислушался.

— А и славно поетъ твоя баба! — баснулъ дьяконъ по старинкѣ.

— Простите, отецъ дьяконъ, полоумная! — и на лицѣ Тимофея Ивановича застыло презрѣніе.

1919 г.

Находка

Наступаютъ теплые дни —

и весь Петербургъ звенитъ.

Цѣпляющійся зубильный звонъ, назойливый и точащій — желѣза о камень — звукъ стройки. И не найти уголка, нѣтъ такого дома — идешь по Невскому и на Васильевскомъ и на Пескахъ и гдѣ-нибудь у Покрова — звенитъ.

Вечеромъ въ раскрытое окно каменный дыхъ и парь домовъ и застоялая копоть трубъ, какъ глухая стѣна, и одинъ — дышетъ одинъ этотъ звукъ, точа — звенитъ.

Наступаютъ теплые дни —

вотъ и бѣлый май,

бѣлая ночь,

цвѣтъ двухъ алыхъ зорь — —

Много лѣтъ, какъ заглохъ, не звенитъ.

И дѣти не играютъ въ любимую игру — уцѣлѣвшіе кое-гдѣ лѣса начатыхъ построекъ растащены: печурошная желѣзная саранча прожорливая за зиму подобрала всѣ деревянные дома и доски.

Маленькіе — тѣ еще въ пескѣ строятъ свои волшебные песошные города.

Дымъ фабришныхъ трубъ — нéвидаль, какъ стройка.

Разсѣялись петербургскіе желтые туманы.

Вечеръ свѣжъ и прозраченъ — какія звѣзды! — и улишная тишина пустынна.

*

Находка — собака звонкая: ошейникъ на ней не простой, съ бубенчикомъ.

И въ вечерній освѣжительный часъ съ высоты шестиэтажной видѣть ея никакъ не увидишь, а слышно: звенитъ.

И по утрý, когда колодезные жильцы спускаются во второй дворъ съ чистымъ ведромъ въ прачешную за водой, съ поганымъ къ помойкѣ, и сквозь ведёрный звонъ звенитъ.

Только днемъ не звенитъ.

Илья Ивановичъ Яичкинъ, хозяинъ Находки, завѣдующій, и днемъ ему дома не сидка: дѣло его хлѣбное — въ лавкѣ.

А Находка при немъ неразлучно.

Заглянешь въ Управу къ Девяткѣ — сидитъ Девятка съ Попкинымъ, дѣла рѣшаютъ, — нарóды, телефонъ, содóмъ, — и вдругъ черезъ всякій звонъ звенитъ.

А это и значитъ, что гдѣ-то тутъ въ какой изъ комнатъ Яичкинъ за хлѣбнымъ нарядомъ.

Тоже и въ лавкѣ, стоишь въ хвостѣ — молчимъ или точитъ зубильная жаль — и вотъ подъ стукъ ножа и гирь зазвенитъ, и всѣ очень понимаютъ, что это самъ Яичкинъ Илья Ивановичъ.

Такъ и въ Совдепѣ, ищешь ли комнату — за билетикомъ въ очередь за дровами стать, или перегоняешься изъ комнаты въ комнату за подписями и печатью, или просто тупорылой скотиной ждешь на авось, и опять зазвенитъ: Яичкинъ и здѣсь.

Въ 8-ь запираютъ ворота — была и такая крутая пора — и ужъ не ты и къ тебѣ никому, и телефонъ, пылясь, мертво молчитъ, раскроешь окно — тамъ, гля-

дишь, Галушинъ предсѣдатель примостился у окна — вечеръ теплый! — газеты: какой-нибудь 13-ый годъ, — а противъ въ окнѣ уполномоченный Кузинъ вѣдомость составляетъ: списки жильцовъ —

— прошелъ я Россію, сколько тюремъ, остроговъ, не миновалъ секретной самой тѣсной, какъ мышеловка, сидѣлъ и въ башняхъ — за какими ключами, затворами! — но такой каторжной тишины и гробового спокойствія не запомню.

И вдругъ звукъ, какъ шарикъ, разсыплется — мелкіе шарики

каждый шарикъ въ орѣшекъ — стукъ орѣшекъ! —
орѣшекъ въ горошину — лопъ горошина! —
горохъ на крупинки — сѣй, лей, вѣй! —

все завьется, заструнится — звенитъ —

Мнѣ-то не видно, но вижу, какъ Галушинъ и Кузинъ киваютъ: Илья Ивановичъ Яичкинъ возвращается съ работы — ему по его хлѣбному дѣлу, какъ днемъ такъ и ночью, ходъ не заказанъ.

*

Жаловался Яичкинъ на ариѳметику: мудра́ — не твердъ.

Взялся за него Кузинъ, и одолѣлъ ее Яичкинъ да такъ, что ни на какую стать.

Съ этого все и пошло.

И „вагоновожатый“ — Елена Ивановна, у которой матросы живутъ, жилистая и разсудительная, именно на ариѳметику все и доказывала и отъ ариѳметики выводила всю Находкину бѣдовую исторію.

А исторію эту собачью всѣ знали — отъ Управы и до лавки и отъ лавки до Совдепа и отъ Совдепа до Участковаго бюро и отъ бюро до комендатуры и отъ комендатуры до клуба, а отъ клуба по улицѣ вдоль —

И даже Женя Кузинъ, который

— маленечко по нотамъ поетъ —

и носитъ при себѣ, какъ трудовую книжку, пастушій билетъ: пастушить ребятишекъ — выдалъ я ему еще по веснѣ съ обезьяньей печатью! — и Женя можетъ ее разсказать и со всѣми подробностями и чудесами.

*

Илья Ивановичъ уѣхалъ въ командировку.

И узнали это не потому, что бы Яичкинъ ходилъ и объявлялъ по всѣмъ по семидесяти пяти квартирамъ съ низу и до верху, а потому что звонъ бубенчика замолкъ.

Въ послѣдній вечеръ звякнулъ — —

Я долго не спалъ — читать не видно, такъ сидѣлъ, —

въ бѣлой ночи по блѣдному небу расцвѣтали зеленью бѣлыя звѣзды — камушки изумрудные, и, не иглѝ, лились лепестками.

Долго трудился Илья Ивановичъ надъ чемоданомъ, укладывался, потомъ — я ничего тогда не могъ понять — разрѣзалъ хлѣбъ, цѣлую форму, взвѣсилъ каждый кусокъ и сталъ раскладывать по полу рядкомъ, а потомъ, держа за ошейникъ Находку, тыкалъ ее носомъ въ каждый кусокъ и что-то приговаривалъ, уча, и такъ разъ десять на каждомъ кускѣ.

Находка становилась на заднія лапки, служила, смотрѣла — —

Илья Ивановичъ собралъ крошки, заперъ шкапъ, присѣлъ къ столу, подумалъ — вдругъ всталъ и, въ чемъ-то убѣждая Находку, строго погрозилъ.

Тутъ вотъ въ послѣдній разъ и звякнулъ бубенчикъ.

Домъ нашъ — колодезъ, мѣшокъ каменный, и изъ всѣхъ домовъ, мѣшковъ такихъ же, самый есть тихій.

И ничего-то у насъ не случается.

Какъ-то однажды около полночи, когда всѣ семьдесятъ пять квартиръ на сонъ ладились, распахнулось окно надъ Кузинымъ и барышня Рыбакова сдавленно ухнула:

„Душатъ!"

Рѣшили, пожаръ: и всякій, въ чемъ застало, опрометью къ прачешной воды набрать, чтобы тушить.

Конечно, вода никогда не мѣшаетъ, но дѣло тутъ не въ пожарѣ и вода не причемъ.

Давно подмѣчалъ старикъ Рыбаковъ, что хлѣбъ пропадаетъ, а жила у нихъ прислуга, вотъ онъ и вышелъ передъ сномъ на кухню и что-то тутъ случилось —

или эти бѣлыя зазеленѣвшія звѣзды?

сталъ онъ, видно, шарить Пашу, хлѣбъ искалъ. А рыбаковская Паша всякій знаетъ, одна на шестой этажъ бревно стащитъ, Паша-то старика и ущемила, дочь испугалась и всполыхнула:

„Душатъ!"

Что еще?

Вронская, бывшая актриса, всякій вечеръ обходила по одной лѣстницѣ квартиры вверхъ и внизъ и у всѣхъ допытывала, не пользуется ли кто уборной?

Начинались долгіе споры — неизвѣстно отчего Вронскую заливало — въ спорѣ до слезъ доходило: Вронская старалась доказать, что именно пользуются, и такъ настаивала и такъ убѣждала, что можно было подумать, есть и въ такомъ текучемъ предметѣ признаки такіе, по которымъ сразу отличишь жильца отъ жильца.

Больше, кажется, ничего.

И вотъ — завыла собака.

Какъ ночь, такъ вой.

Не повѣрили, всякій сказалъ, косясь:

— Это тамъ, не у насъ.

А что ночь, то вой заливнѣй.

И повѣрили:

— Не къ добру: у насъ.

Гдѣ, что, почему?

Въ домѣ собакъ нѣтъ, Находка?

Пятый день, какъ Яичкинъ уѣхалъ, а Находка при немъ — неотлучна. А кромѣ того, никто и никогда не слышалъ, чтобы выла Находка, да она и не лаяла, она только звенѣла, а можетъ, и залаяла-бъ гдѣ на солнышкѣ, но въ каменномъ-то мѣшкѣ за такой оградой — —

Затаились, только уши одни.

И каждое окно, какъ ухо.

— Это у Яичкина! — первымъ догадался Кузинъ и, высунувшись, крикнулъ предсѣдателю.

Галушинъ, не замедля, откликнулся, точно и ждалъ того:

— Конечно, у Яичкина.

— У Яичкина! — отстѣнилось въ колодцѣ.

Тутъ уши опали.

И окна сразу закрылись.

Бѣлые, бѣлѣе ночи, заметались за окнами.

— Къ Яичкину забрались воры: чистятъ.

По лѣстницѣ воздушно въ бѣлой ночи: впереди предсѣдатель, за предсѣдателемъ уполномоченный, за уполномоченнымъ два члена, за членами сотрудники, — и всѣ были по-ночному на легкѣ и только форменныя, кантовыя фуражки бывшихъ вѣдомствъ съ серебряными подковками и лепестками значили, что не лунатики, а домовое начальство и въ полномъ составѣ.

Я слышалъ звонкій голосъ Кузина, немилосердный стукъ.

И на минуту все замолкло — саплая надсадка — и, какъ конецъ, на весь колодезъ трескъ.

У Яичкина въ покинутой квартирѣ замелькалъ огонекъ и тотчасъ, какъ огонекъ, зазвенѣлъ бубенчикъ.

Ни воровъ, ничего —

одна единственная Находка.

Полнóчи только и было разговору.

— Уѣхать и запереть собаку!

— И какъ она еще не сдохла.

— Человѣку вытерпѣть трудно, а собакѣ и подавно: завоешь!

— Ей камушекъ показали, такъ она какъ кубарикъ —

— Залаяла, ей Богу, самъ слышалъ.

— Не предупредить, вотъ чудакъ.

— И сколько этого г....ща, весь полъ!

— Да чего ей жрать-то было?

— Нашла себѣ чего: чай, завѣдующій!

— Да вѣдь все на запорѣ, не такой.

И подъ всѣ суды-ряды и пересуды одиноко одинокій звенѣлъ бубенчикъ.

*

На другой день вернулся Яичкинъ.

Яичкинъ вернулся раньше срока.

Не хотѣлъ вѣрить: вѣдь, онъ же оставилъ Находкѣ ровно десять фунтовъ хлѣба, десять равныхъ кусковъ хлѣба ровно по фунту на день.

— Да столько и гражданское населеніе не получаетъ! — оправдывался Яичкинъ.

А послѣ всякихъ споровъ, когда весь колодезъ затихъ, я видѣлъ, какъ выговаривалъ онъ Находкѣ, укоряя ее, должно быть, что всѣ десять фунтовъ сожрала заразъ, а не по фунту, какъ полагалось, потомъ спохватившись, бросился собирать съ пола все собачье, на-

клалъ до верху скороходскую коробку изъ-подъ штиблетъ и поставилъ на вѣсы.

Вѣсы показали 20-ть!

И ужъ чего ни дѣлалъ — и трясъ и дулъ — стрѣлка оставалась неколебимо: 20! — 20 фунтовъ.

— Откуда?

Яичкинъ отказывался что-нибудь понять:

— 10 — — 20.

Это было сверхъ всякаго учёта и не поддавалось никакой регистраціи.

Находка стояла на заднихъ лапкахъ, служила, смотрѣла —

1921 г.

Панельная сворь

Жилъ я всегда на самомъ на верху: видишь съ голубятной высоты своей дворъ и что тамъ, на дворѣ, громоздь и скрыть дворовъ петербургскихъ, но чаще — высота такая поднебесная, что ничего ужъ не видно, никакого двора — ничего-то внизъ, а только — прямо въ лицо — косматыя дымящія трубы да небо да звѣзды —

Звѣзды — —

и звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Я только теперь это до боли понялъ, когда больше не вижу ни неба, ни звѣздъ.

А случается подняться къ сосѣду — и всего-то этажомъ выше — и все по-другому, и самъ я какъ-то перемѣняюсь и безъ крыльевъ несешься —

„Мучной лабазъ — Варгунинъ — торговый домъ стиль — мебель заграничныхъ фабрикъ“ — все это мимо — выше —

и звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Я больше не вижу ни неба, ни звѣздъ, какъ давно ужъ не присяду къ столу въ ясный часъ утра, когда мысли какъ огоньки, а душа горяча.

Выгнанный на улицу, съ утра на ногахъ, съ мѣшкомъ въ рукѣ я куда-то иду весь пылающій, съ сердцемъ, какъ огонь, иду — —

И такъ всякій день.

На работу? — нѣ-ѣтъ! какая это работа, нѣтъ! а только затѣмъ, чтобы какъ-нибудь перебыть день и имѣть хоть одинъ единственный свободный часъ, присѣть къ столу, но ужъ погасшимъ, съ тупымъ проклятіемъ этой судьбѣ или хуже, съ покорствомъ одолѣваемаго усталью человѣка —

еще человѣка,

у котораго пробивается струнящійся свинячій хвостъ.

Но она же, жестокая судьба моя, которая выгнала меня на улицу и въ конецъ обезкровила и изморозила до-кости, и какъ-то случаемъ загромоздила домами небо и звѣзды, она же открыла передо мной окно на улицу.

Я вижу, какъ по Невскому бѣгутъ, какъ мушки — это безпощадный день ожесточеннаго отъ голода и гнета Петербурга съ одной упорной навязчивой мыслью схватить, перешагнувъ всякое „нельзя", какую-нибудь съѣдобную дрянь, чтобы какъ-нибудь перебыть день, — и, разрѣзая мушиный бѣгъ, со свистомъ одинокіе несутся автомобили — столько не сгоритъ керосина или бензина, сколько ненависти и проклятія въ этой подхлестываемой бѣдой шарахающейся отчаянной, преступной нищетѣ, а тутъ прямо подъ моимъ окномъ выползаетъ ничѣмъ не истребимая панельная сворь, грохочутъ наглые грузовики въ кожаныхъ лоснящихся курткахъ и не спѣша увѣренно подъѣзжаютъ нагруженныя мѣшками подводы, ихъ ломовыя рожи, осыпанныя мукой, подергиваютъ возжами.

*

Случилось то, чего такъ боялась Нюшка, слушая сказки старухи Мыслевны, даже думать боялась, что и съ ней такое можетъ случиться, какъ въ сказкахъ, когда Баба-Яга гонялась и настигала и ловила, чтобы на косточкахъ поваляться.

И все это случилось въ ранній часъ утра, когда я съ тупымъ покорствомъ судьбѣ немилостивой и такой щедрой — ну, развѣ это не щедрость! — выходилъ на улицу весь горящій съ открытыми глазами и рвущимся переполненнымъ сердцемъ.

Въ одинъ мигъ я все увидѣлъ — а это и длилось одинъ мигъ — и сразу попавъ въ тѣснѣйшій кругъ, различилъ все до мелочей мельчайшихъ.

Нюшка въ зеленой изстиранной кофтѣ съ такимъ же вылинявшимъ бархатнымъ вишневымъ воротникомъ, въ черномъ передникѣ поверхъ белёсой юбки, повязанная голубымъ платкомъ съ торчащими за спиной заяшными ушами, босая, стиснувъ крѣпко въ рученкахъ коробку, завернутую въ бѣлую бумагу, металась по мостовой отъ панели до панели съ крикомъ изъ послѣдняго крика, ни за что не поддаваясь милиціонеру въ защитной курткѣ, который съ необыкновеннымъ добродушіемъ, смѣшно ощериваясь — смѣшно вѣдь, такая крохотная чудная дѣвчонка! — гонялся за ней и никакъ не могъ изловить.

А Нюшка ничего не видѣла: ни этой улыбки, ни смѣшно растопыренныхъ, ловящихъ, какъ въ игру играя, рукъ, — Нюшка, вѣдь она вѣрила еще въ сказки и въ игры вѣрила — въ кошки-мышки! — металась, какъ металось въ мольбѣ о пощадѣ ея маленькое, вжигнутое прямо по живому сердце, металась отъ Яги или отъ разбойниковъ или отъ кошки и на-крикъ кричала —

этотъ крикъ ужасный дѣтскій, котораго нельзя человѣку [слышать безнаказно, и если нѣтъ никакихъ возмездій и сама вѣковая мудрость о карающемъ рокѣ вздоръ, я говорю: этотъ крикъ—это бѣшеный ядъ собачій, который взбѣситъ и самое крѣпкое человѣчье мясо—слышите!—завтра жъ загрызетъ отъ смертельной тоски землю.

— Оставь ее! оставь! — слышались голоса остановившихся прохожихъ, которые, за кругомъ стоя, слѣдили за всей этой сказочной и такой правдашной игрой.

И на лицахъ не было никакого удовольствія, что вотъ случилось-таки то, что случается только въ тѣхъ страшныхъ сказкахъ, которые любила эта несчастная дѣвчонка, и что очень смѣшно, что большой взрослый человѣкъ не можетъ поймать такую маленькую, какъ мышка, дѣвчонку съ голубыми заяшными ушами.

И не поймалъ бы, будь у Нюшки ворота — вѣдь, это игра въ кошки-мышки! — но еще двое въ черномъ пересѣкли отъ Невскаго дорогу —

— попалась!

и съ той же самой улыбкой и совсѣмъ не злою поймали дѣвчонку.

— Дяденька! дяденька, отпусти! зазвенѣло всѣмъ звономъ и далеко туда — за Фонтанку — за Неву, и туда — за дома, колокольни и трубы.

Я пересѣкъ всю эту гоньбу и, выйдя изъ круга, пошелъ своею дорогой, не помню, за какой-то добычей, и прохожіе тронулись по своимъ дѣламъ — за какой-то добычей.

Но я никакъ не могъ забыть и не могу забыть и и не забуду до смерти, я сохраню съ любимою музыкой и этотъ дѣтскій крикъ, отъ него никуда не уйти и никакимъ благовѣстнымъ колоколомъ не заглушишь.

*

Вечеромъ въ тотъ день, присѣвъ къ столу, я случайно заглянулъ въ окно: среди панельной своры стояла Нюшка, въ рукахъ коробка въ бѣлой бумагѣ, и что-то очень такое, какъ сказку, разсказывала она другимъ Нюшкамъ постарше.

А я-то думалъ — —

Вотъ тебѣ, и на всю жизнь!

Или есть еще что-то, что сильнѣе всякихъ страховъ?

Или какъ и мнѣ, какъ тѣмъ прохожимъ, и ей надо какъ-нибудь перебыть жестокій неизбѣжный день?

1920 г.

Свѣтъ слова

Все живое, отъ звѣзды и до рѣчного голыша, а также и всякое созданіе — всякое дѣло рукъ человѣческихъ, лапъ и лапочекъ — гнѣзда, города, дома, игрушки, машины свѣтятся своимъ свѣтомъ,

также и мысли и помыслы человѣка свѣтятся свѣтомъ, свѣтится своимъ свѣтомъ и слово.

Сказать о человѣкѣ хорошее куда пріятнѣе, чѣмъ лаяться.

Да что пріятнѣе, — больше! найти хорошее въ человѣкѣ — великое счастье.

И счастье это отъ свѣта.

А свѣтъ отъ человѣческаго въ человѣкѣ,

а человѣческое въ человѣкѣ — это желанность души человѣческой, та крѣпь, какою разрозненный избѣдовавшійся міръ держится —

уста къ устамъ
и сердце къ сердцу.

Среди послѣдняго звѣрства, въ которомъ человѣкъ съ человѣкомъ въ запуски бѣгаетъ, въ безсердечіи, грызнѣ и свори, въ этой тьмѣ кромѣшной вдругъ взблеснетъ она теплою искрой и озаритъ — идешь по Невскому въ свинцовый холодный вечеръ и вотъ гдѣ-нибудь за Казанскимъ соборомъ расколется небо и такая разольется полоса заревая — а вѣдь ея-то зарь ярче и и самой сѣверной зари.

Я видѣлъ ее, чувствовалъ.

Я видѣлъ ее даже и въ такомъ, звѣремъ что въ человѣкѣ зовется и отъ чего сами-то звѣри открещиваются, поговори-ка по-человѣчески, поразспросите-ка волковъ, лисицъ и у всякихъ зайцевъ.

Много я видѣлъ добра отъ человѣка и въ самую великую распрю на поворотѣ жизни человѣческой за всѣ эти рѣшающіе годы.

И за эти же въ десятки, а можетъ, въ сотни годовъ годы я, побиральщикъ, околачивающій пороги, терпѣливо и, скажу, не безъ страха, ожидающій очереди въ пріемныхъ, я — писатель прошеній, какъ часто, загнанный, въ послѣднемъ униженіи, оробѣлый, съ приглушеннымъ голосомъ, или въ остервенѣніи своемъ отчаянномъ просто пропащій, проходя по улицамъ и чуя свою покинутость и беззащитность, открытый для всего, съ какимъ жарчайшимъ желаніемъ думалъ я — —

о волкахъ, лисицахъ и всякихъ зайцахъ, братьяхъ и сестрахъ безгласныхъ.

И вотъ какъ-то иду я такъ по Литейному —

Что-то съ утра, какъ вышелъ на улицу, все-то мнѣ не ладилось: тамъ просилъ, отказали, а въ другомъ мѣстѣ просто обманули, а еще въ третьемъ мало отказа и обмана, а еще и, повинивъ во всемъ, выругали, и пришлось покорно и безотвѣтно принять, не знаю ужъ, отъ зависимости ли боязливой, кабы хуже чего не сдѣлать, отвѣчая-то, или — и такое бываетъ, очаянное! — какъ въ пропасть летишь и за тобой камни — такъ пусть же летятъ, все приму! — и летишь.

Такъ вотъ шелъ я по Литейному, сердцемъ къ звѣрямъ, и что-то со звѣрями ужъ разговаривалъ, съ волками, лисицами и всякими зайцами, и вдругъ точно за рукавъ кто дернулъ, замедлилъ я и слышу — —

А догоняли меня двѣ женщины, такъ — простыя.

И одна разсказываетъ другой о какомъ-то человѣкѣ, — о своемъ знакомомъ, — ясно слышу необыкновенно, точно это мнѣ въ ухо кто шепчетъ, — о какомъ-то человѣкѣ, у котораго ничего-то нѣтъ, ну совсѣмъ, такая послѣдняя бѣдность: такая, что и подѣлиться-то ему нечѣмъ и говоритъ онъ, этотъ человѣкъ:

„Ну, — говоритъ, — коли нѣтъ ничего, хоть ласковымъ словомъ подѣлиться".

— Ласковымъ словомъ надо дѣлиться! — и это, какъ въ полдень, когда гдѣ на Площади застигнетъ, ударитъ пушка, — ласковымъ словомъ надо дѣлиться.

И вдругъ я точно проснулся —

Вижу небо, синее такое, не наше — и вся душа потянулась —

не робкая, не забитая,

многорукая,

многокрылая —

И я какъ выросъ.

И одно чувство наполнило мое, какъ міръ огромное, сердце.

И сказалось пробудившимъ меня отъ моей падали словомъ.

У меня тоже нѣтъ ничего и мнѣ нечѣмъ дѣлиться — я уличный, побиральщикъ! — но у меня есть, — и оно больше всякихъ богатствъ и запасовъ, — у меня есть слово, и этимъ словомъ я хочу подѣлиться, сказать всему разрозненному избѣдовавшему міру — человѣку, потерянному отъ отчаянія безпросвѣтно, человѣку, съ завистью мечтающему о звѣряхъ, человѣку, падающему отъ непосильнаго труда въ жесточайшей борьбѣ — быть на землѣ человѣкомъ —

уста къ устамъ
и сердце къ сердцу.

1921 г.

Заборы

Послѣ скотской зимы пришла весна —

Она наперекоръ безнадежности и отчаянію вдругъ пришла такая нежданная, обрадованая и такая громкая — не запомнятъ! — съ шумомъ и звономъ ломающихся тяжелыхъ, какъ чугунъ, льдовъ и изникающихъ хрупкихъ льдинокъ, пришла внезапная — сѣверная съ изсине-чернымъ вороновымъ небомъ, обѣщающимъ теплые дни, и съ теплыми сверкающими днями, сулящими звѣздныя пѣсенныя ночи.

Я видѣлъ, проходя по улицамъ, какъ самое закорузлое, загнанное на зимовье въ тараканьи щели — за суровую-то нашу зиму все тараканье, всѣ тараканы покинули насиженное свое жилье, уступивъ его человѣку, который вѣдь все вынесетъ, все вытерпитъ, какъ и все сожретъ! — я видѣлъ, какъ закорузье — это съежившееся, забитое, защеленное и оскотѣвшее принимало человѣческій образъ, видѣлъ улыбку переставшаго улыбаться сосѣда, слышалъ добрый его окликъ — смотрѣлъ и не вѣрилъ, слышалъ и не признавалъ.

Неизгладимую сохраню я память о единственной веснѣ чудесной.

Но не только отъ чудесъ превращеній и пѣсни, прогремѣвшей тогда весеннимъ громомъ — о разорванныхъ оковахъ, волѣ, мечтѣ и томящей любви — и не потому, что самъ я, зиму живя, какъ скотъ, какъ звѣрь самый пещерный, вдругъ, ужъ издыхая, ощутилъ

весеннее тепло и мое затихающее сердце забилось со всей землею — съ сердцемъ лѣсовъ, полей и горъ — звѣря, рыбъ и птицъ —

чувство необычайное, острѣйшее пронзило все существо мое.

И это чувство раскололо дни.

Я что-то понялъ и человѣка благословилъ съ его дерзающей мечтой.

*

Шелъ я на Васильевскомъ по Большому Проспекту, несъ тяжесть — гниль мороженную мокрую себѣ въ кормъ: капусту или еще какую помойную погань — драгоцѣнность большую.

День несолнечный пасмурьемъ успокаивалъ слѣпые глаза мои, на душѣ теплилось кротко.

Не глядя, шелъ я привычно.

И вдругъ визгъ отдираемыхъ досокъ точно ударилъ меня — доламывали послѣдній заборъ.

И я сразу все увидѣлъ, весь Большой Проспектъ и такъ далеко — до самого моря.

И не узналъ —

Я не узналъ привычную дорогу.

Широкая открылась моимъ глазамъ воля.

Это заборы, которые тѣснили улицу, — не было больше заборовъ: садами шла моя дорога.

Это мечта моя расцвѣла въ явь садами.

Я помню, точно ощеренные, съ прогнившими досками заборы — — заборъ и подъ заборомъ упавшаго человѣка, когда всѣ двери передъ тобой захлопнулись, а калитки и ворота подъ замкомъ заперты крѣпко;

и эти проклятыя стѣны, отгораживающія человѣка отъ человѣка — самодовольныя свиныя хари, выглядывающія изъ-за заборовъ на твою бѣду и отчаяніе;

проклятія твоего безсильнаго сердца;

и тупая покорность.

Я видѣлъ дальше — за море — за моря —

И въ сердцѣ моемъ вскипали слова: они были рѣзче пилъ и тяжче молота — могли бы согнуть и желѣзные прутья, разломать и чугунныя ограды желѣзнаго человѣческаго сердца.

И больше не чувствуя тяжести, шелъ я легко садами.

Такъ прошелъ бы всю землю — всѣ земли отъ моря до моря.

И другія слова подымались отъ сердца
благословенныя,
благословлящія мечту человѣка.

1920 г.

Семидневецъ

Я разскажу нѣсколько разсказовъ, собранныхъ мною у воротъ и въ подворотнѣ „Семеновскаго скита" на Васильевскомъ островѣ, когда, стоя на ночномъ дежурствѣ, мы коротали тревожные часы серебрянаго мая и золотого сентября 19-го года — поры опасной для Петербурга. Семеновскій скитъ многокелейный, скитниковъ много и всякіе, и разсказы ихъ разноладны.

Два старца

Въ одномъ удаленномъ отъ большого города монастырѣ, извѣстномъ строгостью жизни населявшихъ его монаховъ, жили два замѣчательныхъ инока — Пахомій и Пафнутій.

Связанные давнишней дружбой, ревновали они другъ передъ другомъ въ подвигахъ благочестія и постничества. И если труды ихъ были одинаковы или превосходили другъ друга, слабости ихъ казались какъ будто различны.

Когда собирался монастырскій хоръ и юные монашонки выстраивались на клиросѣ и отъ пѣнія и свѣчей щеки ихъ розовѣли, Пафнутій, не сводя глазъ съ клироса, умилялся до слезъ, Пахомій же не могъ не улыбаться при видѣ дѣвочекъ подростковъ, наѣзжавшихъ въ монастырь со старшими родственниками на богомолье.

Совмѣстными усиліями, каясь другъ передъ другомъ, побѣждали старцы грѣховные свои помыслы и на время утишался грѣховный огонь. Но какъ разъ въ самую чистую минуту послѣ покаянія возникало между ними пререканіе.

— Кто прекраснѣе: монашонокъ кудрявый или подростокъ съ своей косой нѣжной?

Пахомій стоялъ именно на косѣ, Пафнутій наоборотъ все видѣлъ въ кудряшкахъ.

И эта словесная пря доводила гнѣвливыхъ старцевъ до изступленія, они выкрикивали другъ другу невѣдомо что, опускаясь духомъ въ самую преисподнюю, и вдругъ очнувшись, въ горѣ снова били поклоны и опять каялись.

А бывало и такъ, что крикъ сквернословный иноковъ, не стѣснявшихся въ распаленіи своемъ ни мѣстомъ, ни временемъ, могъ только окончиться потасовкой, и мудрый игуменъ Сафроній, внушая кротость, заключалъ старцевъ въ примѣръ братіи въ мѣсто узкое и темное, доколь не смирялись и не каялись.

Такъ проходила ихъ жизнь и можно было подумать, что такъ и пойдетъ въ жестокомъ бореніи, а рано иль поздно достигнутъ они безстрастія и безмятежно почіютъ, достойные царствія небесного.

*

За ранней утреней, когда Пахомій и Пафнутій, примиренные послѣ при, неистовой брани и высидки съ покаяніемъ, стали на свои мѣста рядышкомъ и, положивъ началъ, начали нѣмую молитву, зарясь всякъ на свое, вдругъ какъ одинъ оба они вытаращились, ровно ужаленные: мимо амвона проходилъ, какъ березка стройный, монашонокъ и до того нѣженъ былъ цвѣтъ лица его, ну, дѣвичій.

— Отрокъ, — шепнулъ Пафнутій.

— Отроковица, — по лошадиному перекосился Пахомій.

И что-то до того гнѣвное, вражда какая-то не на жизнь, а на смерть поднялась въ душѣ у обоихъ старцевъ другъ противъ друга.

Строптивость обуяла.

Забыли нѣмую молитву, не слыша ни пѣнія, ни возгласовъ, съ остервенѣніемъ искали они глазами поразившаго ихъ монашонка, а онъ стоялъ тутъ за кли-

росомъ, загороженный большимъ подсвѣчникомъ, невидимъ для старцевъ.

И съ того дня, казалось, самой дружбѣ старцевъ наступилъ конецъ.

Встрѣчаясь, они набрасывались другъ на друга съ кулаками, не крича ужъ, а шипя, всякъ про свое.

— Отрокъ! — кривился Пафнутій.

— Отроковица! — дыбился Пахомій.

И оба, таясь другъ отъ друга, выслѣживали монашонка.

А скоро стало извѣстно, что монашонка зовутъ Павломъ, а отдала его въ монастырь родная его тетка игумену Сафронію на попеченіе.

Пафнутій торжествовалъ.

— Отрокъ.

— Отроковица! — гаркалъ Пахомій и вопреки всякой очевидности доказывалъ, что хоть и называютъ монашонка Павломъ, а на самомъ дѣлѣ имя его женское — Пáвла.

*

Монашонокъ за службой стоялъ на виду у старцевъ у кануна, наблюдая за свѣчами.

Какая-то трясущаяся старушонка задумала поставить свѣчку и долго не могла приноровиться укрѣпить ее въ гнѣздышко.

Монашонокъ, глядя на старуху, разсмѣялся.

И когда онъ разсмѣялся и въ желобкѣ надъ спѣлой его губкой появилась водица, у старцевъ дрогнули поджилки.

— Отрокъ.

— Отроковица.

И оба одно себѣ молили, чтобы еще и еще разъ улыбнулся монашонокъ.

Игуменъ же Сафроній, онъ все замѣчалъ, и этотъ смѣхъ надъ старухой не остался для него скрытымъ, игуменъ послѣ службы подозвалъ монашонка.

— Тебя за смѣхъ твой неумѣстный будетъ началить схимникъ Патермуфій, а дорогу къ нему покажетъ отецъ Геннадій.

Перепуганный Павелъ поклонился игумену въ ноги.

— Иди же, -- строго сказалъ игуменъ и занялся разговоромъ съ другими.

И когда, по указанію отца Геннадія, Павелъ отправился къ кельѣ схимника, старцы, которымъ извѣстенъ былъ всякій шагъ монашонка, еще загодя забрались къ схимнику и тамъ притаились въ кустахъ за молодыми липами противъ кельи.

Павелъ упалъ на колѣни передъ окномъ Патермуфія и громко каясь въ грѣхѣ своемъ, сокрушался и плакалъ. И трижды земно просилъ онъ простить его, но изъ глубины кельи не было отвѣта.

Павелъ стоялъ на колѣняхъ и четыре невидимыхъ глаза пронзали его изъ-за кустовъ. И если бы стоялъ онъ день и другой, эти четыре ненасытныхъ глаза такъ и не отпустили бъ его.

Наконецъ, послышался голосъ:

— Завтрашній день въ полночь ты въ одѣяніи стыда своего, непокровенный, придешь въ церковь Іакова Христопраса и тамъ покаешься передъ алтаремъ, проведя въ молчаніи ночь, а на утро вернешься сюда.

Старцы обалдѣли.

Сердце ихъ было полно — выше мѣры. Теперь они докажутъ другъ другу. И не сдержавъ своего чувства, заургали оба, ну, звѣри. И не дожидаясь, когда уйдетъ Павелъ, выскочили изъ-за липъ и пустились назадъ въ монастырь. И тамъ, забившись въ тѣсную свою келью, сигали и скакали или, просто сказать, безобразничали.

Сердце ихъ было полно — выше мѣры!

Пафнутій далъ такого шлепка по костяшкамъ Пахомію, тотъ такъ и перевернулся, перевернулся и укусилъ Пафнутія за волосатое ухо.

И все это не по злобѣ, а отъ игры разыгравшагося сердца.

Ждать завтрашней полночи, казалось, не было силы!

Ночь прошла безъ сна, и когда явились старцы на утреню, лица на нихъ не было. Трясло ихъ и дергало. Не удерживая нетерпѣливаго чувства, они щелкали языкомъ, выщелкивая всякъ свое:

— Отрокъ.

— Отроковица.

Въ полночь все рѣшится, и кто правъ, докажетъ полночь.

*

Какъ долго въ тотъ день шла утреня, какъ тянулась обѣдня — если бы можно было на колокольнѣ подвести часы или подогнать солнце! — медленно двигались стрѣлки и солнце точно задремало на своей небесной колокольнѣ.

Отказавшись отъ трапезы — не до ѣды было! — сейчасъ же послѣ вечерни старцы шмыгнули въ алтарь и тамъ влипли въ колонны, да такъ и остались никому не замѣтны.

И когда все затихло, вышли они изъ-за своей засады и за работу: проковыряли двѣ дырки въ сѣверныхъ вратахъ и двѣ дырки въ южныхъ вратахъ, а въ царскихъ откромсали порядочные два куска, чтобы виднѣе было и не ошибиться.

Павелъ же, когда стемнѣло, испросилъ у ключаря ключи и ближе къ полночи пошелъ въ Іаковову церковь, какъ велѣлъ ему Патермуфій.

И вотъ скрипнула дверь и со свѣчей появился Павелъ въ пустой церкви. Одежду онъ сбросилъ на паперти и непокровенный твердо шелъ къ царскимъ вратамъ.

— Отрокъ.

— Отроковица.

Такъ выстукивало сердце.

Старцы прильнули къ своимъ щелкамъ — Павелъ поднимался на амвонъ — и въ разъ пискнувъ, оба упали безъ чувствъ.

Не забыть Павлу этой ночи, — какіе страхи мерещились ему въ пустой церкви! — едва до утра дожилъ.

А на утро, когда пришли служить заутреню и выпустили Павла, въ алтарѣ у царскихъ вратъ нашли двухъ старцевъ, ужъ бездыханныхъ, Пахомія и Пафнутія: на лицѣ ихъ былъ восторгъ, а въ незакрытыхъ глазахъ умиленіе, и отъ ихъ бренныхъ останковъ исходило какъ бы нѣкое благоуханіе.

1919 г.

Змѣя

Это было въ тѣ далекія времена, когда земля наполовину лежала пуста, а пустыри были покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. По узкимъ глухимъ тропинкамъ проходили одинокіе путники, стараясь держаться теченія рѣкъ, и такъ брели отъ города до города и отъ села до села.

Однажды въ воскресное утро шелъ по такой тропинкѣ блѣдный изнуренный странникъ, весь перевязанный широкимъ полотенцемъ. На поворотѣ рѣки лицо его изобразило ужасное отчаяніе, и онъ со стономъ припалъ къ водѣ.

Шедшій навстрѣчу путникъ поспѣшилъ къ нему на помощь, помогъ ему подняться и усадилъ на камень.

Странникъ разсказалъ ему про свое горе.

Многія сотни верстъ прошелъ онъ по землѣ, а несетъ онъ въ себѣ большую змѣю: когда-то въ дѣтствѣ во снѣ заползла ему змѣя въ горло и съ тѣхъ поръ питается его пищей, и жажда его неутолима.

— И не знаю я, — сказалъ странникъ, — какъ мнѣ отъ змѣи освободиться. Ищу я человѣка, который бы помогъ мнѣ или такого мудраго лѣкаря, который бы заклялъ змѣю.

Выслушалъ добрый человѣкъ, посѣтовалъ на злую судьбу, но указать ничего не могъ и пошелъ своей дорогой.

А странникъ, отдохнувъ, продолжалъ путь.

Подымаясь въ гору, онъ ничего не замѣчалъ и не чувствовалъ зноя; только жажда не покидала его да напряженное вниманіе: успокоился ли его мучитель?

Змѣя пожирала его пищу, оставляя ему чуть-чуть, чтобы только поддержать ему жизнь, а съ пищей пожирала и память: постоянное прислушиваніе къ движенію мучителя отвлекало всѣ его силы, и прошлое, что было въ дѣтствѣ, не вспоминалъ онъ и даже родной городъ незабвенный Нюренбергъ ни разу не вспомнился за все его тяжкое странствіе.

*

Странникъ, достигнувъ косогора, увидѣлъ женщину. Она, поровнявшись, пристально посмотрѣла на него.

— Иди направо! — сказала она.

— Почему направо?

— Я говорю это всѣмъ, потому что тамъ живетъ затворникъ — цѣлитель и чудотворецъ.

Странникъ низко поклонился — какое счастье, онъ и не спрашивалъ, а ему указали, онъ нашелъ человѣка и будетъ свободенъ! — и пошелъ направо.

И достигъ кельи.

— Это келья затворника?

— Его,—отвѣтилъ какой-то монахъ, можетъ, сторожъ.

— Можно видѣть?

Но затворника не оказалось: прошедшей ночью повезли его по приказу короля въ столицу.

— А когда вернется?

Но монахъ только махнулъ рукою:

— Никогда.

Странникъ упалъ духомъ — какое несчастье, наконецъ былъ случай увидѣть человѣка, стать, наконецъ свободнымъ, и все пропало!

Въ отчаяніи стоялъ онъ у пустой кельи, не зная, что и дѣлать.

*

Ужъ день погасъ и вѣялъ вечеръ, а странникъ все стоялъ въ своей горькой думѣ. Съ луной его оставили силы, онъ отошелъ отъ кельи и прилегъ въ малинникъ.

И сладкій дурманящій запахъ опьянилъ его.

„Не все ли равно, — думалъ онъ, — видѣлъ меня цѣлитель или не видѣлъ, и если я повѣрилъ, что онъ чудотворецъ, онъ исцѣлитъ меня!“

И засыпая, мечталъ онъ, какъ очнется свободный, начнетъ новую жизнь и какая это будетъ жизнь — все живое до послѣдней травинки войдетъ въ его душу, не пропуститъ онъ и часа, ни минуты, онъ возьметъ все отъ жизни, а за то и отдастъ все, всѣ свои силы, чтобы легко было всему живому до послѣдней травинки. Только бы быть свободнымъ!

И приснилось ему, будто пьетъ онъ холодную воду— вода льется ему прямо въ ротъ, и пьетъ онъ, какъ всегда, ненасытно.

А утоливъ жажду, онъ очнулся и, какъ очнулся, съ трепетомъ замѣтилъ — луна, все видно — изо рта выползаетъ змѣя: пасть ея раскрыта.

Или это сладкій запахъ, пьяня, тянулъ ее?

И змѣя выползла.

И въ первый разъ легко поднялся онъ.

Нѣтъ больше змѣи, — свободенъ!

И вдругъ почувствовалъ такую ужасающую пустоту, и уныніе нашло на него — вѣдь, вся его жизнь змѣя, всѣ его мысли о змѣѣ, а всѣ его слова — жалоба, и вотъ нѣтъ змѣи, и какъ же ему, съ чего начать?

— О! о! о! змѣя, змѣя! — простиралъ онъ руки къ лунѣ.

Все было видно: на темныхъ кустахъ чернѣла малина, и какъ пуста была эта первая его свободная ночь.

И за эту ночь все рѣшилось.

Онъ никуда не пошелъ — да и куда итти? — онъ навсегда остался въ брошенной кельѣ.

А та женщина, какъ и раньше, говорила одно и то же всѣмъ встрѣчнымъ:

— Идите направо, тамъ живетъ затворникъ цѣлитель и чудотворецъ.

И путники, стражда, заходили въ келью, а покидая келью, уносили миръ истерзанной душѣ.

1919 г.

Панна Марія

Въ нашемъ краю бѣдныя села, маленькіе города и болота.

Изрѣдка между деревьевъ мелькнутъ кресты костела и кучей сѣрыя халупы затѣснятъ по краю болота.

Жидкій унылый звонъ въ воскресенье жалобой томитъ душу.

Въ бѣлыхъ платкахъ, какъ бѣлыя птицы, русыя дѣвушки и женщины какъ бы плывутъ, туманясь, по протоптаннымъ тропинкамъ къ нашему старому костелу темному и низкому, вросшему въ землю.

Какъ хорошо на землѣ, гдѣ цвѣтутъ яркіе цвѣты и полно дышитъ солнце, но ничѣмъ незамѣнна и эта щемящая тоска болотъ и тумановъ и унылаго воскреснаго звона.

Когда кончилась служба и ксендзъ пошелъ въ исповѣдальню, пани Ядвига упала передъ нимъ на колѣни, жалуясь на несчастную судьбу: опять у нея бѣда съ коровой, и только что ребятъ накормитъ, а на масло и не хватаетъ.

— Стыдись, -- остановилъ ее ксендзъ, — ты докучаешь Богу жалобами о своихъ пустякахъ. Бери примѣръ съ панны Маріи: она ослѣпла при рожденіи и, будучи прекрасной, какъ ангелъ, поетъ въ костелѣ или играетъ на органѣ и хвалитъ всегда Іисуса, Его Пресвятую Матерь. Отъ нея не услышишь горькаго слова, только благодаритъ Создателя и славословитъ.

И пани Ядвига по дорогѣ домой зашла къ несчастной, для которой, по словамъ ксендза, само несчастье было источникомъ великаго счастья благодарить и славословить.

Высокая блѣдная дѣвушка неслышно проходила по палисаднику, и большіе голубые глаза ея были необыкновенно спокойны, и никакъ ужъ нельзя было сказать, что они не видятъ, и только легкія движенія пальцевъ показывали, что она слѣпая.

И ей, какъ ксендзу, разсказала пани Ядвига о своемъ горѣ.

И въ отвѣтъ совсѣмъ просто, какъ только могутъ очень измученные люди и въ мукѣ своей примиренные, почти безъ всякихъ словъ однимъ прикосновеніемъ утѣшила панна Марія несчастную, да еще и денегъ дала ей.

Получивъ подачку, довольная Ядвига разговорилась: ей хотѣлось сказать что-нибудь очень веселое, чтобы развлечь панну. И она разсказала о какомъ-то молодомъ панѣ, который пріѣхалъ изъ Варшавы къ сосѣдямъ русскимъ.

— Очень часто по вечерамъ прогуливается мимо вашего палисадника, а черезъ недѣлю уѣдетъ въ Варшаву.

И долго еще болтала, преувеличенно расхваливая красоту и обхожденіе пана.

Марія сначала слушала равнодушно, какъ обыкновенную деревенскую новость, и вдругъ въ душѣ ея поднялась досада, что ничего она не видитъ, слѣпая, но сейчасъ же спохватилась и стала читать молитву, благословляя волю, рѣшившую ея слѣпую судьбу.

Ядвига очень довольная скрылась, и все пошло по старому.

*

Вечеромъ панна Марія вышла въ садикъ, она всегда коротала вечеръ одна съ цвѣтами, и ей бывало горько, но эта горечь была привычной благословенной, расцвѣтающей, какъ ея садикъ, мечтами. А на этотъ разъ, и сама не знаетъ, какое-то особенное чувство охватило ее: она чего-то все прислушивалась, точно ждала кого.

Но ни души не было и шаговъ не слыхать по дорогѣ.

А когда пришло время возвращаться въ комнаты, и сама не знаетъ, отчего это такою грустью наполнилось ея сердце.

На слѣдующій день то же и то же чувство, но еще сильнѣе, и еще глубже грусть.

И вдругъ совсѣмъ неожиданно она прямо себѣ сказала, что ждетъ его, того пана, о которомъ разсказывала Ядвига, и ей грустно, потому что его нѣтъ.

И только въ третій вечеръ, когда взволнованная ждала она въ своемъ садикѣ, звонъ шпоръ по дорогѣ поразилъ ея слухъ и голосъ прозвучалъ такъ близко знакомый и опушилъ ей сердце.

Конечно, это былъ онъ, тотъ панъ.

И съ нимъ еще какіе-то, и голоса ихъ, какъ совьи крики.

*

Панна Марія считала часы, минуты, когда настанетъ вечеръ, выйдетъ она въ садикъ и сядетъ ждать: опять звонъ шпоръ и голосъ — только бы еще разъ услышать этотъ голосъ!

А проходили дни, смѣнялись вечерами, — какіе тяжкіе часы, какія бѣглыя минуты! — и никого.

Такъ незамѣтно наступилъ седьмой -- послѣдній день.

Она твердо помнитъ слова Ядвиги; что черезъ недѣлю онъ уѣдетъ.

И неужто она больше не услышитъ его голосъ?

А если и услышитъ, неужто никогда-то не увидитъ?

— Іисусе, дай хоть разъ увидѣть!

И въ тоскѣ горючей она упала передъ Распятіемъ на скрещенныя руки и просила.

— Іисусе!

И зарыдала — такъ, когда весь міръ до боли жалко и чувствуешь какую-то вину передъ всѣми, такъ зарыдалъ бы, — и никогда такъ еще спокойные глаза ея не трепетали, они какъ крылья трепетали.

— Іисусе!

Голова ея горѣла, сердце ныло.

— Іисусе! разъ! увидѣть!

*

Безъ всякой надежды вышла панна Марія въ свой садикъ, сѣла на скамейку туда — къ дорогѣ.

Шелестѣло въ травѣ и что-то за домомъ пискливо стонало — птица ли, вѣтеръ, нѣтъ вѣтеръ, вѣтеръ нагонялъ тучи, собиралъ дождикъ.

И сердце, какъ стало.

Ничего не слышно, только шелестъ, только вѣтеръ.

И вотъ ея чуткое ухо издалека различило шаги.

Да, она не ошиблась. И скоро звонъ шпоръ зазвенѣлъ по дорогѣ, сейчасъ услышитъ и голосъ.

Маленькій облѣзлый съ выжатымъ, какъ выжатый лимонъ, лицомъ проходилъ по дорогѣ мозглявый поручикъ и съ нимъ еще кто-то.

А она смотрѣла — и только видѣла его.

Она никого никогда не видала и больше никого ей не надо видѣть.

И озарило ея сердце, хотѣла крикнуть — и мертвая она упала на скамейку.

1919 г.

Добрый приставникъ

1.

На одномъ изъ убогихъ чердаковъ люднаго Ермеевскаго дома на Васильевскомъ островѣ жилъ студентъ Медицинской Академіи Лапинъ.

Наука давалась ему съ трудомъ, а еще труднѣе было добывать кусокъ хлѣба. Но онъ былъ смѣлъ, прилеженъ и настойчивъ.

Сашенька шляпница изъ мелкихъ мастерицъ, та же бѣднота, что и самъ онъ, раздѣляла его трудъ и помогала, въ чемъ могла. Въ тяжелой нуждѣ и заботахъ, онъ даже при трепетномъ свѣтѣ лампы какъ-то не замѣчалъ, красива она или нѣтъ, а послѣ полунощной работы прямо валился спать.

Въ свои именины Лапинъ собралъ у себя товарищей, и до глубокой ночи, когда Сашенька давно ужъ преспокойно спала за ситцевой занавѣской, распивали пиво и водку.

На чердакъ доносились порывы вѣтра съ моря, но шумъ голосовъ заглушалъ.

Разговоръ зашелъ: кто храбрѣе?

И рѣшено было, чтобы каждый совершилъ необыкновенный поступокъ.

Первымъ выступилъ студентъ Прокоповъ.

— Давайте сдѣлаемъ такъ... Недѣлю назадъ, какъ вамъ извѣстно, умеръ нашъ профессоръ, знаменитый

хирургъ Петровъ; всю свою жизнь провелъ онъ нелюдимо и слылъ колдуномъ. Похороненъ онъ, какъ вамъ извѣстно, на Смоленскомъ — мы позовемъ этого нелюдима къ себѣ въ гости!

Одобрительный смѣхъ товарищей, какъ вѣтеръ, захлестнулъ слова.

— А чтобы онъ не упрямился, — горячѣй продолжалъ Прокоповъ, — мы снимемъ временный крестъ съ его могилы. И пусть тотъ, кто вызовется это сдѣлать, въ знакъ храбрости принесетъ этотъ крестъ сюда.

И опять смѣхъ, и еще громче, взорвалъ чердакъ.

Не хватало только смѣльчака.

— Я согласенъ, — сказалъ Лапинъ, — я пойду и позову его, но креста я не возьму: это будетъ обида для покойника.

— А какое же доказательство твоего приглашенія? — закричали товарищи.

— А пусть кто-нибудь со мной пойдетъ, вотъ и будетъ свидѣтель.

— Хорошо, — поднялся высокій чернобородый Смыгинъ, самый хмурый и самый сильный, — я пойду.

И подъ смѣхъ товарищей, пошатываясь, оба вышли изъ комнаты.

И когда спустились съ лѣстницы и очутились на дворѣ, вѣтеръ едва не сшибъ ихъ съ ногъ. Но это ихъ нисколько не остановило: рѣшимость оказалась хмельнѣе и пива и водки.

Черезъ липкую грязь и канавы добрались они до кладбища.

Луна, тая въ быстромъ облачномъ лётѣ, издалека мерцала. Порывомъ съ шибающимъ вѣтромъ пылилъ мелкій дождь.

Это былъ часъ, когда по сѣверному морю пробѣгаетъ летучій голландецъ.

Послѣ немалыхъ поисковъ, наконецъ, нашли они свѣжую могилу профессора, бѣлый его березовый крестъ.

Лапинъ снялъ шапку.

— Достопочтенный ученый, — сказалъ онъ, обращаясь къ могилѣ, — вся ваша жизнь была посвящена облегченію горя вашего ближняго. Вы спасли тысячу жизней отъ смерти, болѣзней, несчастья. Теперь, когда вы получили справедливое успокоеніе отъ трудовъ, я прошу васъ раздѣлить компанію вашихъ бывшихъ учениковъ: я полагаю, что у васъ имѣется свободное время за гробовой доской.

Лапинъ хотѣлъ было надѣть фуражку, но вѣтеръ вырвалъ ее изъ рукъ, поднялъ вверхъ надъ крестомъ и унесъ.

И въ ту же минуту Смыгинъ схватился обѣими руками за крестъ и съ силой рванулъ его изъ земли.

— Не смѣй! — крикнулъ Лапинъ.

Но было уже поздно: рыхлая земля легко поддалась.

И когда они опять вернулись къ себѣ на чердакъ и Смыгинъ показалъ бѣлый профессорскій крестъ, удовольствію товарищей не было конца.

Только Лапинъ, сразу осѣвшій, бормоталъ:

— Извини, мы обидѣли тебя.

Попойка подходила къ концу: допивалось и разливалось послѣднее. И скоро всѣ повалились спать.

Легъ и Лапинъ.

Но заснуть не могъ. Онъ точно погружался въ какую-то плывучую пропасть и съ ужасомъ перевертывался на другой бокъ, а его начинало немилосердно качать, и все подъ нимъ качалось безъ всякой опоры.

И онъ поднялся.

А выйдя изъ комнаты, сейчасъ же забылъ, зачѣмъ шелъ, спустился по лѣстницѣ во дворъ и очутился на улицѣ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что погода перемѣнилась: полная луна свѣтила ясно, и было совсѣмъ тихо. Сами ноги понесли его на кладбище. Безъ труда нашелъ онъ знакомую могилу и безсильный упалъ.

— Извини, мы тебя обидѣли! — бормоталъ онъ, тычась въ разрытую липкую землю.

И какъ-бы въ отвѣтъ вдругъ блеснули передъ нимъ золотые очки, лысина, рыжеватая борода.

— Ты меня, Лапинъ, не обидѣлъ, — отчетливо и ясно сказалъ профессоръ, — я помню тебя и знаю, какъ ты прилеженъ. Но ты бездаренъ: твой умъ и твое сердце никуда не годятся.

Больше ничего не видѣлъ Лапинъ и ужъ ничего не слышалъ.

А когда онъ проснулся, оказалось, что спалъ на полу у самой двери и очень неудобно.

Слѣды вчерашней попойки и какъ попало распластавшіеся товарищи, все это показалось ему крайне отвратительнымъ, и онъ поспѣшилъ выйти.

Проходя по двору, Лапинъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что картузъ его виситъ на гвоздикѣ около дворницкой.

Да, онъ не ошибся, это былъ его картузъ.

И онъ взялъ его, постоялъ и, ничего не понимая, тихонько вернулся.

А должно быть, долго стоялъ на дворѣ: въ комнатѣ онъ не нашелъ ужъ своихъ товарищей, и бѣлаго профессорскаго креста не было.

А можетъ, все это только пьяный угаръ?

И въ дѣйствительности ничего не было: ну, выпивать выпивали, вотъ и бутылки, но крестъ и профессоръ...

Успокоенный на пьяномъ угарѣ, Лапинъ прибралъ комнату и, какъ всегда, усѣлся за работу.

Такъ и пошла жизнь своимъ чередомъ.

А дня черезъ три всякая именинная память вытѣснилась изъ головы, и все позабылось.

2.

Со всѣмъ напряженіемъ вниманія своего, какъ самый старательный ученикъ, сидѣлъ Лапинъ за грудою книгъ.

Вѣтеръ шумѣлъ за окномъ, и за занавѣской похрапывала Сашенька.

Съ трудомъ разбирая ученое сочиненіе, Лапинъ вслѣдъ за боемъ полночи услышалъ, какъ кто-то сзади сказалъ:

— Ты бездаренъ: твой умъ и твое сердце никуда не годятся. Но я перемѣню твое сердце и умъ, потому что ты былъ добръ къ людямъ.

Лапинъ вздрогнулъ и невольно повернулся на стулѣ: передъ нимъ стоялъ покойный профессоръ: золотые очки, лысина и рыжеватая борода поблескивали, какъ въ туманѣ; онъ былъ въ бѣломъ халатѣ, а въ рукѣ свѣтился скальпель. Повелительно указалъ онъ на кушетку.

Лапинъ, замирая отъ страха, покорно всталъ со стула и легъ.

А профессоръ поднялъ надъ нимъ скальпель и однимъ взмахомъ разрѣзалъ ему въ видѣ греческой т а у грудь и животъ, затѣмъ вырѣзалъ сердце и селезенку, взялъ со стола съ какого-то блюда замѣну — вложилъ новое сердце, новую селезенку и, зашивъ, наложилъ бинтъ.

— Лежи до утра!

Отъ ужаса Лапинъ, задержавъ дыханіе, закрылъ глаза.

А по утру, проснувшись на кушеткѣ, онъ увидѣлъ, что тужурка его разстегнута, рубашка разорвана и видны на ней капельки крови, на груди же тонкій кровавый рубецъ въ видѣ шнурка — т а у.

Сейчасъ же разбудилъ онъ Сашеньку и показалъ ей на свою разрѣзанную грудь.

А Сашенька, хоть и внимательно смотрѣла, но ничего понять не могла и, если что думала, то лишь о крайней ихъ бѣдности, когда нечѣмъ и бѣлья починить.

Въ тотъ же вечеръ замѣтилъ Лапинъ, что работа дается ему чрезвычайно легко. И ученая книга, изъ которой въ прежнее время онъ осиливалъ за цѣлый вечеръ дай Богъ съ десятокъ страницъ, далась ему вся въ одинъ присѣстъ.

Теперь у него оказался досугъ и не было того утомленія, съ которымъ, не помня себя, онъ обыкновенно ложился спать. И какъ-то взглянувъ на Сашеньку, онъ въ первый разъ пораженъ былъ ея безобразіемъ — все было у нея до того мелко и незначительно, и эти молочно-сѣрые глазки, расплывчатый носъ, просто запомнить нечего.

„Господи, — подумалъ онъ въ первый разъ, — и за что я ее полюбилъ?“

Горю его не было конца.

И только услужливость и уступчивость безропотной Сашеньки, ея заботливость нянечья помирили его съ жестокой судьбой.

Занятія шли успѣшно. И когда начались экзамены, они ничѣмъ не напомнили ему его прежней страды. А курсовое сочиненіе, признанное блестящимъ, написалось шутя.

Лапинъ чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ — съ большими познаніями, уравновѣшеннымъ и не безъ воображенія.

Лучше всѣхъ сдавалъ онъ экзамены.

3.

Послѣ послѣдняго экзамена Лапинъ вернулся домой поздно.

Бережно сложивъ книги, онъ присѣлъ на кушетку и вдругъ увидѣлъ: за столомъ склонившись сидитъ профессоръ.

Профессоръ съ ласковой улыбкой, лукаво подмигивая, протянулъ руку:

— Что, Лапинъ, доволенъ?

— Я о такомъ успѣхѣ даже и не мечталъ, но, достопочтенный профессоръ, — не безъ развязности обратился Лапинъ, — нельзя ли какъ прикрасить мою Сашеньку?

— Съ твоимъ умомъ и способностями, — усмѣхнулся профессоръ, — красота — пустяки!

И не успѣлъ Лапинъ опомниться, какъ профессоръ шагнулъ за занавѣску и увѣреннымъ движеніемъ скальпеля отсѣкъ Сашенькѣ голову на̀-прочь: и, бросивъ черезъ плечо, взялъ со столика съ тарелки другую голову и приставилъ къ туловищу.

— Эта будетъ хороша, мозги безъ перемѣны.

Лапинъ какъ онѣмѣлъ, онъ не могъ произнести и самаго простого слова, чтобы поблагодарить профессора.

Проснувшись по утру, Сашенька хотѣла было по привычкѣ схватиться за жиденькую косичку, болтавщуюся у нея на плечѣ, и вдругъ рука ея наткнулась на пышную жаровскую прическу. Не вѣря себѣ, она подняла обѣ руки, чтобы распустить волосы, и не бѣлесыя, золотисто-русыя пряди зазмѣились по ея плечамъ. Въ ужасѣ она вскрикнула.

На крикъ вскочилъ Лапинъ и, увидѣвъ на туловищѣ Сашеньки голову античной богини изъ Эрмитажа, все припомнилъ изъ вчерашняго и мысленно съ благодарностью помянулъ профессора.

Новая голова говорила языкомъ Сашеньки, и все было удивительно хорошо прилажено; только на шеѣ краснѣлъ какъ бы тонкій шнурокъ.

И когда Сашенька сошла внизъ, чтобы итти на рынокъ, охамъ и ахамъ ермеевскихъ жильцовъ не было конца.

А на другой день ребятишки со всего двора кричали ей вслѣдъ:

— Перемѣнная башка!

Если бы кто-нибудь изъ нихъ былъ позорче, онъ то же крикнулъ бы и Лапину, но перемѣна Лапина не была доступна и самому проницательному глазу.

Сашенька отъ насмѣшекъ плакала, и пришлось переѣхать на другую квартиру.

4.

На 7-ой линіи въ домѣ Макарова, гдѣ поселился Лапинъ съ Сашенькой, за недѣлю до ихъ переѣзда случилось страшное дѣло: у самаго хозяина Макарова звѣрски была убита дочь — ворвавшіеся разбойники, покончивъ съ горничной, отрѣзали голову у Нюты и унесли голову съ собой.

Старикъ Макаровъ, убитый горемъ, былъ крайне возмущенъ: Нюта носила въ своихъ чудесныхъ косахъ жемчужную шпильку, и эту шпильку можно было просто вырвать изъ прически, не отрубая головы, а теперь и похоронить нельзя съ честью — какъ же въ самомъ дѣлѣ безголовой отдать послѣднее цѣлованіе?

Околодочный Эрастъ Аполинаріевичъ совѣтовалъ старику войти въ соглашеніе съ теткой убитой горничной, отрѣзать голову у Мариши и положить въ гробъ къ Аннѣ Васильевнѣ.

Старикъ было поддался, но старуха Макарова не хотѣла и слышать.

— Не хочу, — говорила она, — горничную цѣловать Маришку.

Такъ и похоронили.

И вотъ вскорѣ послѣ похоронъ вышелъ какъ-то старикъ Макаровъ на улицу и обомлѣлъ: у собственнаго его дома стояла его покойница дочь Нюта объ руку со студентомъ.

Сомнѣнья не могло быть — это была живая Нюта! — и старикъ къ большому удивленію Лапина и Сашеньки гаркнулъ на всю улицу: караулъ!

А черезъ минуту всѣ пошли въ участокъ, гдѣ ужъ передъ самимъ приставомъ старикъ, показывая на Лапина, съ негодованіемъ объявилъ:

— Вотъ укралъ у моей покойной дочери голову и приставилъ этой дѣвицѣ!

Приставъ, зная старика за человѣка солиднаго, замѣтилъ осторожно:

— Василій Алексѣевичъ, зачѣмъ имъ чужая головка? У барышни есть своя. Не разстраивайтесь, дѣло это невозможное.

А когда заговорила Сашенька и старикъ убѣдился, что Нютина голова говоритъ совсѣмъ другимъ голосомъ, пришлось отступиться.

Такъ и разошлись.

Всю ночь провелъ старикъ въ слезахъ и, когда забылся, вдругъ увидѣлъ, какъ живую, Нюту.

„Папаша, — сказала Нюта, голову мнѣ отрѣзалъ хулиганъ Яшка, а покойный знаменитый профессоръ хирургъ Петровъ взялъ мою голову и приставилъ барышнѣ, которую ты видѣлъ въ участкѣ. Я не вся ушла изъ міра. Часть моей души связана съ этой барышней, и ты долженъ любить ее, какъ дочь, и не мыслить противъ нея ничего худого. Я буду защищать ее, какъ себя“.

Отъ страха старикъ едва нашелъ дверь: ему хотѣлось сейчасъ же разсказать старухѣ. А ужъ старуха сама шла къ нему и не дала говорить: она сама только что видѣла во снѣ Нюту и слово въ слово повторила его сонъ.

— Воля Нюты нерушима! — рѣшили старики.

По домовой книгѣ старикъ отыскалъ Лапина, удочерилъ Сашеньку. И Лапины поженились.

И стали жить безъ всякой нужды на всемъ готовомъ, какъ у собственныхъ своихъ родителей.

Старики въ Сашенькѣ души не чаяли.

Подходило время окончательныхъ экзаменовъ.

Все шло какъ нельзя лучше. Лапинъ считался въ Академіи однимъ изъ первыхъ студентовъ. Профессора имъ гордились.

Послѣ полученія аттестата, Лапинъ, готовясь ко сну, замечтался о своемъ будущемъ. Мечты его были такъ горячи, что онъ совсѣмъ не замѣтилъ, какъ явился профессоръ и только знакомый голосъ вывелъ его къ жизни.

— Я много могу сдѣлать для тебя, но не все, — сказалъ профессоръ, — судьба неодолима. Ты не достигнешь славы въ наукѣ, но рядовымъ ученымъ будешь. Выше не стремись! Еще увидимся, и ужъ въ послѣдній разъ.

5.

Ровно и спокойно протекали дни профессора Лапина.

Въ одномъ изъ далекихъ университетовъ жилъ онъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. У него была своя клиника, гдѣ читалъ онъ лекціи и принималъ больныхъ.

На судьбу онъ никогда не жаловался.

А прошлое отодвинулось такъ далеко, что, если и вспоминалось, то легко и радостно, какъ чудесный сонъ

Лапинъ считалъ себя счастливымъ человѣкомъ.

Въ одинъ осенній дождливый вечеръ, когда при лампѣ такъ хорошо за столомъ надъ книгой, Лапинъ, перелистывая только что полученный журналъ съ самыми послѣдними новостями, прислушивался къ своимъ спокойнымъ мыслямъ, переговаривающимъ спокойно одно и то же, какъ въ трубѣ вѣтеръ.

И вотъ, какъ тихій часъ, въ кабинетъ тихо растворилась дверь и кто-то вошелъ. Лапинъ, не выпуская изъ рукъ книги, насторожился, ожидая, когда неизвѣстный выйдетъ изъ тѣни.

И вдругъ почувствовалъ, какъ чего-то сердце забилось.

— Профессоръ Петровъ, — прозвучало отчетливо и ясно, а въ полосѣ свѣта блеснули золотые очки, лысина, рыжеватая борода.

— Профессоръ Лапинъ, — рекомендуясь, поднялся Лапинъ и минуту напряженно смотрѣлъ на гостя, и вдругъ точно сжало его что, дышать нечѣмъ, и онъ, невольно разинувъ ротъ, ртомъ сталъ ловить воздухъ.

— Въ послѣдній путь, — отчетливо и ясно сказалъ знакомый голосъ, — судьба неодолима. Ты получилъ все, что дано человѣку: ты насладился счастьемъ и покоемъ. Пойдемъ, не бойся! И тамъ ты будешь продолжать —

Лапинъ поддался къ гостью: спросить ли о чемъ хотѣлъ или ужъ согласился?

— Ты будешь продолжать ту же самую жизнь.

И коса коснула, и, задохнувшись, Лапинъ ткнулся лицомъ въ столъ — все кончилось.

1919 г.

Лисъ преподобный

1.

Тихоновъ монастырь, имя котораго дорого всякому страннику, стоялъ въ низкой лощинѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ лѣсами, и бѣлыя стѣны его и башни едва виднѣлись изъ-за деревьевъ. По косому узкому мостику изъ трехъ бревенъ безъ поручни брели въ монастырь богомольцы. Въ сыромъ дымящемся воздухѣ жидко раздавались удары монастырскаго колокола.

Пройдя черезъ мостъ, прежде всего попадали подъ низкіе своды воротъ, а затѣмъ выходили на заросшій репейникомъ дворъ, гдѣ на лобномъ мѣстѣ стояла маленькая каменная церковь.

Кельи братіи и службы скрывались за купами березъ.

Богомольцы подходили кучками.

Благообразный монашекъ не старый, не молодой, безвозрастный, встрѣчалъ ихъ подъ сводами и каждаго опрашивалъ.

Къ этому монашку-привратнику и обратился весь закутанный худощавый остроносый монахъ.

— А! къ о. игумену! — обрадовался монашекъ, — сейчасъ! -- и повелъ его за собой.

Длинными переходами между березъ прошли они дворъ и, миновавъ церковь, вышли къ маленькому ка-

менному дому. Грязная дверь, изъ которой пахнуло постнымъ жильемъ, отворилась туго, и въ полутьмѣ стали они подыматься по шаткой лѣстницѣ, которая и привела ихъ въ узкую и тѣсную прихожую съ тощенькимъ протертымъ ковврикомъ.

Пришелецъ снялъ съ себя лишнія тряпки и оказался обыкновеннымъ монахомъ среднихъ лѣтъ. Но безцвѣтное лицо его съ длиннымъ, тонкимъ носомъ и странно уходящимъ назадъ подбородкомъ, и эти рѣденькіе рыжеватые бакенбарды и длинные жиденькіе волоса сразу вызывали образъ не то птицы, не то лисы.

Съ любопытствомъ косясь на монаха, монашекъ ввелъ его въ пріемную.

Привычно, по уставу, совершивъ поклоненіе, вынулъ монахъ изъ-за пазухи пачку грязныхъ бумагъ и, протягивая игумену, какимъ-то лепечущимъ голосомъ, впрочемъ вполнѣ подходящимъ къ необыкновенному виду его, не то птичьему, не то лисьему, сталъ проситься оставить его въ монастырѣ.

— Хорошо, — сказалъ игуменъ, — поживи, тамъ увидимъ.

Монахъ униженно кланялся.

— Дай ему, — обратился игуменъ къ монашку, — ту келью, гдѣ о. Іегудіилъ жилъ раньше! Да какъ звать-то тебя?

— Лисій, преподобный отецъ, нареченъ на Аѳонѣ.

— Лисій? — и, должно быть, только теперь разобравъ это не то птичье, не то лисье, игуменъ, косясь, какъ тотъ монашекъ, растянулъ не безразлично: — ну, ладно!

2.

Бѣленькая низкая комната, полукруглое косящетое окно, лавка для спанья, столъ, табуретка и на полу половичокъ.

Лисію понравилось. И такъ какъ онъ любилъ большой порядокъ, онъ прежде всего вымелъ, вычистилъ келью и укрѣпилъ все разъ навсегда.

И въ церкви онъ быстро освоился со всѣми особенностями устава, и безъ труда обжился съ братіей.

Сначала на него косились, казалось чуднымъ это лисье его, не то птичье, но потомъ привыкали.

Только старцы смотрѣли на него недовѣрчиво: слишкомъ большая ласковость и установность его отталкивали такихъ столповъ, какъ о. Мардарій и Силуянъ. А пустынникъ съ пчельника, о. Баракій, отрастившій себѣ двухвершковые ногти, прямо заявлялъ, что Лисій даже не человѣкъ, а зародился изъ лягушечьей тли и считать его за человѣка грѣшно.

Молчальники же, Гермогенъ и Амфилохій, безстрастно повторяли одно только слово:

— Не судите!

Да и правда, Лисій былъ монахъ, какъ монахъ, а кромѣ того, и выносливый и способный, и если въ немъ было что-то лисье, такъ что-жъ тутъ такого, противъ природы не пойдешь, при томъ же и совсѣмъ безвредно.

А когда наступили голодные мѣсяцы, время ропота братіи, кромѣ избраниыхъ, Лисій голодалъ прекрасно, не ссорясь и не ноя.

Лисій жевалъ какую-то осоку, а эту самую осоку, какъ оказалось, ѣдятъ лисы.

И когда монашонокъ Панька разсказалъ объ этой лисьей осокѣ келарю Дидиму, того точно озарило.

— Братцы, — воскликнулъ Дидимъ, — а мы и не доглядѣли, да вѣдь онъ же лисьей породы, ей Богу!

И съ тѣхъ поръ прошелъ шопотъ, что Лисій — Лисъ, а коли монахъ, преподобный.

— Лисъ преподобный! — припечаталъ тотъ же Дидимъ.

И самъ Лисій не отрекся.

Разъ кто-то крикнулъ:

— Эй, Лисъ преподобный!

Лисій обернулся и, сложивъ руки на груди, отвѣсилъ поклонъ.

Такъ и пошло.

3.

Всю жизнь проведя въ странствіяхъ, много Лисій зналъ чего и чудеснаго и полезнаго, могъ и поразсказать и посовѣтовать.

И при этомъ такая незлобивость.

Лисій пошелъ въ ходъ и совсѣмъ расположилъ къ себѣ братію.

Но старцы возстали: лисья осока еще больше укрѣпила въ нихъ недовѣріе, а то, что Лисій охотно отзывался на Лиса, вызвало только негодованіе и еще больше подозрѣніе.

— Тонкая шельма, — говорилъ о. келарь, мирволившій старцамъ, — надо испытать, и посмотримъ, каковъ будетъ Лисъ?

Два раза въ мѣсяцъ призывали изъ сосѣдняго посада бабъ мыть полы въ монастырь. И въ такіе дни бѣсъ особенно зорко надзиралъ надъ братіей. И хотя средства, указанныя Ниловымъ уставомъ о жительствѣ скитскомъ противъ блудныхъ помысловъ, примѣнялись со всей строгостью, паденіе бывало неминуемое: не одинъ, такъ другой — ужъ кого-нибудь да подшибалъ бѣсъ.

Начинали брань обыкновенно псалмами, за псалмами слѣдовала молитва мученицѣ Фомаидѣ, но нападеніе врага не прекращалось и, какъ послѣднее, простирали на небо очи и руки.

По поднятымъ рукамъ братіи богомольцы и замѣчали, что церковь закрыта: моютъ полы.

Всѣмъ трудно приходилось, но всѣхъ труднѣе тому, кто долженъ былъ наблюдать, какъ моютъ.

И на такое послушаніе о. келарь благословилъ Лисія.

Бабы пришли на подборъ: все молодыя, крѣпкія и рослыя. Въ высокоподоткнутыхъ юбкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, разгорѣвшіяся, немало внесли онѣ и смуты, и стыда, и позора.

Лисій, скромно потупивъ лисьи глаза, дѣловито распоряжался. И самый подозрительный глазъ не могъ бы услѣдить въ немъ и самаго малаго дрожанія естества.

Зашедшій случайно игуменъ подивился распорядительности и порядку и поощрительно его похвалилъ.

Теперь Лисій пріобрѣлъ и самого о. игумена, и ужъ никто не смѣлъ пикнуть.

— Не вывезло! — пенялъ келарь и на зло назначалъ Лисія и въ слѣдующіе разы на это трудное дѣло.

Одно скажу, Лисій былъ непроницаемъ и неуловимъ.

4.

Прошелъ годъ, и Лисій былъ ужъ во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ самымъ нужнымъ монахомъ, за всякой бездѣлицей къ нему обращались и не напрасно: своимъ умѣньемъ, знаніемъ и сообразительностью онъ наладилъ образцовый порядокъ и подобающую чистоту.

А черезъ годъ-другой батюшку Лиса знала всякая богомолка.

И все-таки старцы недовѣрія своего не утишили, старцы его только терпѣли.

Лисій старался, выискивалъ всякія средства на поддержаніе обители и совершенно безкорыстно.

Однажды онъ обратился къ игумену благословить его на сборъ.

— Вѣдомы мнѣ, — сказалъ онъ, принюхиваясь по своему, — многія мѣста въ здѣшней странѣ и на югѣ, могу порадѣть для обители.

И, дѣловито перечисливъ нужды монастыря, указалъ на неотложность ремонта и церковнаго поновленія.

Ремонтъ и поновленіе попали въ самое сердце.

И черезъ нѣсколько дней съ торбочкой и складнемъ показался Лисій изъ-подъ сводчатыхъ воротъ и, весело тряся жиденькими волосами, ступилъ на мостикъ.

— Помяните мое слово, — говорилъ Дидимъ, келарь, — не видать намъ его, какъ своихъ ушей.

Старцы воспрянули: ихъ глазъ и чутье не обманешь.

— Не судите! — повторяли безстрастно молчальники.

А игуменъ — такъ дня не проходило, чтобы не помянуть Лисія — и безпокоился за него и ждалъ съ нетерпѣніемъ.

И вотъ вопреки кривотолкамъ и увѣренію келаря, что Лисій непременно надуетъ, Лисій раньше предполагаемаго срока появился подъ сводами воротъ.

Былъ Лисій чуденъ, но теперь это былъ сущій лисъ: волосы, запущенные за остроконечныя уши, скулы, какъ два кулака, ввалившіеся черненькіе глазки и носъ, обнюхивающій воздухъ.

— О Лисъ, ты ли! — обомлѣлъ монашекъ-привратникъ.

Крутя носомъ, тяжелой грузной походкой вошелъ Лисій въ келарню.

Сбѣжались монахи: всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на своего Лиса, всѣ ему были очень рады.

А когда Лисій началъ вынимать изъ кармановъ свертки въ тряпкахъ и деньги, и золото посыпалось на столъ, Мемнонъ чтецъ возгласилъ громогласно:

— Премудрость! — и трижды облобызалъ Лисія.

Тутъ пришелъ и игуменъ.

Благословясь, Лисій скромно сказалъ, указывая на добычу:

— Не столько, сколько ожидалъ: неурожай!

— Иди, отдохни! — умилился игуменъ, — лица на тебѣ нѣтъ.

А и въ вправду, лица на немъ не было.

Лисій пошелъ въ свою келью, прилегъ и ужъ не могъ подняться: его колотило немилосердно и, закрывая глаза, шепталъ онъ безсвязно:

— Укусить — укушу — ушко . . .

А Дидимъ келарь, дознавшись, только подмигивалъ, повторяя таинственное:

„Укусить — ушко".

Старцы же безсловесные козили бородами: бредъ Лисія подтверждалъ ихъ недовѣріе — порода нечеловѣческая явствовала.

5.

Хожденіе ли со сборомъ или болѣзнь, послѣ которой поднялся Лисій, — кости да кожа, — рѣзко измѣнили его образъ жизни: хозяйство больше его не занимало и, если еще и продолжалъ онъ навѣдываться на огороды и цѣниться съ наѣзжавшими купцами, то исключительно послушанія ради, чтобы не огорчать игумена.

Цѣлыя службы проводилъ Лисій съ воздыханіемъ на колѣняхъ, а слезы безудержно лились изъ глазъ. И на чугунной плитѣ, гдѣ обычно онъ молился, находили послѣ лужу: такъ накапывали слезы.

— Не подобаетъ дерзостно возноситься! — говорилъ ему старецъ Мардарій.

— Не паришь ты, отче! — училъ старецъ Силуянъ.

А Лисій такъ же, какъ тогда на Лиса, сложивъ руки на груди, отвѣшивалъ поклоны.

Молитвой слезной не замыкался его подвигъ, онъ почти ничего не ѣлъ и, на увѣщанія игумена „не изнурять себя безмѣрно“, отвѣчалъ кротко:

— Не хочется, о. игуменъ.

Силы его угасали замѣтно.

И однажды онъ не всталъ съ лавки.

И на вопросъ игумена:

— Что болитъ?

Прошепталъ еле слышно:

— Бокъ.

Послѣ долгихъ хлопотъ и то насилу-то достали доктора: до монастыря добраться — подвигъ. Докторъ нашелъ, что Лисій плохъ и что его нужно рѣзать.

— Лиса колоть будутъ! — озорничая, ворвался избалованный монашонокъ Панька въ трапезницу, — ты, что ли?

— Это дѣло скорняка! — отозвался поваръ Мелетій, монахъ сурьезный.

— Воля Божья, лѣчиться не буду! — внятно прошепталъ Лисій на рѣшительный приговоръ доктора и больше не сказалъ ни слова.

6.

Три дня молча помиралъ Лисій. И за эти три дня въ монастырѣ поднялось все вверхъ дномъ.

Хлѣбникъ Митрофанъ объявилъ, что видѣлъ у умирающаго хвостъ.

— Нѣкое какъ бы дрожаніе хвоста и мановенное.

И нашлись, что повѣрили.

— Есть.

Другіе же не вѣрили и говорили:

— Нѣтъ.

И раздѣлилась вся братія на хвостовыхъ и безхвостыхъ.

Началось-то какъ-будто понарошну, а кончилось позаправду: и хвостовые и безхвостые стали укорять другъ друга въ самыхъ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ и не глазъ-на-глазъ, а норовя при богомольцахъ.

И былъ большой соблазнъ.

Лисій молча считалъ минуты жизни, а кругомъ галдѣло: съ хвостомъ онъ или безхвостый? Трудныя были его минуты, а его ни на мгновенье не оставляли въ покоѣ, его тормошили: усомнившіеся и не только изъ братіи, но и изъ богомольцевъ, входили въ келью и подъ всякими предлогами искали у него хвостъ.

И когда послѣдняя минута наступила и ужъ безъ всякого стѣсненія покойникъ былъ тщательно осмотрѣнъ, хвоста, какъ и надо было думать, никакого не оказалось посторонняго. Дѣло этимъ не кончилось; поднялся другой споръ: что Лисій святой или грѣшный?

По крайней мѣрѣ сутки галдѣли; и чего ужъ грѣха таить? и разодрались и окровянились, и въ концѣ концовъ Лисья святость перетянула: самъ игуменъ былъ на ея сторонѣ.

Въ благоговѣйномъ молчаніи совершалось погребеніе.

Многіе плакали.

Накрытый воздухомъ лежалъ въ гробу Лисій, и изъ-подъ воздуха выдѣлялось носатое застывшее нечеловѣческое лицо.

Полная блѣдная женщина въ бѣломъ платкѣ стояла сиротливо за гробомъ и съ нею двѣ дѣвочки, закутанныя въ сѣрые вязаные платки, въ рукавичкахъ, востроносенькія и рыженькія — лисята.

1919 г.

Изошелъ

1.

Кто хоть разъ сиживалъ за каменными стѣнами губернскаго острога, знаетъ Ивана Парфеныча Голубкова. Знаютъ его и судейскіе и всѣ прокуроры и самъ тюремный инспекторъ Волковъ, который куритъ сигары изъ яшмоваго мундштука — даръ Османа-паши.

Безъ пяти годовъ полсотни лѣтъ стукнуло на Аграфену Ивану Парфенычу, а такъ дашь ему не больше тридцати — румяный, кудрявый и вся борода въ мелкихъ колечкахъ. Жаль, ростомъ не вышелъ, за то въ ширь пошелъ.

Съ десяти онъ въ тюремной канцеляріи, узкой и длинной, за своимъ столомъ, обложенный бумагами.

Шуршитъ, вертитъ, записываетъ.

— Эхъ, вы, голубчики, острожные мотыльки!

А помощники начальника кругомъ похаживаютъ, искоса на него поглядываютъ, какъ въ самой сказкѣ красношапошной, ждутъ: разобравъ бумаги, дастъ Иванъ Парфенычъ каждому подходящее, каждому втолкуетъ, что и какъ дѣлать и съ какою бумагою.

Народъ, вѣдь, все легкій, разброщивый, и чѣмъ бы въ дѣло вникать, всякъ норовитъ какъ бы въ кинематографъ пройти или переметнуться въ картишки.

Безъ Ивана Парфеныча все дѣло пропало бы, Иванъ Парфенычъ — извѣстно!

— Я, — говоритъ, — со времени военной службы двадцать два года за этимъ столомъ сижу, полъ протопталъ.

И всѣмъ радъ услужить.

И нѣтъ у него злобы русской, ненависти застарѣлой.

Дѣловитость и чадолюбіе выше всего цѣнилъ Иванъ Парфенычъ и нелицемѣрно гордился своимъ потомствомъ.

Кругленькая въ отца, старшая Люмушка противъ него за тѣмъ же столомъ. Строго ее учитъ отецъ канцелярскому дѣлу. Закраснѣлась пушистая щечка, растрепалась коса: опустивъ рѣсницы, щелкаетъ она костяшками, и пишетъ, — шелеститъ листокъ за листкомъ.

— По божески! — говоритъ Иванъ Парфенычъ въ оправданіе своей строгости.

Словоохотливъ Иванъ Парфенычъ, любитъ поразсказать о житейскомъ и прошломъ своемъ, и какая тюрьма была раньше — исконное мѣсто дѣлъ его и дѣйствій.

— Вмѣсто канцеляріи, — говоритъ Иванъ Парфенычъ и всегда съ какимъ-то необыкновеннымъ удовольствіемъ и весьма отчетливо, — тутъ вотъ стоялъ деревянный сарай съ такими большущими окнами, а сидѣлъ я не на этомъ мѣстѣ, а вонъ тамъ, гдѣ Маркъ Николаевичъ сидитъ. (Маркъ Николаевичъ это писецъ, двумя пальцами пишетъ, только ихъ у него два и осталось). А черезъ три года построили каменную тюрьму, а еще черезъ полгода я женился. Жена моя въ горничныхъ у исправника была. Говорю я ей: „Александра Петровна, нужно законъ исполнить!“ А она мнѣ: „Это, говоритъ, голь съ нищетой повѣнчается! У тебя даже и тюфяка нѣтъ, чтобы спать лечь!“ „Дастъ Богъ, Петровна, наживемъ!“ говорю.

И точно, съ самаго того дня, какъ повѣнчались, все хорошо пошло. Надежда на Бога безпроигрышная. Я пошелъ въ первый же день сюда на службу, а она съ корзинкой на рукѣ на фабрику. Такъ и начались дни.

Въ канцелярію вбѣжалъ рыжій, какъ тараканъ, начальникъ..

Помощники засуетились.

Трепетъ прошелъ по столамъ.

И одинъ Голубковъ сидитъ, какъ былъ: все равно, безъ него не обойдутся.

И только, когда начальникъ подошелъ къ нему, онъ поднялся и сразу, точно, не суетясь, сталъ объяснять самую суть дѣла и до того толково, самый безтолковый сообразитъ.

Такъ жилъ Иванъ Парфенычъ, дѣлая дѣла и не тужа.

И вѣдь дожилъ бы до честной кончины и подъ плачъ трехъ дочерей своихъ — Люмушки, Раечки и Валечки подъ высокій бы крестъ легъ на Подосеновскомъ кладбищѣ, да кто-жъ ее знаетъ судьбу-то конечную, и все вышло совсѣмъ не такъ и не то, что гадалось и думалось.

2.

Въ одинъ осенній дождливый день, когда въ канцеляріи изъ всѣхъ служащихъ сидѣлъ только Иванъ Парфенычъ, заканчивая какія-то спѣшныя дѣла — Иванъ Парфенычъ частенько задерживался на часъ и даже больше — въ пріемной по-привычному брякнули ружья и затопали шаги.

Не обернулся Иванъ Парфенычъ: знакомое дѣло — арестантовъ приводятъ пять разъ на дню, это его не касается.

Да не случилось на время дежурнаго, одинъ помощникъ начальника Густавъ Густавовичъ, хромой.

Хрипло пискнулъ Густавъ Густавовичъ.

Ну, значитъ, надо помочь.

И сумерки да и отъ дождя совсѣмъ затемнило, взялъ Иванъ Парфенычъ лампочку, поставилъ на столикъ у перегородки, еще взялъ листокъ бумаги.

— Ближе подойди! — окрикнулъ арестанта.

И тоненькій лучъ отъ лампы освѣтилъ блѣдное лицо, глаза, черную бороду.

Иванъ Парфенычъ замоталъ головой: и вѣря и не вѣря глазамъ.

— Миша, ты? — спросилъ онъ, пристально глядя на арестанта.

— Тише! — -- я Иванъ Исходящій.

— Что вы тутъ говорите? — пискнулъ Густавъ Густавовичъ.

— Ничего-съ, это мнѣ померещилось, — отвѣтилъ повсегдашнему Иванъ Парфенычъ, и только листокъ задрожалъ въ его рукѣ.

Густавъ Густавовичъ подошелъ къ перегородкѣ.

— Какъ звать? — пропищалъ хромой.

— Иванъ Исходящій, — повторилъ, насмѣхаясь, арестантъ, — былъ входящій, теперь исходящій, широкой земли гражданинъ, званія не хочу говорить! — и нетерпѣливо подернулся весь, — надоѣли вы всѣ.

— Аристовъ, возьми его въ подвалъ, — пищалъ Густавъ Густавовичъ, — въ подвалъ, тамъ вымоется въ банѣ. Опрыскай одежу и во 2-ой.

Стукнули шаги и все пропало.

„Мишатка, братенокъ! Вѣдь, я его на рукахъ носилъ! И что это сталось, Боже мой!“.

Хочетъ Иванъ Парфенычъ дѣла закончить, а этотъ Мишатка — Иванъ Исходящій, котораго повелъ Аристовъ сначала въ подвалъ, потомъ во 2-ой корпусъ,

этотъ братъ исходящій путаетъ ему все дѣло: и простое привычное не поддается, небывалымъ обертывается, головоломнымъ.

Всю ночь не спалъ Иванъ Парфенычъ.

И только что заведетъ глаза, черезъ него какъ стрѣла: такъ онъ и подпрыгнетъ, а братъ будто стоитъ передъ нимъ.

„Тише! — — я Иванъ Исходящій".

А вѣдь онъ никакъ не думалъ, что съ братомъ такое выйдетъ, думалъ, что какъ въ Сибирь уѣхалъ, устроился хорошо, и все благополучно. И понимаетъ, и никакъ не можетъ свыкнуться, что случилась бѣда и эта бѣда не безъ причины. Самой причины онъ не допускаетъ.

Изметавшись, всталъ по утру, хотѣлъ помолиться, какъ привыкъ съ дѣтства молиться, да рука не подымается лобъ перекрестить, хотѣлъ заварить чаю, чайникъ разлилъ, разлилъ и выругался очень нехорошо, чего никогда не бывало.

Съ камнемъ на сердцѣ пошелъ въ канцелярію.

3.

Какая была ясность голубковскаго духа!

Какое спокойствіе голубковской души!

и оттого, вѣрно, и рѣчь его такая, только его, Голубкова, — и поймешь и увидишь, а если укоръ, не обидишься.

И все черезъ него, черезъ эту ясность и спокойствіе, какъ-то хорошимъ показывалось, и навязшее, какъ новое, и пріѣвшееся нескушнымъ, а люди — да тотъ же Густавъ Густавовичъ со всѣмъ изнутреннимъ своимъ хромоножіемъ, съ пискомъ придирчивымъ, милѣйшимъ Густавомъ Густавовичемъ.

И вотъ оборвалось — жизнь оборвалась, жизнь оборвалась — началось житіе.

А вы знаете, что такое житіе? — да вѣдь это трудъ самой жизни, тягота дней, каждаго дня — вотъ что такое житіе, не жизнь!

И какъ часто вспоминался теперь Голубкову судебный кандидатъ Фирсовъ, спорщикъ и такой острый до боли и глазами, и улыбкой, и безпощаднымъ словомъ, этотъ Фирсовъ говаривалъ со своей такой улыбкой:

„Жизнь какъ хватитъ поперекъ черезъ всю спину слѣва направо, забудете тогда славословіе пѣть, за дѣтей своихъ и братьевъ еще покаетесь!“

И вотъ оно пришло: хватило поперекъ — —

Братъ, котораго онъ когда-то на рукахъ носилъ, сидѣлъ тутъ за стѣной во 2-мъ корпусѣ, и то, что братъ сидѣлъ за рѣшеткой, а самъ онъ ходилъ на свободѣ, съ этимъ онъ никакъ не могъ свыкнуться, а также не можетъ онъ принять и то, что все это такъ и должно было случиться, да и какъ ему принять, разъ самой причины — изъ-за чего попалъ братъ въ тюрьму — онъ не допускаетъ.

Вотъ оно, какое дѣло — безконечное!

Въ одно изъ свиданій братъ сказалъ:

— Запеки, Иванъ, пилку въ хлѣбъ: мнѣ бѣжать надо.

Если бы кто-нибудь сказалъ про такое, Иванъ Парфенычъ просто разсмѣялся бы, принимая за самую смѣшную шутку: Иванъ Парфенычъ и то дѣло, которое онъ такъ отлично дѣлалъ, это дѣло съ нимъ нераздѣльное, — въ дѣлѣ же во всякомъ есть законъ и этотъ законъ нельзя нарушить, или — —

И дѣло, которымъ гордился Иванъ Парфенычъ, пошло на смарку.

Иванъ Парфенычъ разрѣзалъ булку съ обѣихъ сторонъ, въ середку положилъ пилку и, передавая хлѣбъ брату, самъ нарошно отломилъ кусокъ съ того конца, гдѣ ничего не было.

— Помилуйте, чай, свой-то человѣкъ надежный! — замѣтилъ помощникъ Сементковичъ, искренно не понимая, какъ это Иванъ Парфенычъ и точно не знаетъ, что скорѣе начальника заподозришь, прокурора заподозришь, но его — Ивана Парфеныча — —

Темною вѣтренною ночью Иванъ Исходящій бѣжалъ, надписавъ на стѣнѣ углемъ:

иванъ изошелъ

4.

По прежнему съ утра и до поздняго вечера сидѣлъ Иванъ Парфенычъ въ канцеляріи за своимъ столомъ надъ послушными ему бумагами.

Никому, конечно, и въ голову не пришло, чтобы онъ что-нибудь подобное — пилку тамъ арестанту передать въ хлѣбѣ или еще что. Скоро и вообще-то объ этомъ забылось — мало ли бѣгаетъ арестантовъ и съ пилками и безъ пилокъ!

Но самъ-то Иванъ Парфенычъ ничего не забылъ.

И еще никакъ ему не забыть о этомъ братѣ своемъ исшедшемъ:

иванъ изошелъ

Иванъ Парфенычъ затосковалъ.

И не то, что онъ нарушилъ дѣло свое, смошенничалъ, нѣтъ, не это ему стало, нѣтъ, онъ ужъ если хотите, понялъ, что иначе не могъ поступить. И о братѣ тоже, не то его замучило, что брату выпала доля такая, нѣтъ, не о братѣ, а о себѣ, что его-то собственная доля, что это такое?

Работа валилась изъ рукъ.

И ничему ужъ не радъ.

Уныніе напало —- муть въ головѣ, тоска на сердцѣ и нѣту свѣта нигдѣ, тускло.

Отойти въ сторонку, чтобы не видно, сжаться такъ вотъ — —

И нѣтъ никакой надежды.

И конца нѣтъ.

Лѣтомъ въ первый разъ за всю свою службу взялъ онъ отпускъ — ходилъ на богомолье. Говорилъ со старцемъ, — добился таки праведника на землѣ грѣшной!

Старецъ сказалъ:

— Духъ унынія, соединяясь съ духомъ скорби и черезъ него подкрѣпляемый, духъ лютый и тяжкій. Но надо помнить, что часто изъ любви поражаетъ Богъ своимъ духовнымъ жезломъ человѣка, чтобы преуспѣвалъ человѣкъ въ добродѣтели. И въ концѣ концовъ непремѣнно произойдетъ измѣненіе и все просвѣтлѣетъ опять и станетъ неколебимѣй. И еще надо помнить, — сказалъ старецъ, — что безъ Божьяго попущенія врагъ ничего не можетъ намъ сдѣлать, и если печалитъ духъ нашъ, то лишь столько, сколько попускается ему отъ Бога. И ничѣмъ человѣкъ такъ не можетъ доказать своей любви къ Богу, какъ благодушнымъ перенесеніемъ печальныхъ обстоятельствъ, и это возводитъ его къ высшему совершенству. Иначе неблагодарность, хуленіе, сомнѣніе, страхъ и отчаяніе наполнятъ и въ конецъ измаютъ душу. Сколько силы есть, надо молиться, — сказалъ старецъ, — а къ молитвѣ приложить чтеніе и рукодѣліе.

Иванъ Парфенычъ никогда ничего не читалъ, но дѣло дѣлалъ.

— Я работаю, — возразилъ онъ, — да все изъ рукъ валится.

— Понуждай себя, — сказалъ старецъ, — а когда останешься безъ дѣла, переноси мысли свои на какой-нибудь предметъ божественный или простой человѣческій сердечный. Главное же терпѣніе и упованіе. Вѣдь, врагъ и наводитъ на насъ уныніе, чтобы лишить душу упованія на Бога, но Богъ-то никогда не допуститъ, чтобы душу, уповающую на него, одолѣли напасти.

И когда говорилъ старецъ, становилось легко и казалось, что все такъ и будетъ: онъ побѣдитъ уныніе свое и пойдетъ жизнь по старому полной чашей, нѣтъ, еще полнѣе, дочерей замужъ выдастъ, внучатъ дождется — — А когда вернулся въ свою тюрьму и взялся за канцелярское свое дѣло, сразу же въ первый же день ясно увидѣлъ, что не можетъ.

И съ каждымъ днемъ это все яснѣе ему.

А главное, конца-то не видно.

Въ полдень, когда въ канцеляріи никого не было, и даже Люмушка вышла, Иванъ Парфенычъ, по всегдашнему задерживающійся, одинъ былъ среди бумагъ тюремныхъ.

Въ рукахъ онъ держалъ какое-то дѣло, которое нужно было ему положить на столъ, и онъ этого никакъ не могъ сдѣлать: и не то, чтобы забылъ, а просто пошевельнуться не могъ.

И въ такомъ оцѣпенѣніи своемъ безнадежномъ увидѣлъ крюкъ отъ лампы, знакомый, испоконъ вѣка торчавшій въ потолкѣ. И какое-то чувство смутное, но сильное, какъ отъ случайной находки, въ которой можетъ быть цѣль всей жизни, толкнуло его и сразу онъ вышелъ изъ оцѣпенѣнія своего.

Дѣло положилъ онъ на столъ, куда слѣдуетъ, потомъ пододвинулъ столъ, поставилъ на столъ стулъ, самъ залѣзъ на стулъ, зацѣпилъ за стулъ сахарную бичевку и какъ-то само ужъ собой вспетлилъ бичевку —

и такъ же вошла петля какъ-то ужъ само собой на шею —

Что-жъ еще?

— Ну — -- прощай!

И оттолкнулъ ногами стулъ.

И тамъ, надъ бумагами, гдѣ никогда не свѣтила лампа, точно въ насмѣшку, въ самый ясный осенній полдень, закачался вмѣсто лампы, какъ темная лампа, спокойный и ясный Голубковъ.

1919 г.

Крестики

Жизнь моя померкла. Одинъ я остался на свѣтѣ. И никому не нуженъ. Да и мнѣ никого не надо. Влачу дни въ постыломъ трудѣ, чтобы зачѣмъ-то еще тянуть на землѣ.

А ей Богу спокойно бы померъ.

Главное, что не вижу никакого просвѣта — такая впереди ровнина и конца ей нѣтъ.

Не рвусь никуда, какъ раньше. Да и некуда. И знаю, отъ своей судьбы не уйдешь.

Мѣрно колышется возъ. Между оглоблей тощая ребрастая кляча, наклонивъ голову, тянетъ его изъ послѣднихъ... Гдѣ надежды? А вѣдь я родился не оглодкомъ. Гдѣ идеалъ? И не сухаремъ росъ я. Гдѣ строительство жизни? Вѣрилъ въ какую-то справедливую жизнь, на созданіе которой и я положу мой камень... И вотъ слышу свистъ кнута да понуканье:

— Но-но, ты! Кляча!

А въ послѣдней моей надсадкѣ, какъ въ насмѣшку, мнѣ видятся кони и тутъ гдѣ-то близко посвистываетъ московскій ямщикъ:

— Эй, вы, голуби!

А какіе кони? Кони — кляча. И какой ямщикъ? Первый, кто захочетъ, у кого есть хлыстъ.

Вечеромъ, вернувшись со службы въ свою пустую неуютную комнату къ своему письменному столу —

столъ, это единственное, что осталось у меня отъ прошлаго! — я остаюсь одинъ и самъ себѣ хозяинъ.

А какая мнѣ радость: мнѣ незачѣмъ быть хозяиномъ. А одиночество меня не пугаетъ: я всегда одинъ, вездѣ.

Какъ пусты будни, но еще пустѣе праздникъ! Праздники я несу, какъ самое жестокое проклятіе: просто дѣваться некуда.

И опять скажу, будетъ и у меня праздникъ — настоящій, и будетъ онъ тогда, когда меня не будетъ.

Не страшна смерть, а просто неизвѣстна. Вѣроятно, ничего и нѣтъ, а такъ провалишься въ пустую дверь — и конецъ.

*

У меня, какъ и у всѣхъ, была мать, отецъ, близкіе и любимые люди и всѣмъ-то пришелъ конецъ. И одинъ я, только одинъ на землѣ и есть.

Никого и ничего не осталось.

Нѣтъ, пожалуй, не ничего. Осталось! Семь крестиковъ въ коробкѣ на столѣ остались, да большое распятіе на стѣнѣ надъ постелью.

Крестики — это прошлое, мое прошлое.

Крестъ — будущее, мое будущее.

Когда улягусь я въ послѣдній разъ на своей узкой койкѣ, въ моихъ скрещенныхъ холодныхъ рукахъ будетъ этотъ чернаго дерева крестъ въ мѣдной оправѣ съ мѣднымъ рельефнымъ распятымъ Христомъ.

Такъ и понесутъ . . .

А помню хорошо, какъ появился этотъ крестъ.

Было такое свѣтлое, громкое весеннее утро. Больше я не слышу такихъ звуковъ и отъ солнца прячусь — или глаза мои ослабѣли или всякая яркость, какъ и всякая рѣзкость, черезчуръ требовательна, а гдѣ ужъ отвѣтить! Въ глухой городокъ, гдѣ мы тогда жили,

пришелъ венгерецъ-коробейникъ. Не обошелъ и нашъ домъ. Съ грохотомъ опустилъ онъ на полъ прихожей свой тяжелый коробъ передъ отцомъ и матерью — мать держала меня за руку.

Раскрылся коробъ и полились матерiи, картины, книги, листки, шелкъ, золотыя вышивки, ну, все, что приносятъ венгерцы. Наконецъ, на самомъ днѣ очутился и этотъ черный съ мѣдью крестъ, его и купила мать.

И какъ часто потомъ поминала она этотъ крестъ.

— Купленъ тяжелою мукой всей моей жизни, — поминала она, — и принесъ мнѣ злую судьбу.

Послѣ ея смерти крестъ достался мнѣ и связалъ ея судьбу съ моей.

А вотъ крестики . . . крестики, это другое дѣло.

Каждая женщина, — кого я любилъ и меня кто любилъ, — оставляла на память крестъ. Крестъ надѣвался на меня съ благословенiемъ и со слезами. А я его снималъ съ шеи, клалъ въ столъ въ коробку и забывалъ. Я ужъ другую любилъ и другая дарила крестъ. Ее смѣняла третья, четвертая . . .

Въ минуты унынiя и тоски нестерпимой усаживаюсь я за свой старый письменный столъ и изъ праваго ящика вынимаю розовую выцвѣтшую коробку съ надписью тиснеными буквами — рябиновая пастила Абрикосова — и крестъ за крестомъ, крестики тѣльные раскладываю по столу.

Тутъ все: и укоръ и умиленiе и такая боль, — только послѣ сна, когда вдругъ приснится чего никакъ не вернешь, такъ душа болитъ.

*

Серебряный большой крестъ со сплошными лучами, какъ ромбъ, на серебряной цѣпочкѣ . . .

Помню пустую длинную съ низкимъ потолкомъ комнату на Большой Гончарной въ Таганкѣ. На столѣ

около сдвинутыхъ къ стѣнѣ книгъ водка, пиво и закуска самая простая — огурцы и селедка. За столомъ хозяинъ, мой пріятель, Александръ Ивановичъ, лѣтъ на двадцать меня старше, неповоротливый и великій, какъ слонъ. Я ему не для водки, которую онъ пьетъ одинъ понятливо и сладко со чмокомъ и горько до слезъ, я ему для разговора.

Живая, но заблудшая душа его, запутанная словами, я теперь понимаю, рвалась изъ всѣхъ силъ на волю, а чего-то не было и онъ еще запутывался — до петли.

И вотъ я съ нимъ разговариваю и кажется ему черезъ мой разговоръ выкарабкивается онъ на свѣтъ Божій.

Познакомился я съ нимъ въ Тургеневской читальнѣ и надъ книгой у насъ завязалась дружба.

Всѣ торговыя дѣла ведетъ его мать и сестра, а онъ такъ — непутевый: днемъ онъ заходитъ въ лавку посидѣть, чаю попить, а вечера — въ читальнѣ. Мнѣ съ нимъ по дорогѣ и дорогой у насъ всегда разговоръ, но главное тамъ — въ его пустой длинной комнатѣ на Гончарной.

И о чемъ только мы съ нимъ не говорили: и о Богѣ, и о вѣрѣ. и о соціализмѣ, и такъ о прочитанныхъ книжкахъ, и такъ о событіяхъ изъ жизни.

И когда мое слово приходилось ему особенно по душѣ, онъ ладонью вытиралъ себѣ губы и съ умиленіемъ цѣловалъ меня. И это случалось всего чаще въ большомъ подпитіи, когда глаза его наливались слезами.

Въ разговорахъ мы просиживали до разсвѣта. Пріятель начиналъ клевать носомъ и я уходилъ домой — жилъ я по сосѣдству въ Каменщикахъ, въ двухъ шагахъ отъ Терехина.

Какъ-то на нашихъ бесѣдахъ появился пріятель Терехина — здоровый малый, крѣпкій, кудреватый и очень хорошо одѣтый. Самъ Александръ Ивановичъ ходилъ рвано и мято, а этотъ его пріятель въ перстняхъ на толстыхъ пальцахъ. Его называлъ Терехинъ Сеней — Семенъ Петровичъ Краснопеевъ. По душѣ онъ былъ прямой противоположностью Александра Ивановича, никакой не мечтатель, а человѣкъ самой аршинной жизни, изъ молодыхъ, крѣпко державшій отцовское дѣло.

Въ разговорахъ онъ мало принималъ участія, а если задавалъ вопросы, то всегда такіе, которые сводили всѣ наши полеты на самую рыночную таганскую толкучку. Пилъ онъ не меньше Александра Ивановича, но головы не терялъ и только въ подпитіи совсѣмъ ужъ не подавалъ голоса, и слышалъ ли что, трудно сказать.

И не знаю я отчего, но вдругъ во время моего разговора онъ подымался и, бережно обтеревъ себѣ платкомъ крѣпкіе свои усы, цѣловалъ меня, какъ Терехинъ.

А Терехинъ въ такія минуты смотрѣлъ на пріятеля съ особеннымъ одобреніемъ, въ которомъ было и удовольствіе и поощреніе. Послѣ я догадался: Александръ Ивановичъ задумалъ развивать пріятеля и въ этомъ поцѣлуѣ его видѣлъ явный успѣхъ отъ своихъ стараній, — коли поцѣловалъ, значитъ, проняло, а проняло, будетъ толкъ.

Съ появленіемъ Краснопеева произошло измѣненіе въ пустой терехинской комнатѣ: у окна появился столикъ, накрытый скатерью. И въ первый разъ я увидѣлъ сестру Терехина Елизавету Ивановну: сильная въ брата и совсѣмъ не похожая, никакой путаницы, подъ стать Краснопееву.

Елизавета Ивановна обыкновенно подымалась на верхъ съ подносомъ, на которомъ было полно всякихъ

гостинцевъ: и орѣхи и яблоки и сушеный виноградъ и шептола и пастила. Подносъ она ставила на столикъ, а сама присаживалась къ намъ къ столу, залитому водкой и пивомъ, и не отказывалась отъ рюмочки, которую выпивала по-бабьи въ нѣсколько пріемовъ, морщась, какъ какое лѣкарство горчайшее. Ни со мной, ни съ своимъ братомъ она не разговаривала, а всегда и только съ Краснопеевымъ, и нашъ разговоръ философскій перебивался всякими разспросами и соображеніями самой рыночной таганской толкучки.

За чаемъ для меня спускался внизъ Александръ Ивановичъ, но однажды съ Елизаветой Ивановной появилась у насъ ея дочь Лида, тоненькая гимназисточка, вся голубая — такой первоцвѣтъ у меня остался отъ нея неизгладимо въ памяти — и ужъ Лида стала приносить мнѣ чаю.

Лидѣ было пятнадцать лѣтъ и мнѣ пятнадцать.

Я очень любилъ книги и мнѣ пріятно было разговаривать о нихъ и я нисколько не тяготился полунощными бесѣдами съ моимъ несуразнымъ пріятелемъ. Но скажу по правдѣ, съ тѣхъ поръ, какъ появилась въ пустой комнатѣ Лида и голубой ея цвѣтъ мелькнулъ въ клубахъ сѣраго табачнаго дыма, я сталъ чаще заходить къ Терехину. И говорилъ я горячѣй и смѣлѣе.

Лида никакихъ книгъ не читала и разговоры наши были для нея темны, но она сидѣла съ нами, какъ слушала.

И все дольше и дольше съ каждымъ разомъ оставалась она съ нами за нашими разговорами. И, бывало, время спать ложиться, а мать не гонитъ ее, и сама уйдетъ, а ей хоть бы слово.

И до разсвѣта голубой свѣтъ ея свѣтилъ, не гасъ, въ табачномъ сѣромъ дымѣ.

Сначала мнѣ непонятно было, почему это такъ, такая вольность, но скоро изъ пьяныхъ намековъ прiятеля я понялъ, что Лиду мѣтятъ въ невѣсты Краснопееву.

Боже мой, что я тогда почувствовалъ, какая боль вонзилась въ меня и обида, точно я былъ кѣмъ-то жестоко обманутъ. Я винилъ всѣхъ и ужасался. А вѣдь было все такъ просто, и чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, плохъ былъ Сеня Краснопеевъ или чего преступнаго было въ желанiи матери пристроить дочь за дѣльнаго человѣка?

Я по прежнему бывалъ у Терехина, но что-то въ самой глубинѣ моей было оскорблено, а эта боль моя только и могла выразиться въ страстности моихъ словъ, отъ которыхъ Александръ Ивановичъ, ничего не подозрѣвая, просто пьянѣлъ, какъ отъ самаго крѣпкаго вина, и лѣзъ цѣловать меня и цѣловалъ съ такимъ умиленiемъ, точно губы мои были святыней.

Я слѣдилъ за Лидой, мнѣ хотѣлось узнать, что она чувствуетъ и извѣстно ли ей, или она ничего не знаетъ о замыслахъ матери, и откуда ей такая воля сидѣть съ нами до разсвѣта въ пьяномъ табачномъ чаду.

Лида смотрѣла на своего жениха тѣми же самыми глазами, какъ и на путаннаго своего дядюшку, въ этомъ не было никакого сомнѣнiя. Но это меня нисколько не успокоило. Другая мысль ошеломила меня: вѣдь, все равно, думалъ я, когда мать начнетъ открытое сватовство, со стороны Лиды, а я это твердо зналъ, не встрѣтится никакого отпора — изъ какой-то своей глуби голубой она на все согласится.

И ужъ винить мнѣ некого было, но и поправлять нечего было: передъ стѣной остается одно, если тебѣ мѣшаетъ стѣна, просто удариться и проломить себѣ лобъ.

Все это я очень хорошо понималъ, но примириться никакъ не могъ.

И все, что я ни дѣлалъ, выходило съ какимъ-то ожесточеніемъ, — душа у меня горѣла.

Я до сихъ поръ помню это чувство свое горящее, помню и ясный вечеръ, напоенный грустью зари осенней, Рождество Богородицы.

На нашихъ вечерахъ разговорныхъ я никогда не пилъ и сколько ни угощалъ меня Александръ Ивановичъ, я всегда отказывался. А въ этотъ вечеръ я не отказался и почувствовалъ себя совсѣмъ свободнымъ и смѣлымъ.

Ужъ было заполночь. Разговоръ вошелъ въ вихревой кругъ — слова не договаривались, мысли перебивались. Табачная и винная гарь перехватывала горло. И только голубой свѣтъ, какъ голубой огонекъ, неизмѣнно мелькалъ.

И, кажется, никогда и не ушелъ бы и остался бы въ прокуренной комнатѣ, пока живъ, не померкъ голубой этотъ свѣтъ, а съ нимъ боль и отчаяніе и свобода моя.

И когда наступила минута и Лида вышла, я пошелъ за ней. Я догналъ ее въ коридорѣ.

— Лида!

Быстро она обернулась.

И оба стали. И безъ словъ поняли.

И она прижалась ко мнѣ, какъ птичка.

— Лида! — и сердце мое забилось часто, какъ билось и ея сердце.

Вдругъ она насторожилась и показалось мнѣ, будто заворочался кто-то за дверью.

Но это только показалось.

И я поцѣловалъ ее тонкимъ поцѣлуемъ первымъ.

А она посмотрѣла, точно издалека откуда, и проскользнула въ ту дверь . . .

На верхъ я больше не вернулся.

Сердце мое горѣло — то горѣло, то стыло, какъ ледъ.

И съ тѣхъ поръ всякій разъ я улучалъ минуту и въ коридорѣ на томъ же самомъ мѣстѣ мы встрѣчались — жалкій полусвѣтъ висячей лампочки свѣтилъ намъ.

Не было никакихъ поцѣлуевъ, молча мы глядѣли другъ на друга, точно боялись слова, потомъ она чуть касалась моей руки и быстро пропадала за той дверью.

Я не помню, я ничего не помнилъ, дни неслись, все голубѣло, а то, что я слышалъ, разсѣкало мою душу: не намеками, а откровенно говорили о свадьбѣ.

Краснопеевъ не пропускалъ нашихъ вечеровъ. Съ Елизаветой Ивановной уходили они на ея половину, и на верхъ возвращался одинъ, когда Александръ Ивановичъ оканчивалъ свою горькую.

— Лида, неужто это правда? — я, наконецъ, спросилъ ее.

— Да, правда, — отвѣтила она едва слышно, но твердо и безусловно.

Что же мнѣ было сказать?

А она быстро сняла съ себя крестъ и, такъ же быстро приподнявшись, надѣла его на меня и, не давая мнѣ говорить, обняла мою шею своей тоненькой ручкой.

*

Золотой обыкновенный крестикъ на тоненькой золотой цѣпочкѣ . . .

Первая и единственная моя весна въ деревнѣ. Послѣ города, гдѣ прошло мое дѣтство, все мнѣ было и удивительно и первое время враждебно. Я не умѣлъ ходить по землѣ, я по нѣскольку разъ проходилъ по одной и той же дорогѣ, а все мнѣ казалось вновѣ.

И если бы пустить меня одного, я заблудился бы около самаго дома у старыхъ липъ, стѣной окружавшихъ домъ.

Собакъ я боялся до смерти — неизгладимое воспоминаніе школьныхъ лѣтъ: несчастныя маленькія собаченки, которыя изо дня въ день сзади нападали на меня, когда ближайшимъ путемъ черезъ длинный проходной дворъ возвращался я изъ училища. Не меньше страшны были и коровы — и самая молочная бѣлянка представлялась мнѣ свирѣпымъ быкомъ, который шелъ на меня, чтобы бодать. Я боялся лошадей, свиней, пчелъ, осъ, жуковъ, муравьевъ, я только не боялся куръ.

И наперекоръ всѣмъ страхамъ моимъ и безпомощности жилъ я, весь зачарованный зеленой землей весенней.

На прогулкахъ неизмѣннымъ спутникомъ моимъ была Наташа.

Сначала она смѣялась надо мной, надъ моей растерянностью и неуклюжестью, съ какой я, сжившись лишь съ каменной улицей города, ступалъ по землѣ некаменной, подымала на смѣхъ вопросы мои — моя полная невинность въ хозяйствѣ только и могла вызывать смѣхъ — нарошно подводила меня и подъ собакъ, и подъ коровъ, потѣшаясь моей ненаходчивостью, но восторгъ, съ какимъ встрѣчалъ я каждый цвѣтокъ, умиленіе мое, съ какимъ прислушивался я къ птичьему лепету, покорили ее. И она ужъ оберегала меня, предупреждая всѣ мои страхи.

Весенніе зеленые листочки, до которыхъ страшно дотронуться, такъ они чисты и нѣжны, лунныя майскія ночи съ туманными зелеными полосами по аллеямъ и чернымъ живымъ воздушнымъ проваломъ — зеленый волшебный свѣтъ не покидалъ меня.

И этотъ свѣтъ былъ въ ней, и она всегда со мной.

Я какъ-то совсѣмъ не замѣчалъ, что и часа не могъ быть безъ нея. И казалось мнѣ, такъ будетъ всегда.

А когда на прогулкахъ мы шли по полю или въ лѣсу, мы шли тѣсно, плечо къ плечу, и шаги наши сливались и были мы, какъ одно.

И съ какой невыразимой горечью, едва удерживая слезы, забившись въ вагонѣ, ночью я прижималъ золотой крестикъ, который она подала мнѣ украдкой, когда мы прощались и, держа мою руку, что-то хотѣла сказать, но губы вздрогнули и зеленый свѣтъ ослѣпилъ меня.

*

Серебряный крестъ на толстой серебряной цѣпочкѣ . . .

Московская осень съ дождемъ унылымъ и липкой грязью — любимая пора, когда подъ тоскливый вой вѣтра думается остро и горяча мечта.

. . . .

По билетику я нашелъ себѣ комнату на Коровьемъ валу.

Я забрался въ такую даль, чтобы остаться одному: мнѣ надоѣли всѣ эти вечеринки и опостылѣли разговоры и пѣсни. До университета мнѣ было не близко, но путь на Моховую, черезъ Замоскворѣчье, меня не пугалъ: шлепать чуть свѣтъ подъ мелкимъ моросящимъ дождемъ или возвращаться въ глубокія сумерки, когда зажигаютъ фонари, да это такая острота, какъ и сидѣть надъ книгой, прислушиваясь къ ворчливому вѣтру.

Мадамъ Аннетъ — Анна Ивановна Самойлова — моя хозяйка, женщина закатывающейся молодости, рослая не по женски, какая-то поляница, рыжая, со свинымъ обликомъ, неуловимо отпечатлѣннымъ на всемъ лицѣ

отъ лба до подбородка, первое время за что-то невзлюбившая меня, встрѣчала грубо, дѣлая мнѣ кстати и некстати самыя оскорбительныя замѣчанія.

Я не обращалъ никакого вниманія — я былъ полонъ моими занятіями, книгами, которыя трепетно, какъ самый хрупкій фарфоръ, приносилъ я изъ университетской библіотеки въ свою тѣсную комнатенку.

Какіе несчастные обездоленные люди, для которыхъ мои драгоцѣнности — всѣ эти ученыя и волшебныя книги — по истинѣ драгоцѣннѣе золота и самоцвѣтныхъ камней, были только обрѣзанной бумагой, годной для завертокъ и цыгарокъ!

Я тогда думалъ, что книжникъ, любитель книжный не можетъ быть злымъ. Мнѣ представлялось, что если бы люди полюбили книгу, какъ я любилъ, прекратились бы на землѣ и ссоры, и раздоры, и на землѣ, какъ въ небесахъ, расцвѣлъ бы райскій миръ.

Моя комнатенка — загонъ мой съ окномъ въ заборъ — была самая тѣсная, какую когда-либо отдѣляли въ домахъ для жилья. Богъ знаетъ, кому и для чего она предназначалась, но въ ней была лампа и книги, и этого съ меня было довольно, даже больше, я считалъ себя счастливѣе самого богатаго богача, у котораго не одна, а десятокъ комнатъ и каждая во сто разъ больше моего загона, но ни въ одной нѣтъ моихъ драгоцѣнностей — моихъ книгъ.

Въ книгу я былъ влюбленъ, какъ въ живое, свѣтящееся своимъ свѣтомъ, въ которомъ волнилась и лазурная глубь Лиды и лунная зелень Наташи.

Смѣхъ сосѣдокъ моихъ, мастерицъ и ученицъ-подростковъ, меня ничуть не трогалъ, мнѣ было все равно, и только, когда я находилъ въ книгахъ какую-нибудь удивительную мысль или такое слово, которое повторялось само собой, мнѣ хотѣлось войти въ ихъ рабочую комнату и разсказать о моемъ счастьѣ. Но я

никогда не рѣшался заглянуть къ нимъ, и только встрѣчаясь въ коридорѣ, иногда не могъ удержаться и, хотя не говорилъ о книгахъ, лицо мое сіяло, я говорилъ что-нибудь самое обыкновенное и такимъ голосомъ, отъ котораго и въ коридорѣ, а потомъ и за стѣною смѣхъ подымался пуще и заразительнѣе.

Конечно, для нихъ была смѣшна моя тогдашняя опьяненность и совсѣмъ непонятна и всякое слово мое казалось имъ балаганнымъ, но смѣхъ ихъ былъ добрый и смотрѣли онѣ на меня съ улыбкой.

Занятія мои шли взахлёбъ и я не нарадовался Коровьему валу, моему загону, куда могла толкнуть меня только сама судьба.

А случилось такое, о чемъ мнѣ и стыдно и досадно вспоминать. Всѣ занятія мои перевернулись и я просто вычеркиваю наступившую зиму изъ моей тогдашней жизни.

Или я долженъ былъ такъ позорно унизиться, чтобы потомъ ужъ гордо стать? Я и сталъ, и все-таки, скажу, съ этой зимы, съ пропадомъ моимъ зимнимъ, на всю жизнь что-то хряснуло во мнѣ.

Анна Ивановна — мадамъ Аннетъ — не пропускавшая случая грубить мнѣ, вдругъ измѣнилась.

Никогда я ие зналъ, да и теперь не могу понять, что могло умягчить ея звѣрское сердце, больше того, такъ безгранично расположить ко мнѣ.

Или молодость моя, книжная моя влюбленность — силой я никогда не отличался и при баняхъ служить не гожъ — я только съ книгой, только въ мысляхъ скатывалъ горы.

А должно быть, что такъ: разгоряченность моего духа, моя пламенность, покорила ея звѣрское существо.

Какъ-то вечеромъ, когда я сидѣлъ за книгой, въ комнату мою вошла Анна Ивановна и со всѣмъ шумомъ,

свойственнымъ только ей, а рыжіе распущенные волосы ея наполнили весь мой загонъ.

Одѣта она была необыкновенно: какая-то тончайшая въ кружевахъ распашонка, на рукахъ тяжелые браслеты, паутинныя туфельки.

Смотрѣла она нагло и самодовольно.

— Ну, что, Сергѣй Александровичъ, хорошо? — въ первый разъ назвала она меня по имени, а не просто Маркеловымъ, какъ всегда.

— Очень хорошо, — отвѣтилъ я, не зная, что и сказать, — какія кружева!

И, должно быть, отвѣтъ мой доставилъ ей величайшее удовольствіе — съ самодовольнымъ хохотомъ она шумно вышла.

Я сейчасъ же открылъ форточку: приторный запахъ не то помады, не то пудры помадной насытилъ весь загонъ мой.

Но отъ ея рыжихъ волосъ я никакъ не могъ избавиться, — они прилипли и къ книгамъ и къ моей тужуркѣ и къ моей постели.

Да и отъ нея самой я ужъ не могъ освободиться.

Съ этого вечера она стала моимъ постояннымъ гостемъ. Она придиралась ко всякимъ пустякамъ, чтобы только войти ко мнѣ, сѣсть къ моему тѣсному столу и начать разговоры.

И я отбывалъ въ родѣ какъ повинность, когда она разговоромъ своимъ отрывала меня отъ книгъ. Я старался утѣшить себя, что иначе невозможно, что она хозяйка и имѣетъ всѣ права, и хуже было бы, если бы донимала она грубостями и грозила выгнать.

И что же вы думаете, я не только утѣшилъ себя, нѣтъ, я понемногу совсѣмъ привыкъ и даже сталъ ждать ее — вѣдь, непремѣнно придетъ, непремѣнно сядетъ вотъ тутъ и заведетъ разговоръ.

Но этого ей было мало, я сталъ замѣчать, что ужъ очень что-то близко придвигаетъ она ко мнѣ свой стулъ — вѣдь, еще чуть-чуть и очутится она у меня на колѣняхъ.

Да такъ и вышло.

Я растерялся: мнѣ было и тяжело, и неловко и, еще скажу, отвращеніе почувствовалъ я, но ничѣмъ не выразилъ и не высвободился.

А она была довольна не меньше, чѣмъ тогда отъ моего отвѣта, когда я похвалилъ ея маскарадную кружевную распашонку.

Я былъ такъ наивенъ, я вообразилъ, что этимъ все и кончится: ну, сѣла, думалъ я, ну еще сядетъ когда, и больше ничего, а уйдетъ и я опять за книги.

Между тѣмъ заботливость ея обо мнѣ съ каждымъ днемъ увеличивалась и однажды она затѣяла сама сшить мнѣ новый костюмъ — ходилъ я очень отрепанно и моя студенческая тужурка была въ самыхъ разношерстныхъ заплатахъ, какъ въ медаляхъ.

И вотъ тутъ-то на одной изъ примѣрокъ я и сорвался.

Я былъ переведенъ въ большую свѣтлую комнату. У меня была такая обстановка, о которой я никогда и не мечталъ. Меня откармливали дичью и пирогами. Богъ знаетъ, въ кого судьба меня обратила. Я пересталъ ходить въ университетъ. Я занимался лѣниво и равнодушно и книга лежала по недѣлямъ раскрытой все на той же страницѣ. Большую часть времени я ничего не дѣлалъ, я только спалъ и ѣлъ.

Новая комната моя была далеко отъ мастерской и до меня не доходилъ ни разговоръ, ни смѣхъ, но иногда среди ночи вдругъ мнѣ слышалось — это былъ смѣхъ, но это былъ совсѣмъ другой смѣхъ, смѣялись надо мной и нехорошо.

Но какъ было и не смѣяться!

Богъ знаетъ, въ кого я былъ обращенъ.

Въ коридорѣ я рѣдко показывался, рѣдко встрѣчалъ мастерицъ, но когда случалось столкнуться, мимо меня проходили осторожно, а смотрѣли заискивающе и даже боязливо, и я опускалъ глаза.

Откормленный и облѣнившійся, я проклиналъ мой кормъ и мою лѣнь и всѣмъ существомъ моимъ возненавидѣлъ хозяйку, начало и истокъ моего свинства и лѣни, но опутанный заботливостью, я не видѣлъ себѣ никакого выхода.

Часами я выслушивалъ глупѣйшія ея разсужденія и базарную болтовню: она все выкладывала передо мной — всѣ мелочи своей хозяйской жизни.

Обыкновенно я отмалчивался, впрочемъ, отъ меня и не требовалось никакихъ словъ, но иногда я измѣнялъ себѣ и, не сдерживаясь, говорилъ послѣднія грубости, оскорбляя и мстя за свою собственную низость и свинство.

Я видѣлъ, съ какими покорными глазами она слушаетъ меня и еще больше горячился, подбирая самыя обидныя слова.

А все кончалось очень глупо: я крикомъ моимъ не только не поправлялъ ничего, а еще глубже загрузалъ, я самъ заколачивалъ послѣднія щели на волю.

Наговоривъ грубостей, я вдругъ спохватывался или, обезоруженный покорностью и молчаливыми ея слезами, начиналъ заглаживать всѣ свои рѣзкости и все сводилось на нѣтъ. Нѣтъ, больше, я такъ переводилъ всѣ разговоры и смягчалъ до такой мягкости, что свиное лицо ея расплывалось отъ удовольствія.

Я не знаю, къ чему бы привела меня зима со всѣми удобствами моей тогдашней жизни, а вѣрнѣе въ одинъ прекрасный день съ отчаянія, не видя никакого выхода, я выбросился бы на мостовую, и только счастливый случай вывелъ меня изъ моей безвыходной неволи.

Мое отсутствіе въ университетѣ не прошло незамѣченнымъ. И одинъ изъ моихъ товарищей, большой тоже книжникъ, но за книгами не потерявшій житейскаго соображенія, отыскалъ меня и, должно быть, и по моей комнатѣ и по лицу моему все понялъ и безъ всякихъ разговоровъ объявилъ мнѣ, что я долженъ ѣхать съ какой-то ученой экспедиціей и отказываться мнѣ никакъ невозможно.

Я сразу ожилъ — я готовъ былъ хоть на край свѣта.

И въ тотъ же вечеръ я сказалъ моей хозяйкѣ, что уѣзжаю.

Сначала она ничего не поняла, она подумала, что это я такъ въ сердцахъ, но я не кричалъ, я говорилъ совсѣмъ такъ, какъ послѣ криковъ моихъ, когда я заметалъ и смягчалъ всѣ мои рѣзкости, и это ее совсѣмъ спутало. А когда, наконецъ, она поняла, на нее просто напалъ столбнякъ.

Ночь она не спала, я слышалъ, ея комната была рядомъ съ моей, и поднялась она спозаранку: что-то все перебирала и въ сундукѣ и въ комодѣ.

Собственныхъ вещей у меня никакихъ не было, нѣсколько любимыхъ книгъ и узелокъ съ бѣльемъ, вотъ и все. И все это я быстро собралъ, чтобы не мѣшкая, до обѣда покинуть Коровій валъ.

Я точно не зналъ, куда я пойду, и правда ли объ экспедиціи или только выдумка, я мало раздумывалъ, я хотѣлъ одного — на волю.

Отъ ѣды я отказался, я только выпилъ чаю и томился, когда настанетъ, наконецъ, минута, и я переступлю порогъ, чтобы никогда не возвращаться.

Постарѣвшая за ночь, не причесанная, вышла ко мнѣ Анна Ивановна.

— Уѣзжаете, Сергѣй Александровичъ? — спросила она какъ-то ужъ очень равнодушно.

— Да, — отвѣтилъ я робко и посмотрѣлъ на часы, точно у меня былъ условленъ часъ, — безъ трехъ минутъ двѣнадцать.

Я готовъ былъ провалиться на мѣстѣ и мнѣ казалось, что до двѣнадцати, а въ двѣнадцать я выйду, пройдетъ вѣчность.

Сердце у меня колотилось.

— Ну, Богъ съ вами! — сказала она хрипло.

А я стоялъ съ узелкомъ, не зная, что и отвѣтить.

И она подошла поближе — она у дверей, какъ вошла, такъ и стояла — она сняла съ себя крестъ, надѣла на меня теплый съ зацѣпившимся рыжимъ волосомъ на цѣпочкѣ, и повалилась безъ чувствъ.

*

Крестъ длинный на филигранной цѣпочкѣ золотой съ двумя камнями кровавыхъ альмандиновъ . . .

Я не помню ни часа, ни минуты, когда бы я тихо подумалъ. Растерзанный ходилъ я, сопровождая ее по ночнымъ театрамъ и ресторанамъ.

Я не знаю, какая кровавая сила ударила меня по глазамъ и въ кровавыхъ кругахъ завертѣлся весь міръ.

Лживая, бездушная, обвораживающая змѣей, клянясь, она сама никогда не знала, куда — къ кому ее потянетъ черезъ минуту, кому она будетъ такъ же клясться, какъ мнѣ сію минуту.

Взять камень, ударить ее по глазамъ — такихъ правдивыхъ глазъ на одну минуту и всегда лживыхъ даже при пробужденіи я ни у кого не видѣлъ.

Ей и сны снились — ложь.

Но въ этомъ не ея вина и воля ея не причемъ, такой пришла она въ міръ, такой зародилась со дня таинственнаго своего румянца.

Я готовъ былъ выть среди улицы, готовъ былъ биться о камни, только бы сорвать съ себя обручъ тоски моей, когда обманутый въ тысячный разъ я возвращался къ себѣ съ одной мыслью — разорвать съ ней навсегда. Но первая встрѣча — и всѣ зароки летѣли къ чорту и опять я, не вѣря, вѣрилъ, и проклиная любилъ.

За какую вину и что я такого сдѣлалъ? Прикованный къ душѣ, для которой ложь была родиной, я несъ самое унизительное ярмо, какое только можетъ придумать женщина, одаренная змѣиной тайной.

Лживая и подлая, она и крестъ свой украшенный повѣсила мнѣ на шею въ одну изъ самыхъ искреннихъ — самыхъ лживыхъ минутъ своихъ, когда въ рукѣ у меня дрожалъ камень, чтобы ударить ее по глазамъ.

А имя ея . . .

*

Темный крестъ, не знаю, изъ какого металла, на черномъ шнуркѣ . . .

И опять весна и опять, какъ изъ могилы возставшій, я гляжу на міръ. И прошлое мое, и позорное и благословенное, вспоминаю, какъ сонъ.

Я не ропщу и не жалѣю.

Самъ заслужилъ — самъ и пронесъ.

Я все принимаю и даже то, что завтра — Господи, неужто это совершится! — завтра она умретъ.

Моя душа полна гордости и взлета, потому что я знаю, что на грѣшной, безстыдной и вѣроломной землѣ есть еще люди, которые идутъ умирать за вѣру, честь и мечту.

А вѣдь недавно я думалъ — вотъ къ чему привели меня мои и позорные и благословенные дни! — и былъ увѣренъ, что на нашей землѣ одна сволочь.

А теперь побѣжденный говорю гордо:

— Нѣтъ, живая душа жива!

Въ тюрьмѣ въ канунъ казни она отдала мнѣ свой темный крестъ, гордая, какъ въ первый разъ, когда я ее встрѣтилъ.

А имя ея — Марія.

*

Золотой крестъ со створкой для мощей...

Еще золотой съ вытравленными цвѣтами...

Серебряный съ синими камушками...

Гдѣ вы уста, которыя меня цѣловали?

Гдѣ вы, нѣжныя руки, обнимавшія мою шею?

Сморщенныя, держите ли вы клюку или успокоились на вѣки?

Встрѣтимся ли мы когда и узнаемъ ли другъ друга? Или пройдемъ мимо, какъ теперь прохожу я, никого не замѣчая?

И если суждена встрѣча, пощадите мое сердце — мое сердце отъ любви истекало кровью!

1917.

Жизнь несмертельная

I

У каждаго человѣка своя судьба. И всякому вотъ эта самая судьба и велитъ надѣть рясу или форменный сюртукъ, хочешь или не хочешь. А не покорится который, погибнуть ему и стоять у голодаевскаго кабака съ ручкой.

Такъ ужъ положено и всѣ такъ идутъ.

Всѣ-то, всѣ, да не Іона Петровичъ.

Іона Петровичъ Боголѣповъ человѣкъ особенный и судьба его особенная, онъ не въ счетъ.

Былъ Іона достопримѣчательностью нашего города.

А городъ, вы знаете, какой у насъ? Цѣлый день по улицѣ никто и не пройдетъ. Изрѣдка барбосъ полкановскій пробѣжитъ — и окошки отворятъ посмотрѣть на него. И только вечеромъ, часовъ въ девять, чиновники направляются кто въ клубъ, кто въ трактиръ. Да по утру въ ранній часъ кухарки бѣгутъ на базаръ.

Лѣтомъ жара да духота, не приведи Господи. Выйдешь на улицу, такъ тебя и ошалоумитъ: глаза вылѣзутъ, потъ градомъ, пыль столбомъ, терпѣть невозможно. А если въ полуденный часъ заглянешь въ окошко къ столяру Бабухину, сидитъ столяръ у окошка, воротъ разстегнутъ, на головѣ мокрая тряпка и самъ икаетъ. Господи Боже, силъ нѣтъ!

Такъ никто и не выходитъ, одинъ выходитъ Іона.

Ему все ничего. Во всякое время и по всякимъ дѣламъ, во всякомъ направленіи, куда угодно. Такой ужъ бойкій онъ да юркой, настойчивый, — безхвостый.

Не велика птичка, съ лица черенъ и даже черномазъ, бородка клочьями, на лбу волосы прилипли, водкой на семь шаговъ разитъ. А пальто со слѣдовательскаго плеча широко и рукава длинны. Карманы набиты каменнымъ да бронзовымъ вѣкомъ -- въ разговорѣ вынимаетъ то одну, то другую вещь и на ладонь себѣ: гляди и поучайся! А изъ боковыхъ кармановъ торчатъ книжки, рукописи, столбцы, — у него все есть.

Покровитель его, предсѣдатель архивной комиссіи Сахновскій, говаривалъ:

— Никогда у тебя, Іона, ни гроша нѣтъ, а знающій человѣкъ можетъ тебя ограбить тысячи на три. Столько въ тебѣ достопримѣчательности.

А доморощенный историкъ нашъ Миловзоровъ послѣ перепою лепеталъ жалостно:

— Іошечка, ангелъ, спуль какую рукопись, опохмелимся!

Велики были клады Іонины, но проворство рукъ его изумительно. Онъ могъ на глазахъ владѣльца изъять документъ или даже небольшую книгу. И почетный попечитель, губернаторъ Корноуховскій, не успѣлъ ахнуть, какъ въ его присутствіи, у него на глазахъ, въ казенномъ архивѣ Іона стащилъ автографъ Благословеннаго Императора. Выразивъ Іонѣ благодарность за его дѣятельность, губернаторъ, обратившись къ старшему архивариусу, сказалъ недвумысленно:

— Онъ человѣкъ полезный, но все-таки лучше его сюда не пускайте.

Знакомство мое съ Іоной началось на толкучкѣ у навѣса старика Ларіоныча. При первомъ же нашемъ разговорѣ поразилъ меня Іона Петровичъ свойствами

нечеловѣческими, а исключительно принадлежащими единому всемогущему Господу Богу.

Во-первыхъ, вездѣсущіемъ: по его разсказамъ нерѣдко выходило какъ-то такъ, что одновременно былъ онъ и въ Нижнемъ, и въ Ярославлѣ, и въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ.

Во-вторыхъ, всезнаніемъ: какую бы вещь ему ни показывали, хотя бы самую новую, хотя бы винтъ отъ паровика, Іона не терялся и принимая видъ, человѣку не подобный, толковалъ безъ всякаго:

— Этотъ винтъ отъ такой-то части, сдѣланъ въ такомъ-то году.

— Вотъ такъ кумъ, исполать! — ввертывалъ спитокъ Іонинъ Миловзоровъ, — ты все знаешь.

Зналъ Іона дѣйствительно все, даже и то, чего совершенно никто не зналъ.

Такъ, живя около церкви Стефана Сурожскаго, объявилъ онъ въ газетахъ, что на огородѣ его дома, какъ разъ противъ окна его спальни, находится мѣсто, гдѣ великаго князя Василія II-го Васильевича задавилъ медвѣдь.

— Да, на этомъ самомъ мѣстѣ медвѣдь подавилъ великаго князя! — частенько повторялъ Іона, подымая палецъ кверху.

Богъ его знаетъ, на этомъ или гдѣ еще, по крайней мѣрѣ, лѣтописи въ одномъ сходятся, что жилъ великій князь Василій II не въ нашемъ городѣ, а въ Костромѣ, гдѣ и принялъ лютую смерть отъ медвѣдя.

Но и такая справка нисколько не смущала Іону: онъ увѣрялъ, что великій князь пріѣзжалъ нарошно охотиться къ намъ.

— Зналъ, шельма, куда заѣхать, — подмигивалъ куму историкъ Миловзоровъ, — лучше здѣшней рябиновки не найдешь.

Все зналъ Іона и не только о прошломъ и самомъ деберьномъ, а и грядущее не было отъ него скрыто.

Въ людяхъ шла молва, будто свитокъ — столбецъ такой — отыскалъ Іона длины непомѣрной, обвился весь, какъ плащаницей, и носитъ на себѣ, двадцать лѣтъ читаетъ, дочитать не можетъ, а написано въ томъ свиткѣ, какъ нашему русскому царству быть.

— И всей подлунной.

Ну, ручаться не могу, не видалъ, впрочемъ, разъ засидѣвшись въ Пассажѣ, трактиръ у насъ такой громкій, былъ я свидѣтелемъ, какъ Іона, нагрузившись, хвасталъ какимъ-то столбцомъ необыкновеннымъ, и при этомъ похлопывалъ и поглаживалъ себя.

II

Жизнь Іоны, хотя и необыкновеннаго человѣка, началась обыкновеннымъ человѣческимъ рожденіемъ въ бѣломъ церковномъ домѣ, выходившемъ на огороды.

Окно было раскрыто, и крикъ протопопицы былъ слышенъ далеко, даже на бульварѣ. И опытные старожилы, вставая со скамеекъ и оглядываясь назадъ, говорили.

— Никакъ протопопица опять родитъ? Никакъ это седьмой будетъ?

— Пятый, — возражалъ освѣдомленный въ дѣлахъ семейныхъ.

— Вѣрно, пятый, — соглашались догадчики, — надо быть, мальчикъ.

— Безхвостый будетъ, — отозвался шедшій мимо пономарь Друшлакъ.

Первые дни Іона былъ здоровый и тихій мальчикъ. Ничѣмъ онъ не безпокоилъ, только очень прожорливъ. И эта прожорливость съ ростомъ развилась въ немъ до невозможности, и воровство сдѣлалось его непре-

мѣннымъ дѣломъ. А чтобы не вводить въ изъянъ родителя, сталъ онъ воровать у другихъ.

Битъ бывалъ нерѣдко и жестоко. Но съ лѣтами исхитрился и достигъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательнаго проворства рукъ.

Мнѣ помнится, онъ первый и произнесъ слово, теперь законнѣйшее, а тогда, какъ пугало: экспропріація. Раньше я что-то ни отъ кого не слыхивалъ.

Вообще же всякое хищеніе Іона отрицалъ.

— Воруютъ только отъ сытости, — говорилъ Іона, — и такихъ такъ мало, что, пожалуй, и не найдешь. А съ голоду да взять то, что никому не нужно, это не воровство. А если кто привяжется: отдай назадъ! — ну, чортъ съ тобой, бери, мнѣ не жалко, только докажи, твое ли? А не умѣешь доказать, пиши пропало. Этакъ, братъ, всякій къ чужой вещи примажется. А вѣдь я ее открылъ, она — res nullius.

— Res nullius! — смачно выговаривалъ Іона.

Придя въ возрастъ, поступилъ онъ, стараніями скорбнаго протопопа, въ семинарію.

А въ семинаріи достигъ Іона совершенства и успѣха не столько въ наукахъ, которыми мало занимался, сколько въ дѣлахъ грабежныхъ или, по принятому, въ операціяхъ финансовыхъ, ухитряясь перепродавать вещи на глазахъ у собственника. Оборотливость и ловкость его были такъ неуловимы, что однажды какому-то маменькину сынку продалъ онъ собственный его ременный кушакъ и получилъ деньги сполна.

А тотъ долго удивлялся, что есть на свѣтѣ двѣ вещи настолько похожія, что даже тутъ царапинка и та повторяется, ну все какъ двѣ капли воды.

Потомъ, разумѣется, обманъ открылся, но Іона успѣлъ уже пропить полученныя деньги. И объяснилъ, что дураковъ даже въ алтарѣ бьютъ.

— Если бы у тебя умъ въ головѣ былъ, такъ ты бы сундукъ лучше запиралъ, да чаще самъ въ него поглядывалъ. Голова бы не свалилась.

Наука давалась Іонѣ легко, и памятливъ и гораздъ. Но за неудобоносимость и безповеденіе онъ былъ исключенъ, не достигнувъ пятаго класса, съ отмѣткой:

„Не годится даже въ псаломщики".

Представивъ отцу этотъ свой успѣшный аттестатъ, Іона беззастѣнчиво увѣрялъ протопопа, что, правда, не годится въ псаломщики —

— Потому что гожусь въ архіереи.

Скорбно трясъ бородой протопопъ.

А и въ самомъ дѣлѣ, по такому уму и извороту безхвостому чѣмъ не архіерей?

— Кормить я тебя, мерзавецъ, даромъ не буду. — сказалъ, наконецъ, протопопъ, — да и опозоришь ты мою сѣдую голову. Завтра иду къ предводителю Фантикову, онъ тебѣ дастъ мѣсто — хоть нужники чистить.

И черезъ три дня опредѣлилось будущее направленіе будущей нашей достопримѣчательности: Іона вступилъ подъ тѣсные своды Дворянскаго благороднаго собранія.

За лѣстницей помѣщалась канцелярія.

Самъ предводитель привелъ его туда, сопровождаемый протопопомъ.

— Служи, учись, черезъ мѣсяцъ получишь жалованье, — сказалъ предводитель и обращаясь къ дѣлопроизводителю, прибавилъ: — а ты, Митряй, гляди за нимъ въ оба: парень-то больно остеръ.

— Слушаюсь, батюшка ваше превосходительство, не изволите безпокоиться.

— Филофей Миронычъ, — взмолился протопопъ, — будьте отцомъ роднымъ, бейте его въ мою голову. Може, что и выйдетъ.

— Не безпокойтесь, батюшка, отшлифуемъ-съ, — отвѣчалъ старикъ, заматорѣлый въ дѣлахъ наученныхъ, вошь канцелярская.

Такъ началась Іонина служба — корень его всеизвѣстности.

III

Первыя же недѣли Іониной службы ознаменовались такимъ беззастѣнчивымъ шантажемъ и взяточничествомъ, что слава престарѣлаго и опытнаго Мироныча померкла безвозвратно и навсегда.

И Іона не только не полетѣлъ съ мѣста, напротивъ, такъ укрѣпился, словно бы вѣкъ служилъ, и все отъ него пошло и безъ него ничего не могло быть.

Съ первыхъ же дней служебныхъ онъ обнаружилъ прямо сверхъестественную дѣловитость и быстроту въ исполненіи.

Скажетъ, бывало, предводитель:

— Дай-ка мнѣ, братецъ, того, — и погребетъ рукою въ воздухѣ.

А и не прошла минута, Іона подастъ нужное дѣло.

Все это, конечно, и другимъ въ науку и дѣлу польза, и одного только можно было опасаться, что при такомъ направленіи дѣлъ предводитель утратитъ даръ слова, столь необходимый ему для застольнаго спича разъ въ три года.

Рядомъ со сводчатой канцеляріей въ кирпичной палаткѣ помѣщался Дворянскій архивъ. А правѣе въ пустыхъ комнатахъ для депутатовъ были сложены старыя книги, рукописи и старинныя вещи, занимавшія три комнаты.

А возникли эти вещи и въ такомъ количествѣ невмѣстимомъ, по обстоятельствамъ, никѣмъ непредвидѣннымъ и угрожающимъ.

Былъ въ нашемъ городѣ губернаторъ Гудзевичъ. Въ одинъ изъ отпусковъ онъ встрѣтился на курортѣ съ знаменитымъ въ Россіи археологомъ Рязановскимъ. И въ разгововѣ, когда съ легкостью своей покровительственной высказался онъ объ археологіи, повторяя затасканный отзывъ людей непытливыхъ и успокоенныхъ въ своемъ невѣжествѣ, знаменитый старецъ швырнулъ ему:

„Не одни, дескать, чудаки занимаются археологіей, но и весьма высокопоставленныя особы!" — и назвалъ нѣсколько громкихъ и титулованныхъ именъ.

Губернаторъ не повѣрить не могъ, но и не придалъ особаго вѣса, а вскорѣ и совсѣмъ забылъ. Вернулся домой, а тутъ ждетъ его бумага отъ министра — срочный запросъ: какія имѣются древности въ его губерніи, какого качества и какого времени?

Струхнулъ губернаторъ, вспомнилъ курортные разговоры — знаменитую ископаемость въ лисичьей шубѣ, да поздно. Что говорить: ни онъ, ни чиновники ничего о древностяхъ не знаютъ! Поѣхалъ съ поклономъ къ архіерею.

Слава Богу, что архіерей попался любитель старинщикъ, — выручилъ.

И сейчасъ же отвѣтъ въ Петербургъ дали, да еще и съ указаніемъ, что и музей устраивается.

Полиція навезла всякаго старья: брали и то, что нужно, и такое, что печку топить. А свалили все въ Дворянскомъ домѣ.

Да тѣмъ дѣло и кончилось, какъ полагается, т. е. кончилось до поры до времени, пока не явился Іона.

Рыща въ Дворянскомъ домѣ, какъ въ собственномъ, во всѣхъ дѣлахъ голова и верховодъ, однажды, разглядывая древности и перебирая казенную рухлядь, нѣтъ ли тутъ чего цѣннаго, рѣшилъ Іона воспріять нетрудное и пріятное бремя археологіи.

А къ тому же и господа дворяне стали себѣ требовать самыя древнія родословія. А выводить родословія да еще древнія безъ археологіи дѣло совсѣмъ немыслимое.

И навострился же тутъ Іонушка.

И, бывало, въ Пассажѣ, сидя въ угловой излюбленной комнатѣ, какъ, бывало, расхвастается Іона.

— Ужъ такъ просилъ меня Перебрюховъ родословную ему составить, — хвасталъ Іона, — вотъ я его и вывелъ отъ Руслана и Людмилы прямехонько, какъ ниточку. И все на основаніи документовъ. А документы все подлинные — самъ писалъ.

Звенятъ серебряные рубли, стучатъ стаканы, льется пиво, гремитъ машина.

— Я, — говоритъ Іона, — за деньги могу кого хочешь отъ кого хочешь произвести. Я могу кого угодно съ кѣмъ угодно совокупить. Королеву Матильду съ Фридрихомъ II!

За пивомъ подъ машину развертывались передъ глазами Іоны самыя невообразимыя сочетанія, — воображеніе его, разогрѣтое пивомъ и музыкой, выводило породы человѣческія, ни на что не похожія.

Неисчерпаемы творенія Божія и все, что было во власти ума человѣческаго, Іона исхитрился осуществлять къ гордости знатныхъ или выскочившихъ въ знать, и само собой за большую халтуру.

Потомъ ужъ съ годами, когда творческое воображеніе его изсякнетъ, да и прибыли отъ этого воображенія не будетъ, пиво и машина — трактиръ любимый — настроятъ Іону на другой ладъ: не видами породы человѣческой, измышленными умомъ его и закрѣпленными подлинно съ приложеніемъ печатей и подписями, будетъ онъ хвастать всесвѣтными связями своими съ сильными міра, а особенно знакомствомъ съ царемъ.

IV

За нетрудной и пріятной наукой и въ погонѣ за деньгами прошла молодость Іоны.

Женился онъ рано ради приданаго: взялъ домишко и три тысячи денегъ, о чемъ самъ же во всеуслышаніе объявлялъ въ Пассажѣ, подробно описывая до послѣдней отвратительной обнаженности мелочи семейныя.

Семейная жизнь возбудила въ немъ при постоянномъ пьянствѣ ничѣмъ неохлаждаемую страсть. Всѣ женщины ему нравились, кромѣ его законной жены. Лѣзъ и ластился онъ со свойственной только ему наглостью. Безхвостый, бѣгалъ онъ за генеральшами, за горничными, за портнихами, но особенно заманивали его татарки: скромная стыдливость гаремныхъ узницъ распаляла его любострастіе.

И однажды онъ купилъ у одного бѣднаго татарина жену. Конечно, и тутъ безъ оборота не обошлось. Продержавъ при себѣ мѣсяцъ открыто собственной наложницей, онъ съ большимъ барышомъ перепродалъ ее въ публичный домъ, чего татаринъ совсѣмъ не ожидалъ.

Звѣзда Іоны высоко стояла, и татаринъ не посмѣлъ пикнуть.

Съ богатой купчихой Маркеловой Іона состоялъ въ выгодной связи довольно долго, пока не промоталъ всего ея состоянія.

— Довольно, будетъ, потѣшился! — сказалъ Іона обычную заключительную приговорку свою и пересталъ даже кланяться съ обнищавшей возлюбленной.

Для своей перемѣнчивой страсти онъ былъ готовъ на все, но и для денегъ — для звенящихъ рублей серебряныхъ — не очень стѣснялся. А рубли ему нужны были не только для легкости жизни, а еще и на раз-

свѣченіе жизни. И этотъ свѣтъ прожигающій давалъ ему разгулъ..

Въ пьяномъ видѣ Іона изливалъ свою всемогущую душу, разсказывая похожденія свои, какъ бывалыя, такъ и небывалыя. Въ пьяномъ видѣ за разсказами вскакивалъ онъ, билъ себя въ грудь, и плакалъ и кричалъ истошнымъ голосомъ.

Это страсть кричала въ немъ истошно, ничѣмъ не охлаждаемая, сила кричала гороскатная, пущенная по мелочамъ, корень силы его, прущей и выбивающей изъ-подъ нахлобука.

Эй, Русь матушка, придавленная!

Разгулъ и попойка, разсвѣчая Іонину жизнь — открывая душѣ просторы, а тѣлу размахъ, сулили недоброе и въ самую звѣзду его.

Большое впечатлѣніе, очень невыгодное для дальнѣйшей судьбы служебной, произвело приключеніе его нетрезвое на областномъ археологическомъ съѣздѣ.

Въ первый день съѣзда послѣ открытія Іона долженъ былъ читать свой удивительный докладъ о куричьихъ богахъ. Очередь его была первая, потому что и находка его была первая — необычайная: въ самомъ дѣлѣ кто это слышалъ про боговъ и не греческихъ, не римскихъ и не нашихъ незнаемыхъ, а куричьихъ!

Послѣ рѣчи архіерея и губернатора, когда наступило время куричьему докладу, хватились, а Іоны нѣтъ, пропалъ. Туда-сюда, вся полиція поставлена была на ноги, и не мало бились, пока отыскали. А когда отыскали, былъ онъ такъ мокръ, что никакъ его нельзя было вести, самъ же онъ упорно порывался итти, но обязательно, чтобы на четвереенькахъ, какъ богъ нѣкій куричій.

Три ведра холодной воды произвели свое дѣйствіе, и не на четвереенькахъ, а по-человѣчески, ровно-бъ чело-

вѣкомъ Іоной, появился Іона передъ многочисленнымъ почтеннымъ собраніемъ.

Обведя присутствующихъ безсмысленнымъ взглядомъ, Іона развернулъ тетрадь, и тишина наступила дѣйствительно самая подобающая, — нетерпѣніе послушать завладѣло всѣмъ собраніемъ отъ перваго до послѣдняго.

— Ваши Превосходительства и Милостивые Государи!

Черненькіе глазки тускло засвѣтились на пьяномъ солонинномъ лицѣ, Іона захлопнулъ тетрадь и, обсосавъ себѣ губы, обложилъ всю публику такимъ большимъ туромъ честнѣйшей матери — всего сущаго прародительницы, что на минуту словно бы темное облако застлало бѣлый свѣтъ.

Отчетливо и крѣпко произнеся убійственныя слова, онъ, какъ снопъ, повалился на полъ и безмятежно заснулъ — такъ его, безхвостаго, при общемъ переполохѣ и выволокли изъ зала.

Да, добраго мало чего сулило Іонѣ забыдущее горькое пойло — сладкая водка, окрыляющая умъ его и душу.

Кто зналъ больше Іоны нецензурныхъ пѣсенъ, охальныхъ частушекъ и похабныхъ сказокъ? Онъ былъ неистощимъ, живописуя до полной наглядности и осязаемости вещи и дѣянія неуловимыя, и какимъ кряжистымъ словомъ.

— То, что французы называютъ галантно, — приговаривалъ Іона, совсѣмъ забывая, что французы на своемъ языкѣ не знаютъ анекдотовъ о русскихъ пономаряхъ и будочникахъ.

Самъ онъ никогда не записывалъ, да и немыслимо было, какая ужъ тутъ запись въ пару подъ громъ машины, а изъ насъ, пріятелей его, никто не удосужился.

Эй, матушка Русь, пропащая!

V

Вечеръ. Легкій сумракъ, густѣя, оползаетъ на землю.

Со всѣхъ сторонъ — съ соборной, съ монастырской, съ рѣчной и горной чиновники изъ присутствій, учителя, постарше и помладше, и всякаго рода юность спѣшитъ на Козью улицу къ единственнымъ Колоннамъ — цвѣтнику притонному, неотразимому на вкусъ неискушеннаго гимназиста и невзыскательнаго писца.

Раскрытыя настежь двери, ярко освѣщенныя окна, музыка, топъ и звонкіе женскіе голоса смутятъ и повлекутъ къ себѣ и самаго разсамаго всосавшагося въ нашу скуку расчетливаго чорта.

И если Пассажъ — мѣсто похвальбы всемогуществомъ, всесвѣтностью и неистощимой похабщины, Колонны — ученая кафедра. Но и въ трактирѣ и въ Колоннахъ одинъ заключительный голосъ — плачъ, тамъ подъ машину, тутъ подъ скрипку съ роялью, и истошный крикъ.

Въ лѣвомъ красномъ угловомъ залѣ, за круглымъ столомъ, залитымъ пивомъ, сидѣлъ Іона съ судебнымъ кандидатомъ, лысѣющимъ и отекшимъ совсѣмъ не по чину.

Кандидатъ давно охмелѣлъ и мутными остановившимися глазами велъ несчастный изъ послѣднихъ неравную борьбу съ наскакивающей пьяной дремой.

Іона, грузно облокотившись на столъ, горѣлъ въ пьяномъ ражѣ — черные волосы его прилипли ко лбу, глаза сверкали желтыми огоньками, по мокрой бородѣ текла слюна.

Весна — и у насъ есть весна! — зацвѣтала бѣлая бѣлой черемухой, а изъ сосѣдняго зала — и зачѣмъ это такая музыка душу мутила?

— Николай Митричъ, а Николай Митричъ, слышишь ты?

Но кандидатъ отозвался единственнымъ еще сохранившимся въ его запасѣ звукомъ, не то присвистомъ, не то мыкомъ, не поймешь.

— Слышишь, не одни меня только любили Казиміровны да Брониславы б...., настоящая барышня любила Александра Павловна Леднева! Слышишь?

Кандидать свистнулъ, какъ въ форточку вѣтеръ, и блаженно затихъ.

— Познакомились мы съ ней въ лавкѣ у Мыльникова Павла Васильевича, этотъ, знаешь, еще за полтинникъ мнѣ тысячный крестъ продалъ: увѣрилъ дурака, что мѣдный! Познакомились совсѣмъ случайно. Стали встрѣчаться: то на бульварѣ, то на набережной, то на лѣстницахъ, такъ вотъ ясно я вижу — въ коричневомъ платьицѣ, въ черномъ фартукѣ, быстрые глазки, а засмѣется, острые зубки показываетъ. Очень мнѣ это нравилось, и я все, бывало, смѣшу. А потомъ сурьезнѣй разговоры пошли. Увидала, что знаю я столько — вся губернія не знаетъ, спрашиваетъ о томъ, о семъ, все ей разсказываю. Слушаетъ внимательно. Грустная стала. Русую косу теребитъ. Задумываться стала. Да вдругъ и говоритъ: „Вы бы, Іона Петровичъ, поменьше пили, нездорово это". „Ну, говорю, кому вредъ, а мнѣ все въ пользу". Ничего тогда не отвѣтила. А потомъ проситъ о женѣ разсказать, про дѣтей. Разъ отъ разу все ласковѣй да участливѣй. И совсѣмъ не смѣется. Какъ-то пришла въ канцелярію, сѣла противъ, сама ни слова. Я и говорю ей, чтобы сказать что-нибудь: „Я, молъ, уѣхать хочу по сбору древностей для комиссіи". „На долго ли?" испугалась. „Да мѣсяца, говорю, на три, на четыре". И вижу, блѣдная вся. А потомъ поднялась и прямо ко мнѣ. „Знаете, и голосъ ея дрогнулъ, Онечка, знаете, милый, люблю я тебя!" И упала мнѣ на шею. Я, понимаешь ли, Митричъ, я, ей Богу, въ первый разъ въ жизни растерялся.

— Когда бить начали, нехорошо! — не открывая глазъ, раздѣльно по-человѣчески отозвался кандидатъ.

— Это ты про что? — Іона замоталъ головой и еще крѣпче загрузъ надъ столомъ. — Прильнула ко мнѣ ея нѣжная шейка, и какъ увидалъ я бѣлую душку, все замутилось, облапилъ я ее и въ архивъ. А она какъ барашекъ. Вдругъ на дорогѣ Кудимычъ, вахтеръ. Мерзавецъ! Плюнулъ я: „Къ чорту!" А онъ усы рыжіе расправилъ.

— Нехорошо — нехорошо, — не то сопѣлъ, не то не одобрялъ пріятель, но какъ-то ужъ очень равнодушно.

— Повадилась дѣвчонка каждый Божій день. Вмѣсто гимназіи такъ съ сумочкой и ходитъ. А классъ послѣдній — выпускной. Признаться, и меня закрутило. Положитъ она ручки свои на голову мнѣ и все волосы приглаживаетъ. Въ глаза смотритъ ласково: „Онечка!" Я ее — Шуренька. И навернись въ дѣвку бѣсъ: „Брось, говоритъ, все, и жену и дѣтей, уѣдемъ вмѣстѣ, начнемъ новую жизнь! Ты, говоритъ, великій, ты молодъ, я для тебя все сдѣлать готова, жизнь положу!" А посуди самъ, съ чѣмъ это сообразно? Перво-на-перво, у меня домъ, я писецъ, нигдѣ не кончилъ, ученость моя при мнѣ останется, въ другомъ мѣстѣ я дуракъ дуракомъ, да еще и напитокъ въ придачу. А Палагея, да она меня за тридевять земель отыщетъ! Нѣтъ, заладила свое, ну, ничѣмъ ты не оторвешь. Бабы эти, какъ привяжутся, конецъ. Я какъ-то съ прохмеля ей: „Убирайся, говорю, къ чорту, будетъ!" А она поглядѣла: „Кончено?" — да такъ, знаешь, глядитъ, „разлюбилъ?" „Да нешто, говорю, я любилъ? Это благородные какіе любятъ, а намъ только-бъ до мяса довалиться. Сама, дѣвка, полѣзла, не взыщи!" Встала: „Прощайте!" говоритъ, да совсѣмъ, совсѣмъ другимъ голосомъ, у меня даже хмель прошелъ. И ушла.

Остался одинъ я, а голосъ ея такъ въ ушахъ и звенитъ: такъ — такъ и бросился-бъ вслѣдъ.

— Прощай-прощай-прощай! — кандидатъ открылъ мутные глаза и сдѣлалъ такое носомъ: вотъ расчихнется на весь залъ.

— Однако, выпилъ я двѣ рюмки водки, — продолжалъ Іона, — тѣмъ и кончилъ. Все забылось. А черезъ мѣсяцъ, слышу, выходитъ замужъ. Студентъ Игнатовъ — красивый малый, рослый — вотъ какого подцѣпила! Вскорѣ и самъ ко мнѣ пожаловалъ, подаетъ отъ нея записку: требуетъ она, чтобы я письма вернулъ. Ну, мнѣ что, я не баба, да и письма-то не велика цѣнность, не автографы какіе, можно и отдать! Отдалъ я ему. Онъ учтивый такой, а руку прячетъ, не даетъ. „Александра Павловна, говоритъ, все мнѣ разсказала, подлецъ вы!" говоритъ, повернулся да и вышелъ. А скажи на милость, чѣмъ я подлецъ? Нешто я противъ ея воли?

— Я подлецъ? Не подлецъ! — и звонкая затрещина раскроила щемящую музыку: въ сосѣднемъ залѣ, кто-то кого-то жестоко поучая, поднялъ возню и звякъ.

Іона даже не шевельнулся — все это въ порядкѣ — память его зашла въ самую жестокую деберь.

— А какъ былъ я въ Нижнемъ, слыхивалъ, что хорошо живутъ, согласно. И мѣсто у него хорошее. А разъ ее самое видѣлъ. Я послѣ перепою у Бруселя вышелъ прогуляться. Иду по Печоркѣ, а она навстрѣчу — барыня такая стала! — мальчика-сына за руку ведетъ. Я-то въ нее глазами впился, а она скользнула такъ — Или не узнала? И пошелъ я своей сторонкой да какъ гряну по всей по Печоркѣ: „Не шуми, мати . . ." А городовой: „Помалкивай, говоритъ, пьяница, сукинъ сынъ!" Точно цѣпочка оборвалась.

Іона вдавился весь и вдругъ вскочилъ и, бія себя въ грудь, сталъ вопить, такъ что изъ сосѣднихъ залъ

поналѣзли, одни робко, другіе нагло, чтобы свидѣтельствовать Іонино злострастіе.

— Человѣкъ для себя самого первая головешка, — вопилъ Іона истошно, — ты, Іона, ты и есть и будешь центръ и пупъ, всемогущій, вездѣсущій, всенаполняющій! Для кого корова телится? Для меня, чтобы я говядину ѣлъ. Для кого солнце свѣтитъ? Для меня, чтобы меня, пьяницу, сукинова сына, грѣть!

— Іона безхвостый! — подхватывали съ хохотомъ, — голованъ! говядину грѣть!

Хохотъ подымался рѣзче, чѣмъ вопь.

Въ раскрытыя окна наша весна — и у насъ есть весна! — съ горькой черемухой доносила подзаборную свалку.

И весеннія бѣлесыя звѣзды, какъ бѣльма, плыли мутно по бѣлѣющей сѣверной ночи.

Русь бѣлокрылая, куда ты летишь, исплакана, измученная и тоскою сердце рвешь?

Алтайскія яркія звѣзды алмазами летѣли передъ глазами Іоны, возносившагося до крайнихъ небесъ, и оплевывающагося, какъ послѣдняя мразь, подъ дикій хохотъ русскій, ничѣмъ непробойный.

VI

Всеизвѣстность Іоны пошла не съ Ледневой гимназистки — подъ пьяную руку все чаще и чаще вспоминалъ онъ о ней, и гордясь, и какъ уколотый на всю жизнь, — дѣло музейное, о которомъ трубилъ онъ на всѣхъ перекресткахъ, возвело его въ живую достопримѣчательность.

Устройство мѣстнаго музея — вершина славы и расцвѣтъ его дѣятельности. Тутъ обнаружилъ онъ необычайную ловкость. И въ самый краткій срокъ накопилъ приданое для двухъ дочерей, а Палагеѣ сдѣлалъ бархатный салопъ.

Но въ общемъ, въ концѣ-то концовъ, дѣло оказалось пропащее.

Управлять музеемъ Іона не попалъ.

По проискамъ ли людей завистливыхъ или отъ оборотливости излишней, о которой шла молва со всѣхъ сторонъ — и съ соборной, и съ монастырской, и съ рѣчной, и съ горной, да и самъ Іона хвасталъ и въ Пассажѣ и въ Колоннахъ, только нежданно-негаданно прислали изъ Петербурга для разбора и окончательнаго устройства музея двухъ ученыхъ археологовъ: плѣшатаго маленькаго и долговязаго мохнатаго. Оба полуслѣпые, чудные, не меньше Іоны, и не обдуешь, оба — и Молгачевъ, и Агаповъ — и язвительны, и осторожны, и скопидомы.

Истратить на пиво гривенъ восемь, купить книгу за пятачокъ, а какую рукопись за полтинникъ, это они мастера. А чтобы какой-нибудь профитъ бѣдному человѣку сдѣлать, это ни-ни.

Шельмы стакнулись еще до пріѣзда, все вмѣстѣ, согласно, рука объ руку. И нѣтъ того, чтобы по-православному, по-русскому, зубы другъ въ друга. Плѣшатый изъ Петербурга жену привезъ, заставилъ библіотеку разбирать. И все за дешевку: то, что у насъ за пятьсотъ пошло бы, они за двѣсти берутъ, а дѣлаютъ вдвое скорѣе.

Губернаторъ заискиваетъ, льститъ, въ гости къ нимъ ходитъ, мѣсто имъ казенное далъ на время. И они со всѣми перезнакомились, у предводителя сидятъ — житья нѣтъ!

Миловзоровъ историкъ для Архивной коммиссіи каменное яблоко купилъ.

— Древность, — говоритъ, — XVII-ый вѣкъ.

А плѣшатый разсмѣялся.

— Сколько дали?

— Полтинникъ.

— Дорого. За двугривенный можно купить въ посудной лавкѣ, — и ухмыляется, — маху дали, Сергѣй Леонтьевичъ!

А въ тотъ же день долговязый пошелъ къ мѣстному старьевщику, къ Гранилову, — давно Граниловъ дорожился старинной рукописью! — и доказалъ старьевщику, что рукопись поддѣльная, и купилъ ее, тысячную, за трешницу.

Сошлись вечеромъ пріятели въ музеѣ, хохочутъ, радуются:

— Самаго наипервѣйшаго мошенника объегорили!

А Граниловъ, какъ дознался, и передъ всѣмъ честнымъ народомъ объявилъ:

— Они-де съ собой туманъ носятъ, напускаютъ.

И за-живо служили панихиду въ монастырѣ: поминали раба Божія Ивана и раба Божія Александра, чтобъ имъ пусто было, — не пронимаетъ.

Да, нашла гроза нежданно-негаданно и не только на мошенниковъ, но и на самого Іону..

Между прочимъ, говорятъ они Іонѣ:

— Нечего мудровать! А вотъ вамъ списокъ, вы по этому списку по записямъ примѣтъ вещи подыскивайте и дороже указанной цѣны не давайте. За покупку процентъ получите: чѣмъ дешевле, тѣмъ больше — обратно-пропорціонально.

Екнуло сердце у Іоны — кончилось приволье.

На какую теперь хитрость ему пуститься?

— Или нищихъ объегоривать или воровать? — ляпнулъ Іона.

А тѣ ему:

— Ничего, Іона Петровичъ, изворачивайтесь.

А губернаторъ вторитъ:

— Ты, Іона, въ карманъ не залѣзай, чтобы намъ отъ тебя сраму не набраться.

Но и тутъ Іона извернулся — всѣмъ потрафилъ.

— Конечно, барышишки маленькіе, а все таки ничего, жить еще можно.

Какъ въ дни молодости своей всемогущей, сталъ онъ у мировыхъ судей дѣла брать, кляузничалъ, — ничего. И опять же адвокаты насѣли — не тѣ времена! Плюнулъ Іона: лучше не связываться, народъ тоже зацѣпистый.

А тѣмъ временемъ кончились покупки въ музеѣ.

Плѣшатый Молгачевъ уѣхалъ съ женой назадъ въ Петербургъ. А долговязый Агаповъ во владѣніе музея вступилъ.

Жалованье долговязому опредѣлили не ахти какое, а Іонѣ-то оно было бы совсѣмъ хорошо.

Да Іоны-то это не касается.

Вскорѣ долговязый женился на богачкѣ Позвонковой, взялъ, говорятъ, сто тысячъ, домъ купилъ, обстроилъ его, губернатора принимаетъ.

А Іона не при чемъ.

Высоко взлетѣлъ и палъ. И ужъ не подобраться: годы не тѣ, сила ушла.

И никакихъ звѣздъ, однѣ алтайскія — алмазы — сквозь горькій чадъ и дикій публичный хохотъ.

— Травинкой стелюсь, — лепеталъ Іона, — травиночкой.

VII

По старой памяти, но уже травинкой, зашелъ Іона въ свой родной музей, зашелъ съ задняго крыльца по обычаю.

Было лѣтнее утро, обѣщавшее зной.

У Іоны кружилась голова: три стакана водки вмѣсто чаю пропустилъ въ себя натощакъ, безъ чего не могъ онъ показаться на волю.

Подъ окнами къ крыльцу сложены были большія корзинки, въ этихъ корзинахъ перетаскивали вещи изъ Дворянскаго дома.

Манитъ корзинка — то-то хорошо полежать, растянуться!

Іона завалился въ корзинку — хорошо! — сбросилъ картузъ и замлѣлъ.

А съ крыльца Кудимычъ сходитъ, вахтеръ.

— Я тебя насмѣшника провѣнчаю! — обрадовался случаю вахтеръ: не забыть старику обстриженнаго уса, дѣло рукъ Іоны.

Накрылъ Кудимычъ Іону другой корзиной, въ кухню сбѣгалъ, веревки принесъ, связалъ ручки, перекрестилъ корзину, сволокъ къ сараю и по старости лѣтъ, а болѣе отъ жары несносной, все позабылъ.

Что было, не помнитъ и Іона, а проснулся — холодно: роса, весь мокрый. Провелъ онъ по слюнявымъ губамъ — пересохло въ горлѣ — подняться хотѣлъ, головой ткнулся въ корзину. Что за чудеса? — пощупалъ внизу рукой: тоже корзина.

„Батюшки-свѣты, да никакъ въ могилѣ?“

И руки затряслись.

Хотѣлъ перекреститься — рука ударилась въ плетенку.

„Господи, прости мои согрѣшенія! — и тоска залила его душу, — умираю отъ голода и жажды!“

Но изворотливый умъ вспыхнулъ, все безхвостье его завиляло, ища выхода.

„Говорятъ, нужно руку себѣ покусать, не сонъ ли?“

И укусилъ себя за палецъ.

— Ой, больно, — нѣтъ, онъ не согласенъ!

„Значитъ, смерть заживо“.

И ясно представилось ему, какъ обкусаетъ онъ себѣ руки отъ жажды, перевернется внизъ лицомъ и умретъ: покойники, заживо погребенные, всегда такъ перекувыркивались.

— Съ IX-го вѣка! — всхлипнулъ Іона и началъ стонать.

Душу надорвалъ бы этотъ стонъ замогильный, если бы нашлась у сарая хоть одна живая душа.

— За что мнѣ, Господи? — терзался Іона, — за царскія врата? — и вспомнилъ, какъ въ погонѣ за древностями, желая урвать процентъ обратно-пропорціональный, стащилъ онъ въ городищенской церкви старинныя рѣзныя царскія врата, — или за то, что въ пятницу согрѣшилъ? За кощунства ли Дублянскихъ сказокъ? Никола Милостивый, милостивый, помилуешь? За Прово горе, должно быть? — и въ горькомъ забытьи, наперекоръ волѣ, началъ твердить, какъ встарь:

Провъ Фомичъ былъ парень видный
Въ среднемъ возрастѣ солидный,
Остроуменъ и рѣчистъ,
Только на руку нечистъ.

Нѣтъ, нѣтъ, неужто за такое и такая мука? — и вдругъ Лизу вспомнилъ изъ Колоннъ: за гордость обвинилъ однажды эту Лизу, будто кошелекъ у него украла, и бандырь выпоролъ Лизу, — за Лизу? Не Лиза, самъ я кралъ, все тащилъ, и гдѣ можно и гдѣ нельзя, — каялся Іона, — древности кралъ! Древности, — и спохватился, — но вѣдь всякій изъ нихъ новости крадетъ. Неужто за такое, за всеобщее? И почему же тогда не всѣмъ такая участь? И почему люди живутъ и умираютъ по-человѣчьи, и только онъ . . .

Онъ не брезговалъ интрижкой,
Ни съ модисткой, ни съ портнишкой,
И не мало свѣтскихъ дамъ
Привлекалъ къ своимъ усамъ.

Твердилъ Іона наперекоръ воли стихъ похабный и не могъ остановиться.

Проплыла Леднева, смотрѣла на него и не такъ, какъ въ Нижнемъ на Печоркѣ, а какъ тамъ, въ канцеляріи, или тамъ, на лѣстницѣ, безъ словъ смотрѣла и глаза ея свѣтились любовью.

А что, если бы онъ тогда ее послушалъ, бросилъ бы пить, уѣхалъ бы съ нею?

И вспомнилъ онъ ея голосъ, — Господи, всю бы отдалъ жизнь! — голосъ ея такъ внятно.

„За нее виноватъ — за себя, за себя — за нее и терплю, всю судьбу погубилъ!“

И пуще всякой боли укусной засверлило на сердцѣ.

И изъ боли вдругъ онъ услышалъ легкіе шаги и кто-то фыркнулъ въ самую корзинку.

„Никакъ собака? — замеръ Іона, — Господи, хоть бы залаяла!“

Насторожился и самъ, крутя носомъ по-собачьи, понялъ чутьемъ безхвостымъ:

„Да это предводительскій Нептунъ“.

— Милый, дай вѣсточку! — захлебнулся Іона.

Песъ зацарапалъ лапой о корзину.

— Милый! — шепталъ Іона, — Нептунушка!

Ему слышно было, какъ Нептунъ шуршитъ по травѣ, машетъ хвостомъ.

— Узналъ, голубчикъ, отецъ родной! Залай, вызволи! — и хочетъ Іона громко покликать, а голосъ, какъ во снѣ, пропалъ.

Песъ фыркнулъ и отошелъ.

Могильную безконечную ночь провелъ Іона въ корзинѣ.

Со скрещенными руками, отекая, въ забытьи, лежалъ онъ, какъ тезоименитый Іона во чревѣ китовѣ. И ничего не замѣчая, ни своего стона, ни боли, и ни о чемъ не думая, распадался.

Вся изворотливость ума его потухла.

И только на другой день Іона освобжденъ былъ, аки изблеванъ.

На другой день, въ полдень, дѣвки изъ Дворянскаго дома вздумали итти къ предводительскому колодцу и не по улицѣ, гдѣ ихъ поджидали кавалеры, а кратчайшимъ путемъ черезъ репейникъ.

Проходя мими забора, они услышали слабые стоны.

Съ крикомъ:

— Чортъ! Домовой! — пустились бѣжать назадъ.

Тогда Кудимычъ вахтеръ вдругъ вспомнилъ о Іонѣ, всталъ изъ-за стола и, дожевывая, бросился къ сараю, къ корзинѣ, — и освободилъ.

Іона, испачканный весь, упалъ въ ноги вахтеру:

— Солнцу возсіявшу пришедши на западъ!

И былъ, какъ безуменъ.

Стаканъ водки подкрѣпилъ его силы.

Съ картузомъ въ рукахъ вышелъ Іона изъ калитки на волю.

Пекло и жарило, какъ въ первый день. Шатаясь, шелъ Іона подъ палящимъ солнцемъ. И случайные прохожіе далеко обходили его.

VIII

Іона не зналъ ни времени, ни мѣста, — Петербургъ онъ могъ перевести въ Москву, Москву въ Нижній, Нижній въ Кострому, воскресенье обратить во вторникъ, полдень въ полночь, быть и тамъ и тутъ, вездѣ, — всемогущество его было безгранично, и, кажется, въ въ одномъ только былъ онъ и слабъ и человѣченъ — въ температурѣ: хотѣлъ онъ или не хотѣлъ, а наступала зима, потому что морозило, хотѣлъ онъ или не хотѣлъ, а приходила весна, потому что таяло, хотѣлъ онъ или не хотѣлъ, а возникалъ циклонъ, а за циклономъ шелъ антициклонъ.

И развѣ онъ хотѣлъ, и вотъ затряслась голова, и вдругъ нападала сонливость, и онъ валился гдѣ ни попало, и не спалъ, а въ мутной дремѣ безучастно слѣдилъ за какой-нибудь. перелетающей мухой и ни о чемъ не думалъ.

И безъ его воли изворотливый умъ его погасалъ.

И такъ же не потому, что бы хотѣлъ онъ, нѣтъ, онъ какъ разъ другого хотѣлъ, всѣ дѣла и послѣднія потихоньку ушли отъ него.

Ужъ старшія дѣти стали содержать старика, — вѣдь, онъ больше не могъ самостоятельно добывать себѣ пропитаніе.

А тутъ наступило и послѣднее горе: женился старшій сынъ и уѣхалъ съ женой свою жизнь строить по своему.

— Нашелъ время шашку точить, когда отецъ еще живъ. Подождалъ бы малость: скоро подохну, — злобствовалъ старикъ и, грозя кому-то, шипѣлъ, — всю жизнь проклятая дыра поперекъ дороги стоитъ!

А за первой бѣдой идетъ другая бѣда.

Вышелъ грѣхъ со старшей дочерью дѣвушкой, — вымазали дегтемъ ворота и стѣны. Плачутъ младшія дочки подростки, пилитъ Палагея.

— Хоть бы ужъ подохнуть! — одного проситъ Іона.

А и это не въ его власти: часъ придетъ, когда придетъ — проси или не проси, а побѣжишь — настигнетъ, а скроешься — найдетъ.

Іона, припоминая случай съ корзиной, теперь пенялъ дѣвкамъ, что черезъ ихъ дырью дурь былъ онъ избавленъ отъ смерти и на муку ввергнутъ въ проклятую жизнь.

Жизнь его вдругъ стала проклятая.

Не пивши, трясучій, поплелся Іона къ купцу Черногубову.

Когда-то, въ допотопныя времена легкой жизни, непроклятой, дѣлая дѣла головокружительныя, вывелъ онъ купцову родословную отъ Каина, сына Сатанаилова, черезъ Ивана Осипова — Ваньку Каина прямой линіей къ дѣду Ивану Черногубову, и лавочнику и роднѣ всей Черногубовой стоило немалаго выкупа, чтобы избѣжать огласки и скрыть сѣмя свое проклятое во вѣки вѣковъ. А теперь Іона, ползая на колѣняхъ, Христа ради, выпрашивалъ у купца сорокъ копеекъ.

— Въ послѣдній разъ! — сказалъ Черногубовъ, — больше не дамъ, и не проси.

Съ двумя двугривенными каиновыми закатился Іона въ кабакъ. И тамъ все спустилъ: и пальто свое широкое слѣдовательское, и пиджакъ длиннющій долговязаго, Агаповскій, и жилетку Миловзорову. Въ однихъ штанахъ кандидатскихъ подъ вечеръ, трясясь и тычась, вернулся онъ домой.

Раскрылъ окно, посмотрѣлъ на огородъ, на то мѣсто, гдѣ великаго князя Василія II Васильевича подавилъ медвѣдь, — ко всенощной ударили: завтра Спасовъ день, пчела именинница! Робко прилегъ на диванъ. Что-то неловко, — кашлянулъ.

Младшая Лиза вошла. Открылъ глаза. Стоитъ Лиза, смотритъ.

— Папочка, кровь . . .

— А ну ее къ чорту!

Іона повернулся къ просаленной спинкѣ, — ему все равно: кровь или ничего, жизнь или смерть, одинъ конецъ.

Ночью случился припадокъ — дышать нечѣмъ. Воздуху бы заглотнуть ему побольше, дышать не хватаетъ. Раскрыли всѣ окна. Да ночь-то теплая, не Спасова.

— Ну, все равно, всѣ къ чортовой матери пойдемъ! — задыхался Іона.

А за окномъ шелеститъ. Траву косятъ? Нѣтъ. Что же это? Шелковое платье по травкѣ-муравкѣ завивается.

Сверкая золотомъ, какъ на Рублевской иконѣ, выгнувъ гордо лебединую шею —

„Что это, Господи?“

Вьются слухи, какъ у ангеловъ —

Іона привскочилъ:

— Шуренька!

А она сбоку такъ взглянула на него — нѣтъ, не узнаетъ! — и пошла. И онъ вдогонку. Вбѣжала на лѣстницу. И онъ за ней.

— Шуренька, — кричитъ, — Шуренька!

Лѣстница темная, скользкая. На самый верхъ взлетѣли. Дальше нѣтъ хода.

— Шуренька! — хочетъ схватить ее за руку, ну, какъ тогда.

А рука не двигается.

И вдругъ передъ нимъ пролетъ — темный, сырой — темная дыра.

И все смѣшалось.

Откуда вышелъ, туда и ушелъ.

1917 г.

Мальвина

Нынче по веснѣ послѣ долгихъ хлопотъ, ненужныхъ хожденій, обманныхъ надеждъ и ожиданій, поступилъ наконецъ Семенцовъ на мѣсто и не какъ-нибудь, а прямо завѣдующимъ въ Отдѣлъ.

А тамъ уборка, погрузка, заваленные столы, дѣла — еле протискаешься.

И длинной птичьей стаей скользятъ и снуютъ хрупкія тоненькія барышни, изгибаясь подъ тяжестью связокъ и ящиковъ.

Всю свою жизнь Семенцовъ, а ему на Преображенье стукнетъ пятьдесятъ, всѣ свои чиновные годы пропилъ, проѣлъ и проспалъ о-бокъ теплаго пухлаго бока Анны Петровны, жены своей. И всегда вольно или невольно уклонялся отъ встрѣчъ съ этими канальскими дѣвицами, заполнявшими послѣдніе годы всѣ департаменты, а теперь наводнившими отдѣлы, управы, комиссаріаты. Жизнь, которую словомъ никакъ не выразить, ну, выражающуюся въ какой-то стрекозьей неутомимости и легкости, — юность, молодость, — жизнь изживучая смущала его робкое оцѣпенѣлое сердце.

Такъ, въ дѣлахъ, по службѣ онъ всегда стремился увильнуть отъ близкихъ встрѣчъ и даже разговаривалъ издали, супясь и притворяясь больнымъ и старикомъ, котораго не можетъ тронуть никакая розовая улыбка. Но за то въ рѣдкія минуты у себя дома въ Комаровкѣ, когда Петровна уходила по какимъ-нибудь хозяйствен-

нымъ дѣламъ, не Петровна, женщина безымянная, или съ тысячью знакомыхъ милыхъ именъ, превращенная голоднымъ воображеніемъ въ какую-то небожительницу, въ воздушное и безплотное существо, дразнила его очарованіемъ своего несуществующаго таланта, ума и красоты. И также любая встрѣчная по дорогѣ, въ трамваѣ превращалась въ Беатрису, Лауру, Фіаметту.

Жалкій, оцѣпенѣвъ, онъ не дерзалъ заговорить и только любовался.

Грѣховъ за нимъ не водилось, онъ вѣренъ оставался своей ворчливой Петровнѣ — своей нянькѣ, кормящей его и всякое утро заботливо снаряжающей на службу; съ рыцарскимъ почтеніемъ онъ относился къ дѣвушкамъ и дамамъ.

Правда, въ бесѣдѣ съ пріятелями онъ любилъ хвастнуть несуществующими грѣхами, при этомъ становился красненькій и веселенькій: онъ разсказывалъ о какихъ-то эстонкахъ, которыя будто бы вѣшаются ему на шею или къ которымъ самъ онъ тайкомъ отъ Петровны ходитъ на любовное свиданіе, — но вѣдь это же одно воображеніе и никакой грѣхъ.

При прежнихъ службахъ его онъ всегда былъ подчиненнымъ и барышни никакъ къ нему не относились, но теперь, когда онъ начальникъ, дѣло другое.

Невольная близость женщины юной и свѣжей — этого вѣчно-благоуханнаго яблока дьявольскаго соблазна, подѣйствовала на него съ первыхъ же минутъ новой его службы ошеломляюще.

Дальше и дальше скользятъ вереницы — полуоткрытыя руки, голыя шейки, бѣлыя блузки, разныя прически и оттѣнки волосъ.

Ни лицъ, ни глазъ онъ не видитъ, десятки крутыхъ выгнутыхъ шеекъ плывутъ передъ нимъ — мерещится выя, золотистыя кольчики волосъ, гривка.

Но берегись! — прямо на него между пачками дѣлъ наступала стройная высокая барышня, охвативъ бѣлыми руками въ браслетахъ тяжелый ящикъ.

Уступая дорогу, Семенцовъ запнулся за кипы и полетѣлъ.

Барышня съ грохотомъ уронила ящикъ и поддержала его подъ локоть.

Отъ смущенія онъ что-то лепеталъ совсѣмъ несвязное и улыбался: вѣдь, падая, онъ очутился въ самой тѣсной близости съ бѣлой замшевой туфелькой и чулкомъ-паутинкой такого восхитительнаго цвѣта, какого никогда не видывалъ — да онъ ни туфельки, ни паутинки такой на живомъ, на ногѣ, наконецъ, и ногу-то такъ близко никогда не видывалъ.

Сердце его усиленно билось, онъ вдругъ почувствовалъ, точно лѣтъ ему двадцать и на головѣ у него не плѣшь, а шапка кудрей.

Сразу установилась какая-то близость, легкая игривость смѣнила суховатую вѣжливость, наконецъ, съ непринужденнымъ видомъ барышня сообщила, что ее зовутъ Мальвиной.

— Мальвина Федоровна! — повторялъ Семенцовъ, то и дѣло обращаясь къ барышнѣ просто ни зачѣмъ.

Обалдѣлый вернулся Семенцовъ домой въ Комаровку. Ничего не соображая, онъ еле дотащился до постели. И на вопросъ жены: что съ нимъ? — отвѣтилъ сухими губами:

— Усталъ.

Въ разгоряченномъ мозгу его мелькало что-то несознаваемое, но пріятно-острое и пряное.

И не помнитъ онъ, какъ наступила ночь и какъ заснулъ.

А подъ утро послѣ красочныхъ переливовъ приснился ему сонъ, событія котораго происходили въ той самой комнатенкѣ, гдѣ спалъ онъ подъ теплымъ голу-

бымъ одѣяломъ, подтыканный заботливой рукой Петровны и пригрѣтый мягкимъ ея бокомъ.

Изъ сѣрыхъ сумерокъ выдѣлилось обрамленное кудрями лицо Мальвины и гибкая шея ея въ аломъ коралловомъ ожерельѣ.

Бѣленькая блузка сливалась съ сѣрымъ туманомъ.

Лицо Мальвины вдругъ пододвинулось къ самымъ губамъ его и такъ близко, что по робости своей онъ осторожно отодвинулся.

Но Мальвина, какъ бы притягиваемая имъ, подвинулась еще и вдругъ глаза ея вспыхнули такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что отъ внезапности похолодѣло у него на сердцѣ.

А изъ темноты протянулась рука, и нога въ бѣлоснѣжной замшевой туфелькѣ и паутинномъ чулкѣ поднялась и опустилась на подоконникъ.

Семенцовъ оцѣпенѣлъ.

И хотѣлъ вскрикнуть и не могъ.

Мальвина смотрѣла на него настойчиво и неотступно.

Но что она требовала отъ него, онъ не могъ понять, да и что онъ могъ сдѣлать, оцѣпенѣлый?

И вотъ, подтолкнутый какой-то внѣшней силой, онъ приподнялся на постели и, сдѣлавъ въ воздухѣ полукругъ, перевернулся, такъ что лицо Мальвины очутилось внизу.

И онъ почувствовалъ, какъ вся кровь прилила къ его сердцу и сердце задрожало, какъ листокъ, и ужъ самъ онъ потянулся къ ея лицу, но въ тотъ же мигъ, подтолкнутый той же внѣшней силой, онъ медленно и плавно поднялся къ самому потолку и глаза его явственно различили щели въ штукатуркѣ и паутину.

Мальвина, не уступая, поплыла за нимъ и дыханіе ея обожгло его, но перевернуться къ ней онъ не могъ.

„Мальвина, — шепталъ онъ, — я искалъ тебя всю мою жизнь, я только и думалъ о тебѣ, Мальвина!"

И вдругъ бѣлыя руки сзади обняли его и онъ поплылъ — онъ проплылъ надъ кроватью, надъ туалетнымъ столикомъ, надъ одеждой, завѣшанной старой заплатанной простыней, и очутился надъ подоконникомъ.

Тихо распахнулось окно.

Еще мигъ и онъ выскользнетъ на волю, тамъ перевернется.

„Мальвина, — шепталъ онъ, — я нашелъ тебя, Мальвина! Какъ прекрасно въ Божьемъ мірѣ, Мальвина!"

Утренникъ дыхнулъ и все порвалось.

Ни Мальвины, ничего, и только носъ Петровны, напоминавшій куриную архіерейскую часть, посвистывалъ прямо ему въ лицо.

Утро было сырое, шелъ дождикъ.

Напившись противнаго овсянаго какао, Семенцовъ сиротливо сидѣлъ въ трамваѣ незамѣтный и съежившійся — на свѣтъ глаза не глядѣли бы! И вдругъ на поворотѣ вспомнилъ весь свой сонъ и на сердцѣ такъ заиграло, словно было ему лѣтъ двадцать, а подъ шляпой на голой головѣ шапка кудрей.

И какимъ завиднымъ, единственнымъ въ мірѣ представился ему Отдѣлъ, заваленный дѣлами, гдѣ вотъ сейчасъ встрѣтитъ онъ ужъ на яву свою Мальвину.

1918 г.

Крестовая барышня

Только любовь неизмѣнна.

И это истинная правда, что это такъ. И думаю я, въ послѣднія минуты земли нашей, при послѣднемъ ея издыханіи, одна не замретъ и не замерзнетъ любовь.

Надежда Дмитріевна мало чего еще понимала въ жестокомъ вѣкѣ нашемъ и любовь она не могла оцѣнить, но ужъ думать думала, и въ тайникахъ думъ своихъ представляла любовь, и, пожалуй, вѣрно — въ самой сути ея неизмѣнной.

И вѣрила, что такъ и есть.

И всегда будетъ.

Глаза у нея небесные.

Вы спросите ихъ:

„Что вы видите?"

И они отвѣтятъ:

„Видимъ мы Божій міръ — цвѣты цвѣтутъ, звѣзды сіяютъ, милые сердцу проходятъ по землѣ люди".

„А дурные? И все это злое, злоба человѣческая, измѣна — вы испугались?"

По утру, какъ итти на службу, свернетъ Надежда Дмитріевна съ Симбирской и къ Происхожденію Честныхъ Древъ зайдетъ, поставитъ свѣчку Божьей Матери и молится — такъ молятся цвѣты и звѣзды.

А неказистая служба у Надежды Дмитріевны — въ Крестахъ.

Придетъ въ канцелярію, повѣситъ на колокъ кофточку да шляпку и за дѣло: возьметъ одну большую книгу, возьметъ другую и замелькаютъ Иваны, Петры да Сидоры — арестантовъ она записываетъ.

И бѣгаетъ перо — сжаты бѣлые пальчики — пишетъ безъ конца.

А какая у нея рука!

Подойдетъ помощникъ начальника, прапорщикъ Эдингардъ, забудетъ, что и сказать хотѣлъ, а другой помощникъ плѣшакъ Звѣздкинъ такъ тотъ только губой чмокаетъ, тычась по угламъ.

А Надежда Дмитріевна знай пишетъ, да изъ стакана холодный чай отхлебываетъ. Она не понимаетъ, чего это стоитъ Эдингардъ и смотритъ, и о Звѣздкинѣ она не понимаетъ, чего топчется да чмокаетъ: и Эдингардъ и Звѣздкинъ не больше трогаютъ ея сердце, чѣмъ эти казенныя большія книги.

Цѣлый день за книгами и въ этомъ вся служба.

А бываютъ тяжелые дни — очередныя дежурства. И тогда сидитъ она до семи за перегородкой и записываетъ отвѣты новыхъ арестантовъ, которыхъ опрашиваетъ дежурный помощникъ.

И потому, что это очень трудно — вѣдь, надо не пропустить ни одного слова и все должно быть точно! — и потому еще, что слова-то эти и обыкновенныя, да вѣдь тотъ, кто произноситъ ихъ, въ неволю идетъ, такіе дни тяжелы.

И всегда измученная съ неспокойнымъ сердцемъ пугливо возвращается Надежда Дмитріевна домой.

Чуетъ сердце, что въ мірѣ неладно, и боится сказать, и жалко ей —

Если бы было и каждому изъ насъ хоть немного жалко другъ друга, не было бы никакихъ безжалостныхъ Крестовъ!

*

Былъ сѣрый дождливый день, когда смеркается рано и сумерки несутъ тоску.

Дежурнымъ былъ помощникъ Головтеевъ.

На его дежурствѣ всегда бывало очень трудно; и безтолковъ — и спрашиваетъ, и отвѣчаетъ совсѣмъ не то — и какъ мга какая, безразличный.

А тутъ еще и арестантовъ навели тьму тьмущую.

И вотъ среди первыхъ опросовъ о фамиліи изъ потемокъ услышала Надежда Дмитріевна голосъ:

— Графъ д'Оран-д'оренъ.

И это такой былъ голосъ, — стукнуло маленькое сердечко: или почуяло? или что вспомнило? — прямо ей въ душу.

А когда у загородки сталъ высокій молодой арестантъ, она поняла, что это онъ.

И заиграло на сердцѣ.

Это онъ, о комъ она мечтала, ея рыцарь, туманный всадникъ, мчавшійся по розовому полю въ ея тайныхъ дѣвичьихъ розовыхъ снахъ.

Какъ быстро онъ отвѣчалъ на вопросы и какъ воздушно прошелъ, когда старшой Юматовъ грубо окликнулъ:

— Ну, пойдемъ!

И въ дремѣ передъ сномъ въ ту ночь вдругъ всплыли передъ ней знакомые глаза и голосъ повторялъ:

„Графъ д'Оранъ-д'оренъ".

А сердце, окропленное любвиявленскою водой, забилось въ перебой: д'оранъ-д'оренъ.

*

Вы спросите глаза ея, въ нихъ органъ гремитъ.

„Отчего вы пѣвучи такъ?"

И они отвѣтятъ:

„Есть въ Божьемъ мірѣ любовь и любовью запѣта земля, оттого и поемъ".

А случилось такъ: три томительныхъ дня, и Надежда Дмитріевна нашла у себя на столѣ большую чайную розу, а еще черезъ день они встрѣтились.

И то, что смутно выговаривало сердце, сказалось ясно и закрѣпилось навсегда.

Выбранный арестантами старостой, графъ д'Оранъ-д'оренъ явился въ канцелярію: на немъ была офицерская тужурка и бѣлый Георгій. И никакъ нельзя было подумать, что онъ арестантъ. Скорѣе плѣшивый Звѣздкинъ, либо крикливый Эдингардъ — арестанты. Эдингардъ ходилъ неряшливо, Звѣздкинъ, хоть и чисто, но потрепано и старомодно, а на немъ все было ново и необыкновенно, какъ на картинкѣ.

И говорилъ онъ ни на кого не похоже. И кажется, такому ни въ чемъ не откажешь. И даже Головтеевъ на его вопросы отвѣчалъ куда мягче, чѣмъ всегда.

Съ Надеждой Дмитріевной онъ сказалъ въ эту первую встрѣчу всего нѣсколько пустяшныхъ словъ, но въ каждомъ словѣ было столько скрыто, и самаго главнаго, и это говорилъ его взглядъ.

Прошла недѣля. Какъ незамѣтно пролетѣла недѣля — краткія, рѣшающія встрѣчи! — и опять цвѣты на столѣ, двѣ лиліи.

Низко нагнулась Надежда Дмитріевна надъ толстой книгой, а не видитъ ни именъ, ни цифръ, и не глядя, видитъ только его и слышитъ только его — его шопотъ.

Они уѣдутъ вмѣстѣ — забудутъ весь міръ — съ первой встрѣчи полюбилъ онъ ее — и всегда будетъ съ нею —

— Навѣкъ.

И горячія его губы обожгли ея щеку.

И въ отвѣтъ запылала щека. Еще ниже наклонилась Надежда Дмитріевна надъ толстой книгой, а сердце стучитъ, и кажется, изъ сосѣдней комнаты Звѣздкинъ слышитъ, какъ ея сердце стучитъ.

Двѣ лиліи она унесла съ собой и весь вечеръ просидѣла надъ ними.

Какія бѣлыя — бѣлыя, она сохранитъ навѣкъ.

„Навѣкъ, — стучитъ сердце, — навѣкъ".

И большаго счастья не надо ни на землѣ, ни на небѣ.

А въ тотъ вечеръ на собраніи во второмъ корпусѣ послѣ всякихъ тюремныхъ пререканій вошелъ въ кругъ арестантовъ д'Оранъ-д'оренъ и сказалъ такъ же негромко, какъ и тамъ въ канцеляріи Надеждѣ Дмитріевнѣ, почти шопотомъ:

— Черезъ недѣлю освободится тридцать человѣкъ, мечи жребій. Кто сумѣетъ уйти, того счастье.

И каждое слово его отозвалось на всѣ Кресты.

*

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала Надежда Дмитріевна утра, когда вновь увидитъ его и опять онъ ей скажетъ, какъ ее любитъ, и какъ они вмѣстѣ уѣдутъ и не разстанутся другъ съ другомъ вѣкъ.

Неизмѣнныя — слова любви, вы горячѣе всѣхъ словъ на землѣ, и самыя тихія, вы громче и ярче самыхъ громкихъ призывовъ и кличливѣй всѣхъ кличей. И въ предсмертномъ бреду на издыхающей землѣ, знаю, только вы не замрете. И тотъ, кто васъ слышалъ однажды, не забудетъ до смерти.

Дежурнымъ былъ Звѣздкинъ.

Маленькій, лысенькій, чмокая, поглядывалъ онъ изъ-подъ очковъ на Надежду Дмитріевну: такъ была она вся овѣяна и тянула любовью своей, какъ огонькомъ. Тычась по угламъ, Звѣздкинъ кружилъ около стола ея, заговаривалъ.

А она сидѣла надъ толстою книгой, не видя и не слыша, — ожидая его.

Стуча сапогами, въ канцелярію вошелъ Юматовъ.

— Г-нъ помощникъ, разрѣшите свиданіе: жена къ графу Дардарену пришла. Давать имъ, какъ прикажете?

— Что-жъ, можно. Зови сюда, — отвѣтилъ Звѣздкинъ.

И шуршъ шелка наполнилъ всю канцелярію.

Согнувшаяся надъ книгой Надежда Дмитріевна собрала всѣ свои силы и, не приподнимая головы, заглянула.

Боже мой, какая красавица стояла за перегородкой!

И слезы такъ и брызнули на книгу, размазывая чернила, а маленькое сердце забилось робко подъ каблукомъ этой нарядной красивой дамы.

*

Раздавленная вышла Надежда Дмитріевна на волю. А какъ еще сегодня по утру шла она легко! Нѣтъ, пѣшкомъ ей никакъ не дойти.

Въ трамваѣ было очень тѣсно.

Какая-то дама безпомощно металась со множествомъ всякихъ маленькихъ свертковъ, которые валились у нея изъ рукъ. Надежда Дмитріевна сейчасъ же стала ей помогать, а тутъ и мѣсто освободилось, помогла сѣсть. Дама успокоилась, но когда хватилась платить за билетъ, кошелька не оказалось, и подняла крикъ на весь вагонъ, указывая на Надежду Дмитріевну.

Надежда Дмитріевна не хотѣла вѣрить.

— Обыскать надо! — сказалъ кто-то.

А дама, схвативъ ее за руку, кричала въ исступленіи:

— Умоляю, отдайте кошелекъ!

— Что вы говорите? И развѣ можно —

И, теперь повѣривъ, она вывернула себѣ карманы, и слезы побѣжали по протореннымъ дорожкамъ.

Кошелька не было, всѣ убѣдились.

Проѣхавъ свою остановку, Надежда Дмитріевна вышла.

За ней вышла и дама.

— Вѣрю, — со слезами сказала ей дама, — и не могу. Мнѣ не денегъ жалко, серебряный кошелекъ, это память.

И Надеждѣ Дмитріевнѣ ничего не оставалось, какъ зайти куда-нибудь во дворъ, и пусть тамъ ее всю обыщетъ и убѣдится.

Такъ и сдѣлала.

И во дворѣ всю ее ошарила дама, а кошелька не было.

— Но я не могу жить безъ него, это такая память! — повторяла дама, еще и еще шаря по груди и рукамъ.

Въ отчаяніи обѣ вышли на улицу.

И вдругъ Надежда Дмитріевна все поняла и точно въ первый разъ посмотрѣла на міръ, гдѣ цвѣты цвѣтутъ и сіяютъ звѣзды.

И какимъ жестокимъ показался ей міръ цвѣтной и звѣздный.

И въ этомъ жестокомъ мірѣ жила она.

„Одна, — вздрагивали пересохшія ея губы, — одна — одна“.

И надорванное сердце не проклинало.

Только зябло.

Беззащитно.

*

Вы спросите глаза, отчего есть такіе, въ нихъ крестъ горитъ?

И они только горько заплачутъ.

Съ недѣлю не показывалась Надежда Дмитріевна въ канцеляріи. Все одна въ комнатенкѣ своей, какъ больной звѣрокъ на пенькѣ — такъ и дни прошли. И вотъ опять, повѣсила на колокъ кофточку да шляпку и за книгу.

И не слышно.

Въ канцеляріи были оба помощника и Эдингардъ и Звѣздкинъ.

Оба шутили и на всѣ ихъ шутки она подымала глаза и только смотрѣла.

Перемѣну приписали болѣзни и замолчали.

Тычась по угламъ, Звѣздкинъ вынулъ изъ шкапа какую-то бумагу и нѣсколько разъ повернувъ ее около самаго носа, вдругъ сказалъ, неизвѣстно кому:

— А какая бестія этотъ Дардаренъ: и самъ ушелъ и тридцать арестантовъ увелъ, каналья!

1917 г.

Одушевленные предметы

Сказки

Дверная ручка

Есть въ большихъ городахъ вещи, къ которымъ я отношусь съ суевѣрнымъ почтеніемъ, — напримѣръ, дверная ручка.

Когда мнѣ приходится входить въ богатый многолюдный домъ и у зеркальной двери дотронуться до орѣховой ручки въ мѣдной обоймѣ, я невольно вздрагиваю.

Въ этомъ домѣ въ третьемъ этажѣ живетъ профессоръ, безвозвратно провалившій меня на экзаменѣ. Не живутъ ли тутъ и мои кредиторы? Или мой смертельный врагъ? Впрочемъ, враговъ у меня нѣтъ, — слишкомъ ничтожное мѣсто занимаю я въ жизни. Но недоброжелатель?

По-моему, каждую ручку наружной двери по истеченіи двадцати лѣтъ, хотя бы обломокъ, нужно сдавать въ музей на храненіе.

Подумать только, сколько народу касалось ну хоть вотъ этой ручки — задумчивыхъ, размашистыхъ, рѣшительныхъ и робкихъ рукъ!

Маленькая дѣвочка тянула ее обѣими ручонками.

Съ отчаяніемъ брался за нее подростокъ, возвращаясь съ двойкой изъ училища.

Съ затуманенными глазами, ничего не видя, держалась за нее убитая неудавшейся судьбой дѣвушка.

Съ тихимъ отчаяніемъ медленно поворачивалъ ее чиновникъ, лишившійся мѣста.

Сколько припомнилось разбитыхъ надеждъ и любви — какой обманутой! какой горючей!

Вещи живутъ, внушаютъ — вы слышите? вы чуете? — и только ослы да заводныя чучелы проходятъ мимо равнодушно.

1918 г.

Трамвай

Какъ только наступаетъ весна, всѣ бѣгутъ изъ столицы. Зачѣмъ? Развѣ небо не то же? А солнце въ деревнѣ другое свѣтитъ? Или не то, что жжетъ пыльный, горячій асфальтъ?

Воздухъ . . .

Но за то ни въ какой деревнѣ я не слышу трамвая.

Какъ гордо и смѣло, какъ сказочный рыцарь на турниръ, несется впередъ побѣдоносный трамвай, звеня и щелкая! А вожатый, напоминая капитана корабля, какъ спокойно и увѣренно держится за ручку мотора!

Увѣренно ясно къ намѣченной цѣли летитъ трамвай.

И въ этомъ гордомъ движеніи притягательность его неизъяснима, сколько старанія прилѣпиться къ нему, повиснуть, схватиться за мѣдныя ручки!

А сколько счастья стоять на передней площадкѣ и смотрѣть, какъ у тебя подъ ногами съ мѣшками и корзинами мечется толпа и прохожіе, безпомощные и жалкіе, поднявъ носы, глядятъ.

Чувствуешь себя выше.

И всякій, кто, ступивъ съ тротуара, взберется на площадку трамвая, уже окрѣпъ духомъ: онъ смѣлъ и увѣренъ, — онъ мчится впередъ.

Но это еще не все.

Вы вступаете въ вагонъ, — тамъ новые люди и новая жизнь.

А какія встрѣчи, разговоры!

Вотъ дождикъ захлесталъ по стекламъ, а вы спокойно внутри, — вы презираете и дождь.

Да, воздухъ . . .

Деревенскій воздухъ и жиръ сливокъ и масло, но и какое изнуреніе отъ погодныхъ заботъ и потерь!

А тутъ — смотрите! — какая лента женскихъ лицъ, начиная со стрѣльчатоокой смуглянки и нашей сѣверной золотоотливной косы и кончая уродомъ.

Трамвай остановился.

И если входилъ я одинокимъ, не одинокимъ выхожу я.

Нѣтъ, никогда ни зимой, ни лѣтомъ я не покину города: однимъ своимъ трамваемъ наполняетъ онъ силою мой духъ, а быстрый трамвайный его бѣгъ придаетъ мнѣ смѣлость, а мгновенная улыбка случайныхъ встрѣчъ радуетъ мое безрадостное сердце.

Сдавленныя камнями перспективы или безграничность полей съ грустью и тихой мечтой. Нѣтъ, это не мое, только тутъ на камняхъ я живу со всѣмъ ожесточеніемъ и остротою, а тамъ — только томлюсь.

1918 г.

Солозобочка

Ѣхалъ ложкарь по деревнѣ, возъ ложекъ везъ. Марфуха, баба кипень, кричитъ ложкарю:

— Ложекъ твоихъ намъ и даромъ не надо! А вотъ кабы ты такія ложки возилъ, чтобы безъ соли сами солили!

А ложкарь и самъ нарокъ.

— Есть, — говоритъ, — такая у меня ложечка-солозобочка: безъ соли въ самый разъ насолитъ. Только надо слово знать.

— Какое такое слово?

— А кто ложку купитъ, тому и сказъ.

— Продай!

— Что-жъ, купи!

— Дорого-ль?

— Цѣлковый.

Помялась баба: цѣлковый!

— Зато соли покупать не надо.

— Ладно.

Увела Марфуха ложкаря въ избу, усадила за столъ — ложку пробовать, а сама къ печкѣ, налила щей.

— Ну-ка, ложечкой посоли — какое такое слово?

Ложкарь вынулъ ложку — ай-да ложка, съ рыбкой! — да во щи:

шуни да буни,
да солоно буди!

Самъ мѣшаетъ, самъ приговариваетъ:

— Да солоно буди!

Марфуха хлебнула: а и вправду — безъ соли, а въ самый разъ!

А того не въ примѣтъ, что ложкарь изъ рукава соли въ миску ссыпнулъ.

— Въ самый разъ.

Звякнулъ цѣлковый, уѣхалъ ложкарь, возъ ложекъ повезъ — безъ одной.

То-то муженёкъ похвалитъ, не дождется Марфуха.

*

Вернулся Тихонъ изъ лѣса. Марфуха съ наскока:

— Скажи мнѣ, хозяинъ, спасибо!

— Что такое?

— А за то такое: соли намъ покупать больше не надо.

— Какъ такъ?

— А такъ, очень просто: ложку я такую купила, безъ соли солитъ, рубль дала, цѣлковый.

Да живо къ печкѣ, ухватила горшокъ со щами, на столъ, да за ложку.

Ай-да ложка, не простая — съ рыбкой!

шуни да буни,
да солоно буди!

Сама мѣшаетъ, сама приговариваетъ:

— Да солоно буди!

И размѣшала.

— Нака-сь, отвѣдай!

— Ну, и горазда! — не вѣрится что-то: невозможное дѣло.

— Небось, не расплюешь.

Тихонъ хлебнулъ, и ни слова, — не глядя, положилъ свою ложку.

— Али не солоно?

Марфуха не прочь и еще помѣшать. А онъ изъ рукъ у нея эту ложку какъ хватитъ, да ложкой.

шуни да буни,
да солоно буди!

Самъ приговариваетъ:

— Да солоно буди!

Солоно пришлось бабѣ: зряшному слову не вѣрь!

1919 г.

Съ кваскомъ

Чѣмъ не плохъ Копылъ — и хозяйство и домъ! — а ладу въ семьѣ нѣтъ и нѣтъ: лупилъ Петръ Анисью, не дай Богъ.

А за то и лупилъ, что ужъ баба-то больно словата: на слово безпремѣнно два слова жди, а чтобы смолчать, — никакъ.

Ну, не выдержитъ Петръ да въ кулаки.

Не успѣетъ у Анисьи синякъ слинять, новый готовъ — Петровъ-то кулакъ во! — вся-то баба синющая.

Не житье было, каторга.

*

Проходилъ тѣмъ селомъ странникъ, зашелъ къ Копыламъ — Петра-то дома не было — Анисья и ну жаловаться.

— А ты бы, умница, и смолчала! — присовѣтовалъ странникъ.

— Какъ бы не такъ! Придетъ окаянный изъ лѣсу, зарычитъ, звѣрь звѣремъ: и обѣдъ давай, и онучи неси, и лошади сѣна дай! Да что я — десять рукъ у меня? — не разорваться-жъ!

А потомъ, какъ сердце-то выговорила, и говоритъ:

— Ты, божій человѣкъ, все знаешь: не знаешь ли вотъ заговора, какъ бы усмирить его, чтобы не очень-то дрался. На квасокъ не пошепчешь ли аль на воду?

Странникъ подумалъ чего-то, посмотрѣлъ на Анисью.

— Знаю, — говоритъ, — пошепчу, пожалуй, тебѣ на квасокъ.

— И ему испить дать?

— Ничего не давай! Какъ пріѣдетъ да начнетъ браниться, возьми этого квасу въ ротъ и держи во рту, не глотай, не выплевывай! Какъ рукой сниметъ, — перестанетъ драться.

Нацѣдила Анисья квасу ковшъ, пошепталъ надъ ковшомъ странникъ, попрощался и пошелъ своей дорогой.

*

Осталась Анисья одна, ужъ не знаетъ, куда и ковшъ дѣвать, квасокъ сберечь — не простой, нашептанный, глоткотыкъ.

„Вотъ пріѣдетъ мужъ, живо она ему глотку заткнетъ, перестанетъ драться!“

А Петръ ужъ ѣдетъ — звѣрь-звѣремъ.

Переступилъ порогъ.

— Подавай обѣдъ, — рычитъ, — поворачивайся!

Анисья такъ бы ему и ляпнула — эка, поворачивайся! — да успѣла кваску хлебнуть, какъ странникъ училъ, а ужъ съ кваскомъ: квасокъ — молчокъ!

А онъ, знай, оретъ.

„Чего орешь? — такъ бы и крикнулось, — щи не упрѣли!“

А молчитъ, молча вынула щи изъ печки, поставила на столъ.

Ѣстъ Петръ, самъ лютѣй-люти, звѣрнѣй-звѣря, не можетъ сдержаться, такъ жену и кроетъ: еще бы — не щи, помои!

— Ходишь день-деньской на работѣ, а вернешься домой и поѣсть по-людски не дашь, лѣнища!

„Лѣнища!“ — она-бъ въ другой разъ сказала словцо, не осталась-бъ въ долгу, а молчитъ, держитъ квасокъ во рту, помнитъ: не глотни, не выплюни!

Ворчалъ, ворчалъ Петръ, наѣлся, наворчался, полѣзъ на полати и тамъ утихъ.

*

На другой день то-жъ.

И всякій день то же: Петръ кричитъ, а Анисья молчокъ: хлебнетъ кваску — хочешь-не-хочешь, помалкивай!

„Что за причина? Словно-бъ жену подмѣнили! — да лежа на полатяхъ, переворчавшись, и раздумался Петръ: — чего де я на нее лаюсь?“

И далъ зарокъ.

Вотъ вернулся домой съ работы, Анисья ужъ ждетъ: сейчасъ пойдетъ крикъ — закричитъ всю избу! — Что за причина? поздоровался, сѣлъ за столъ да тихій такой!

И квасу не надо.

Все равно отсказывать нечего.

И зажили тихо: ни крику, ни бою — въ ладъ.

И пошла молва, что хорошъ Копылъ — и хозяйство и домъ! — а все оттого, что хозяйка его — не простая, съ кваскомъ, звѣря уйметъ.

И пошло съ тѣхъ поръ: что вода на огонь, что узда на коня, то на крикливаго квасъ, только помни — не глотни и не плюнь!

1919 г.

Ефимъ плотникъ

Жилъ-былъ одинъ бѣднющій плотникъ, но и въ бѣдѣ и нуждѣ большое сердце имѣлъ къ несчастнымъ — бѣдакамъ-горемыкамъ: что выработаетъ, все раздастъ.

„Нате, дескать, а я ужъ какъ-нибудь!"

Такъ и жилъ Ефимъ плотникъ, добрый человѣкъ.

Вотъ святые да угодники — имъ наше все видно: оттрудили какой трудъ, черезъ это! — раздумались угодники: — надо же помочь человѣку! — и рѣшили итти къ Господу Богу просить за плотника.

— Дай, — говорятъ, — Господи, плотнику Ефиму богатство!

Много могутъ знать святые, а всего не дано и святому: просятъ Бога за человѣка, а не знаютъ, что еще будетъ.

— Дай да дай богатство! — просятъ.

А Ефимъ сидитъ на бревнѣ: тукъ-да-тукъ — анъ, хвать, изъ бревна-то деньги — да такъ и посыпались. Не будь дуракъ, топоръ за поясъ и прибирать: нагребъ золота, въ хватъ не утащишь.

И что съ такой уймой, куда ее?

Да что тамъ! — сейчасъ же въ Москву, товаровъ разныхъ накупилъ и сталъ торговать, не плотникъ ужъ Ефимъ — купецъ Ефимъ Петровъ.

Ну и домъ себѣ смахалъ: у насъ, въ Питерѣ, какіе дворцы, а такого не сыщешь.

*

Вотъ святые да угодники о Ефимѣ-то и вспомнили.

— Пойдемте, — говорятъ, — посмотримъ, какъ плотничекъ-то живетъ: милостыней-то, поди, всѣхъ обогатилъ!

И пошли.

И прямо къ дому.

И не знай, узнали Ефимовъ домъ.

А Ефимъ-то какъ въ бѣдѣ жилъ да въ бѣдности, по бѣдѣ своей помнилъ о другихъ, а какъ богатъ сталъ, только и дума пошла, что о себѣ — о богатствѣ своемъ: и добро уберечь да еще и богаче стать.

И пройти въ домъ къ нему и не думай!

Такъ ни по чемъ не пустятъ.

А ужъ голь какую, бѣдноту — и не просись, за версту не подпустятъ!

Угодники-то прошли все-таки: Божья сила тоже.

А который Ефиму прислугалъ главный — мордачъ — загородилъ входъ.

— Вамъ, — говоритъ, — чего?

— Пусти, — просятъ, — переночевать, люди мы странные, издалека!

— Не велѣно, — говоритъ, — велѣно взашей такихъ гнать, — а потомъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, — ну, ладно, такъ и быть.

— Да ужъ мы какъ-нибудь, только бы ночь.

Мордачъ ихъ во дворъ, водилъ-водилъ и въ хлѣвъ — къ свиньямъ.

— Ложитесь!

И ушелъ.

Только и видѣли.

*

Чуть свѣтъ — какой тамъ сонъ! — какъ поднялись угодники со свинячьяго-то ложа, испачканы, измазаны, сердце-то сдержать не въ мочь.

— Господи, — взмолились, — отыми отъ Ефима богатство!

Богъ-то и послушалъ.

И чѣмъ былъ Ефимъ, тѣмъ и сталъ.

Все прахомъ пошло, вся казна, и добро и домъ.

И опять пошелъ въ плотники.

И въ бѣдѣ-то и нуждѣ маясь, милостивъ опять сталъ и до того добръ къ людямъ: коли нѣтъ чѣмъ дѣлиться, дѣлился ласковымъ словомъ, — да такъ и прожилъ свой вѣкъ не въ обиду, на миръ.

1919 г.

Находка

Жилъ-былъ дѣдъ и было у дѣда двое внучатъ. Дѣдъ пасъ скотъ, внучата въ школу бѣгали.

Пристали ребятишки, просятъ дѣда:

— Дѣдушка родимый, сходи за насъ въ школу, мы за тебя пасти будемъ.

А былъ дѣдъ до внучатъ жалостливъ и согласился: забралъ сумку да книжки и въ школу.

А внучата скотъ въ лѣсъ погнали — то-то забава!

Кончилось въ школѣ ученье, стали расходиться по домамъ, поплелся и дѣдъ —

— за книжкой-то сидѣть, не скотъ пасти!

Идетъ дѣдъ дорогой, споткнулся, глядь — мѣшокъ.

Посмотрѣлъ въ мѣшокъ, думалъ, такъ чего, а тамъ — деньги.

Вотъ такъ находка!

„То-то, — думаетъ, — ребятишкамъ теперь гостинцу накупитъ, будетъ праздникъ!“

Съ находкой и вернулся домой.

А тамъ и внучата вернулись изъ лѣса, изморились —

— скотъ пасти, не книжку читать!

Дѣдъ имъ ни слова, и никому.

А прошелъ день, стали по селу искать:

— Не нашелъ ли кто мѣшка съ деньгами?

„Ну, — думаетъ дѣдъ, — пропали гостинцы!

А ничего не подѣлаешь: и жалко да нельзя, и заявилъ.

— Я нашелъ.

— Какъ? когда? гдѣ?

— Да вотъ, когда въ школу-то ходилъ...

— Эхъ, дѣдушка, — не дали старику и слова кончить, — давно это было, коли ты еще въ школѣ-то учился! Владѣй находкой, то не наша потеря.

Такъ мѣшокъ у дѣда и остался — находка.

Гостинцевъ-то ребятишкамъ — то-то праздникъ!

1919 г.

Оглавленіе

Книги Алексѣя Ремизова

ПОСОЛОНЬ. Сказки. Съ рис. Н. П. Крымова. Изд. „Золотое Руно". М. 1907 *(Распродано)*.

МОРЩИНКА. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907 *(Распродано)*.

ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. „Оры". Спб. 1907 *(Распродано)*.

ПРУДЪ. Романъ. Изд. „Сиріусъ". Спб. 1908 *(Распродано)*.

ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Гоносіева повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. Изд. „Сиріусъ". Спб. 1908. Въ 25-и им. экз.

ЧАСЫ. Романъ. Изд. „Eos". Спб. 1908 *(Распродано)*.

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разсказы. Изд. „Eos". Спб. 1908 *(Распродано)*.

РАЗСКАЗЫ. Изд. „Прогресъ". Спб. 1910 *(Распродано)*.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 8-ми томахъ съ портр. автора съ рис. М. В. Сабашниковой. Изд. „Шиповникъ" — „Сиринъ". Спб. 1910—1912 *(Распродано)*.

ПОДОРОЖІЕ. Разсказы. Изд. „Сиринъ". Спб. 1913 *(Распродано)*.

ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Изд. „Сиринъ". Спб. 1914 *(Распродано)*.

ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. Разсказы. Изд. „Сиринъ". Пгр. 1915 *(Распродано)*.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Разсказы. Съ рис. Н. К. Рериха. Изд. „Отечество". Пгр. 1915 *(Распродано)*.

УКРѢПА. Сказки. Изд. „Лукоморье". Пгр. 1916 *(Распродано)*.

СРЕДИ МУРЬЯ. Разсказы. Изд. „Сѣверные дни". М. 1917 *(Распродано)*.

НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказанія. Скл. изд. „Парусъ". Пгр. 1917 *(Распродано)*.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ. Николины притчи. Изд. „Колосъ" (Коробейникъ № 10). Прг. — М. 1918 *(Распродано)*.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Сказки. Изд. „Скифы". Пб. 1918 *(Распродано)*.

СТРАННИЦА. Повѣсть. Изд. „Революц. Мысль". Пб. 1918 *(Распродано)*.

О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ. Слово. Съ рис. Е. Туровой. Изд. „Сегодня". Пгр. 1918 *(Распродано)*.

СНѢЖОКЪ. Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. „Сегодня". Пгр. 1918 *(Распродано)*.

СИБИРСКІЙ ПРЯНИКЪ. Сказки. Изд. „Алконостъ". 1919.

ЭЛЕКТРОНЪ. Отъ словъ Гераклита Ефесскаго. Изд. „Алконостъ". Пб. 1919

БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО. Представленіе. Изд. ТЕО. Пб. 1919.

ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ. Изд. ТЕО. Пб. 1919.

ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. Театръ. Изд. „Алконостъ" — „Госизд" Пб. 1920.

ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ. Изд. „Алконостъ". Пб. 1920.

ЦАРЬ ДОДОНЪ. Сказка. Съ рис. Л. Бакста. Изд. Обез. Вел. Вол. Пал. Пб. 1921.
